

(1914)

(1968)

(1974)

(1994)

(2006)

Альманах

Истоки

Выпуск № 7

История. Культура. Краеведение

ИСТОКИ

Альманах имени Н.Т. Турчина

№ 7

Новороссийск
2022

ЧИСТЫЕ ИСТОКИ

История, краеведение, мемуары – таково триединство содержания альманаха «Истоки», выходящего в городе-герое Новороссийске с 2017 года.

В нем представлены жизнь, борьба, труд нашего города, рассказы об известных и вполне рядовых жителях, фотографии, немалое число из которых уникальны, так как взяты из личных архивов.

Порой бытовая зарисовка свидетеля конкретных событий или того, кто пересказывает то, что донесла память предков, важнее богатой и выверенной историческими фактами публикации, поскольку несет живое дыхание новороссийцев, их непосредственные эмоции, их боль или гордость за родные места. Деталь может стать куда более впечатляющей и воспитывающей, чем тома исследований.

Что касается нравственных основ ежегодного периодического издания, то редакция считает, что история не стоит на месте, постоянно осмысливается и обогащается. Однако она, к сожалению, может подвергнуться забвению, неверному истолкованию, а иногда и сознательному искажению.

Альманах ориентируется на широкий круг читателей, в том числе и на подрастающее поколение, для которого он является связующим звеном в попытке восстановить временную цепь.

В 2020 году альманах и его издатели стали лауреатами ежегодного городского конкурса «Колокола истории».

Номера распространяются по библиотекам, в том числе и школьным, нашего города. Часть тиража, по числу авторов, попадает в частные семейные архивы, чтобы стать отправной точкой для детей и внуков – потомков – в исследованиях истории своей малой родины и огромного генеалогического древа этих семей.

Электронная версия альманаха доступна на сайте библиотеки Баллиона – это единственное издание местных авторов, распространяемое и таким способом.

Редколлегия

ГОРОД МОЕЙ ДУШИ

Топонимика города

ИЗВЕСТНЫЕ МЕСТА «НЕИЗВЕСТНОГО» ГОРОДА УЛИЦА НОВОРОССИЙСКИХ ПАРТИЗАН

Улицу назвали в честь Навагинского полка (командир полковник Полтинин), который участвовал в высадке десанта 12 сентября 1838 года. В довоенное время её именовали уже Театральной (проходила между стадионом и городским парком, то есть в районе сторевшего в войну театра).

Начиналась она широкой красивой лестницей, выходящей на городскую набережную. С левой стороны улицы на месте бывшей школы № 5 построен Международный морской центр. С ним соседствуют на углу улицы Мира два новых девятиэтажных дома. Далее – здание, в котором располагается военная комендатура. Затем до улицы Карла Маркса (Воронцовской) квартал застроен домами уже после войны. На следующем углу до улицы Советов сохранился один из домов гостиничного типа, построенный в 20-х годах. От набережного адмирала Серебрякова правая сторона начинается зданием штаба морских пограничников, построенным, как и рядом стоящий дом, в пятидесятые годы. На углу ул. Мира, дом 45, где на первом этаже детская библиотека им. Крупской, он построен в 1962 году на месте разрушенных зданий, а именно двухэтажного здания банка (Дом Наумова), в котором во время оккупации было фашистское гестапо и при оставлении города здание было взорвано вместе с арестованными нашими гражданами. Далее на пересечении с улицами Губернского и К. Маркса располагаются жилые дома послевоенной постройки. Заканчивается улица домом довоенной постройки на углу ул. Советов.

СТАНИЧКА (ныне КУНИКОВКА)

Станичка, т.е. Новороссийская станица, была основана азовскими казаками в 1862 году как одна из станиц Адагумской оборонительной линии.

В 1873 году она была упразднена. Жители были причислены к мещанам, где, кроме оставшихся казаков, селились отставные матросы и солдаты и занимались огородничеством и рыболовством. Она начиналась от улицы Слепцовской (ныне Исаева) и заканчивалась в районе улицы Песчаной (теперь р-н улицы Куникова). В 1936-38 гг. было построено здание школы № 21, за которую в 1943 году постоянно шли бои. Несколько раз она переходила из рук в руки. Здесь совершил свой подвиг Михаил Корницкий, чьим именем теперь названа бывшая улица Азовская и новая школа № 22. **До этого работала только школа № 10, построенная в 1904 г.** На этом месте до конца 20-х гг. располагалась Шереметьевская площадь, на которой в 1897 году на пожертвования прихожан была построена церковь Вознесения Господня в честь благополучного спасения цесаревича Николая, которого во время путешествия по Японии в г. Оцу ударил саблей жандарм. В конце 20-х гг. она была закрыта и стала клубом Розы Люксембург, при котором имелась изба-читальня и **работал ликбез (ликвидация безграмотности).**

По бывшему Комаровскому оврагу, в настоящее время заключенному в коллектор, разбит сквер, по которому проходит ул. Черняховского. В дореволюционное время и позже в конце этого оврага существовал кирпичный заводик с примитивным напольным обжигом

кирпича. А местные жители из глины и мелко рубленной соломы изготовляли блоки (саман) для строительства жилья (кирпичная площадь).

В районе теперешней **школы № 2** в довоенное время располагался хозяйственный двор армянского колхоза «Новый путь», поля которого были на месте теперешних спальных районов города. Кроме того, колхоз имел бригаду берегового лова рыбы и снабжал город овощами и рыбой.

Станичка – это пригород Новороссийска, самый пострадавший район города. После освобождения местные жители, вернувшиеся в Новороссийск, по случайно уцелевшим колодцам, ориентируясь на берег бухты, определяли местоположение бывших улиц. После окончания войны улица Суворова, одна из первых в этом районе, была застроена двухэтажными домами. Примерно с 1960 г. район бывшей Станички, носящий сейчас название Куниковка, застроен домами разной этажности, с другим расположением и названием улиц.

УЛИЦА ВИДОВА (ранее СТАРОАНАПСКОЕ ШОССЕ)

Этот участок до устройства улицы Видова от Камской до Шиллеровской именовался Скотопрогонным.

В конце 60-х годов по настоянию председателя горисполкома А.А. Александра за счёт капвложений лесного порта Староанапское шоссе было переустроено в улицу Видова, в настоящее время продлённую до 13-го микрорайона. В 70-е годы улица стала застраиваться многоэтажными домами. На углу улиц Видова и Луначарского построен молочный завод.

Левая сторона. От улицы Камской и почти до Луначарского занята воинской частью. Правая сторона этого квартала застроена жилыми домами, в том числе девятиэтажными, до улицы Кутузовской.

Левая сторона застраивается многоэтажными жилыми домами. Ранее на этой стороне улицы были одноэтажные частные жилые дома. На правой стороне улицы на углу пересечения с Шиллеровской в 60-е годы был построен кинотеатр «Возрождение», на месте которого теперь страховая компания. Левая сторона улицы, от Шиллеровской до Куту-

зовской, застроены новыми домами на месте одноэтажных. Этот участок улицы раньше не имел дорожного покрытия и тротуаров.

На следующем углу за пересечением с ул. Кутузовской до войны была пуговичная фабрика, а позднее – штамповочный завод.

До революции район от ул. Чайковской т.е. ул. Фурманова (Анастасиевская), Мальченко (Дарьинская), 8 Марта (Пенчуловская), Майковская, в сторону теперешней ул. Щорса (Вторая Евгеньевская) и дальше, в сторону Шиллеровской, из-за самовольного застроя именовался в народе Нахаловкой.

В 1903 году Городская дума утвердила застройку этого района, в расчёте четыре сотки на участок. Для медицинского обслуживания примерно в 1905 году была построена аптека, которая существует и в настоящее время. В довоенное время её заведующим был Марк Григорьевич Бичуч, который мог в экстренном случае дать квалифицированный медицинский совет и пользовался авторитетом у жителей города.

Для обучения детей была построена начальная школа, здание которого сохранилось до сего времени, напротив автовокзала. В 20-е годы школа служила избой-читальней и в ней располагался Дубинский РКСМ. В начале 30-х годов – нулевая школа, филиал 11-й школы, в которой готовили ребят для поступления в начальную школу. Детвора звала эту школу «избушкой». После освобождения города в 1943 году в её здании помещалась школа № 12.

После пересечения ул. Чайковского на углу кладбища была небольшая часовня, где вечерами в 30-е годы можно было видеть горящие свечи и силуэты молящихся. Сейчас на этом месте магазин. Там, где сейчас военный госпиталь, до революции была судебная патологоанатомическая лаборатория.

Свято-Успенский храм был построен в 1904 году. В начале 1930 года он был закрыт. И вновь открыт в 1942 году. На углу улицы Гладкова (Ставропольской) в бывшем помещении строительного управления в настоящее время дом ночного пребывания. До войны подобное заведение было в этом же квартале. После войны на его месте было построено ателье мод, теперь в нём другое учреждение. В 30-е годы в районе теперешнего медицинского училища был цех стульной фабрики. Это здание за долгие годы много раз меняло своих арендаторов. До революции здесь было частное училище. Позже в нём располагался городской музей, педтехникум, переросший в учительский институт, строительный техникум, музыкальное училище.

Противоположная сторона от храма была застроена частными домами и мастерскими. В начале 60-х годов здесь построены 5-этажные дома и учреждения.

УЛИЦА СКОБЛИКОВА (НИКОЛАЕВСКАЯ)

Улица Скобликова шла параллельно главной улице города – Советов. Она начиналась от улицы Свободы на правой её стороне, от двухэтажного дома, в котором на первом этаже с 20-х годов был клуб глухонемых. На его месте и за счёт снесённых старых построек

воздвигнут несостоявшийся Дом политпросвещения. Сейчас здание занимает в основном Морская администрация порта Новороссийск, другие организации. Рядом дом со стоматологической поликлиникой. На углу Рубина был кинотеатр «Комсомолец», разрушенный во время войны, новый красивый жилой дом современной архитектуры. Эта сторона включает весь квартал после ул. Рубина до ул. Новороссийской рес-

публики, куда выходит и тыльная часть бывшей швейной фабрики имени Кирова, и художественная школа имени С. Эрзи.

Левая сторона от Свободы до Рубина была застроена одноэтажными домами, за исключением клуба «Иллюзион». Это был один из первых зимних клубов (построен в 80-х г. 19 века). В период Гражданской войны в нём обосновался хор донских казаков, который в 1920 году иммигрировал за границу. Клуб при советской власти назывался «Профинтерн». Перед войной это был клуб, в котором греческая, чешская, армянская и другие диаспоры проводили свои мероприятия. В войну здание разрушено.

Сейчас левая сторона улицы Скобликова – парковая магистраль по улице Советов. На другой стороне ул. Рубина, продолжая ул. Скобликова, была торцевая часть гостиницы «Интурист» (ранее «Европа»). За воротами дворовой части с колодцем (он и сейчас сохранился на парковой магистрали) гостиницы находился «Шахматный клуб». Другим заметным зданием на этом квартале был клуб «Связи и печатников». Заканчивался квартал с левой стороны ул. Скобликова с пересечением ул. Новороссийской республики домом врачей Смолиной и Глинской. Разрушен во время войны. Все постройки довоенной правой стороны Советов и левой стороны ул. Скобликова разрушены, и сейчас здесь проходит парковая магистраль.

Сохранилась лишь часть ул. Скобликова, которая теперь называется переулок Скобликова. С левой стороны сохраняется площадка с тыльной стороны банка. Здесь месте в 20-х годах была эстрадная площадка, которой пользовались учащиеся школы № 5 (на месте теперешнего госбанка) и еврейской школы (располагалась в доме бывшего городского головы, ныне художественная школа), и греческой, размещавшейся в здании бывшего частного училища на улице Раевского (из рассказа бывшего ученика этой школы Станислава Эстафиади, 1917 года рождения). Заканчивает левую сторону переулочка Скобликова старинный кирпичный двухэтажный дом купца второй гильдии Саввы Обрадовича. Дом построен в 1869 году.

Правая сторона переулочка Скобликова в настоящее время застроена двумя большими многоэтажными домами. Заканчивается переулок домом, построенным в конце 50-х годов.

УЛИЦА ФИСАНОВА (Милютинская)

Одна из старейших улиц, застроенная ещё в дореволюционное время, особенно район начала улицы, в основном домами солидной старой постройки.

Начинается она от пересечения с ул. Конституции (Лазаревской). До 30-х годов место, на котором было построено здание Взрывпрома, именовалось «Пустым планом», через который был проход на ул. Раевского (Новороссийской республики).

Там же был дом семьи Фисанова Ивана Карповича – революционера, комиссара партизанского отряда краснозелёных во время Гражданской войны, его изображение увековечено на памятнике Ленина у управления порта. Похоронен он и другие революционеры на Октябрьской площади. На месте их захоронения установлена существующая и в настоящее время стела.

На углу пересечения с ул. Гончарова с довоенных лет и до недавнего времени был продовольственный магазин, сейчас жилой дом, напротив которого сохранилась единственная с дореволюционных времён в городе афишная тумба.

В настоящее время улица является магистральной, соединяющей городскую часть центра по ул. Рубина, Горького (Мадомановской), через Мысхакское шоссе со спальными районами города.

Заканчивалась улица в довоенное время домами частной одноэтажной застройки. Выше улицы Гомановской (Смоленской) на углу ул. Белинского фасадом на ул. Фисанова выходило здание бывшего детского дома для сирот. Эта улица в довоенное время, как и вся часть города выше Октябрьской площади, также именовалась «фортштадтом».

Сейчас улица продлена до окраин города в районе Раевской балки (садовые участки), пер. Рубина (бывший Бейбутовский). Заканчивается переулком Вагоноремонтным (ранее Шуваловский) (см. план города за 1896 год).

P.S. Материал написан в 1970-х гг. прошлого века

От деда к внуку

...Начало весны. Яркое солнце застыло над городом и тёплыми лучами согревает уставших от долгой зимней непогоды жителей Новороссийска. По площади Героев идут двое: один, что повыше – мужчина преклонных лет в фетровой шляпе, из-под неё виднеются

седые волосы, на мужчине коричневый плащ подстать погоде с большими круглыми пуговицами; возле его ноги, держась за руку, быстро перебирал ногами мальчик лет пяти, может, шести. Видно, что это внук с дедом или же правнук с прадедом. Прогуливаясь по площади или направляясь в сторону набережной, пожилой мужчина увлеченно рассказывает малышу о Новороссийске и его насыщенной событиями истории: и про стену «Сынам Отечества», и про Цезаря Львовича Куникова, и про всё, что любопытный до всего мальчик спросит... Тепло ладошке, и город становится понятнее и ближе.

...Так я вспоминаю своего прадеда Николая Тимофеевича Турчина. Прогулки с ним одно из самых далёких, но ярких впечатлений моего детства. Прадеда я запомнил как много знающего, мудрого человека с неиссякаемым оптимизмом и неисчерпаемый кладёз знаний. Н.Т. Турчин вёл краеведческую деятельность: писал статьи, заметки, очерки.

Мой отец, Андрей Егорович Кокадей, является внуком Николая Тимофеевича Турчина. Трудится в Таманском порту. Все рукописи Николая Тимофеевича мы храним как в печатном варианте, так и в электронном. Компьютерные версии в своё время набирала моя мама, Вероника Николаевна Кокадей. Так что вся наша семья так или иначе сохраняет краеведческое наследие нашего деда и прадеда. Все его труды почитаются и хранятся памятью в нашей семье.

Одно из главных дел моего прадеда – Новороссийский клуб старожилов и хранителей истории «Истоки», который продолжает жить и поныне, и теперь, когда его не стало, носит имя Турчина.

Совсем недавно к клубу примкнул и я, чтобы продолжать дело предка...

Терентий КОКАДЕЙ,

**житель г. Новороссийска,
который так любил и знал мой прадед**

Мой личный город

ЗНАКОМОЙ УЛИЦЕЙ ПРОЙДУ...

Брейгелевское «На катке» (или как там у Старшего называются его зимние жанровые картинки?) – вот что напоминает мне зимний Новороссийск моего детства. Да, моё детство случилось столь давно, что я помню снежные зимы. Не только лютую позёмку начала февраля, но и щедрые покрывала снега в декабре, не впритык к Новому году, а с самого почти начала календарной зимы. Проснуться после тихой-тихой ночи (замечали, что, когда падает снег – всё стихает в природе?) от какого-то уж чересчур светлого дня и обнаружить почищенную в две лопаты (дедом и отцом) дорожку через весь двор и дружелюбную снежную бабу, подбоченившуюся между стволов айвы.

Потемневшие, почти до черноты, стволы зимних деревьев, почти такая же спинка у самодельных, добротнo скроенных салазok. Если это выходной, отец ведёт меня на горку. Наш двор внизу улицы, и у калитки куча мала: здесь точка торможения весёлой ватаги на санках, а чаще на фанерках. Я ещё слишком мала, чтобы устремиться от здания школы несколько кварталов вниз самой на любом из этих средств передвижения, а пуще того – боязлива. Поэтому спиной прижимаюсь к отцу – салазки достаточно большие и для взрослого, и для поездки вдвоём. Дух перехватывает...

Обязательно в конце нужно накренить санки и вывалиться в снежную обочину. Меня вытаскивают из сугроба, отряхивают плюшевую шубейку, усаживают назад; отец теперь впереди, тянет мой возок за верёвку, мы едем по улице Молотова (тогда, в середине шестидесятых, полагаю, уже Шаумяна, хотя ещё долго продуктовый в угловом доме именовался в обиходе «на Молотова»). Он был – и сейчас там – на пересечении со следующей от нас улицей, и мне, ребёнку, казалось это страшно далеко. Зато какая гордость, когда я впервые дошла туда за покупками самостоятельно!). И вот мы скользим по этой «Молотова», изредка обгоняя старушек в чёрных салопчиках (из такого была скроена и моя шубка), папа со всеми раскланивается, и они успевают обменяться приветами родне и какими-то страшно важными взрослыми новостями. Вот мы уже пересекли улицу, названную в честь начальника ОГПУ, между прочим, однокашника Александра Васильевича Колчака, странным образом сохранившую своё имя во времена лютой гласности. Здесь на углу пугал детвору тёмными недрами дощатый, выкрашенный в глухой зелёный, сарай, доживший едва не до нулевых. Не помню, то ли здесь размещался какой-то склад, то ли принимали стеклотару...

Если здесь крутануть санки и спуститься вниз – окажешься у забора 62-й школы, её оканчивали мои отец и дядька, двоюродная бабушка и уйма старших знакомых, почти все отцовы друзья, и здесь преподавала мама Кости Подымы – новороссийцам не надо же рассказывать, кто это?

Мы бы минули долгий каменный белёный забор, за которым жили себе многоквартирной жизнью в сени деревьев и увитые виноградом двухэтажки. Но мы не свернули. Потому что наш зимний поезд проследовал по прямой – в чудесное место, где за воротами по периметру выстроились зелёные прилавки под крышами и приземистые белёные лари, оставляя пустынной площадь, которая детскому глазу казалась огромной. Это был базар. Именно полный жизни и драматургии базар, а не скучный «рынок» – унылое слово из учеб-

ника политекономии. С базара родня и соседи приносили не только часть порубленной говяжьей туши или утку, но и разные истории, привезённые станичниками «на сдачу», которые детское ухо ловило случайно и обрывками, пока мы заглядывали в пакеты из серой бумаги, нет ли чем поживиться набегавшемуся по улице (развлечение называлось «носиться») растущему организму. Но зимой в этих пакетах ничего вкусного не оказывалось – всё требовало мужских рук – для разделки и женских – для готовки, вначале в дровяной печи с чугунными заслонками, затем, с семидесятого года, когда я пошла в школу и нам провели газ, включать который я училась под принуждением, со слезами и мольбами, до ужаса боясь синего пламени дырчатых горелок и первоначального хлопка, – на плите.

Вариантов «заморить червячка» было два – мазали сливочным маслом и посыпали сахаром-песком ломоть белого, а лучше серого, «по тринадцать», продававшегося на углу, где заворачивал трамвай (да-да, я его застала, и даже есть отметина на память – маленький шрам на подбородке, разбитом на незамеченном костыле убранных уже рельс). Либо натирали солью и чесноком ржаную горбушку.

С этой добычей мы высыпали снова на улицу и за отсутствием «завалинки» висли на каменном заборе детсада. Что он никакой не каменный, а слепленный из цемента, стало понятно, когда начала обнажаться витая, тронутая ржавчиной, арматура. Но мы были уже взрослыми, страна уходила из-под ног, и неблагородное происхождение забора оказалось не единственной разоблачённой тайной и не единственным нашим разочарованием.

Мы никогда в те годы не ходили на пляж. Только "на море". Или даже, как наши соседи, на море. К ним летом частенько наезжала, родня из станиц, и эта большая компания прихватывала пару соседских ребятишек. Весёлою толпой мы высыпались из трамвая, который шёл до «Октября», и спускались с крутого довольно обрыва, по узкой тропинке, вытопанной сотнями и сотнями ног среди зарослей ежевики, к каменистому берегу со скользкими, поросшими гладкой морской травой, валунами. Расчищали кусок берега от высохшей бурой

провода каких-то других водорослей, выброшенных штормом вместе с пепельно-серыми, выполосканными в солёной воде и выцветшими сучковатыми ветками. Стелили несколько покрывал, мужчины вбивали колышки, на которые шатром повязывали белейшую простынь, надували круги, женщины раскладывали снедь, а мы, скинув скудную летнюю одежду и сандалии, уже сидели по уши в воде, плескали друг на друга и плыли наперегонки неправильным кролем, не погружая лицо в воду на выдохе, а жизнерадостно вертя головой, задранной на почему-то не устававшей шее, чтобы не наглотаться горько-солёной, обжигающей и обдирающей горло жидкости.

Однако считалось, что полоскание горла морской водой – самое действенное средство против фарингитов, и потому нас отгоняли подальше от берега, где вода «была чище», и по команде мы булькали и фыркали этой водой, перекачивая её в гортани. Средство и впрямь было чудодейственное, потому что к десяти годам я перестала болеть по три-четыре раза за зиму гнойной ангиной. Сразу после того, как мне «вырезали» гланды в железнодорожной больнице.

Иногда мы ездили «на ко́су». Это было страшно далеко, дальше, чем на «Барбаринно», куда, в отсутствии личного транспорта (на нашей улице он был только у моряка заграничного плавания, отца моего одноклассника, да ещё молодой сосед с верхней улицы гонял на «Урале» с коляской) выбирались пару раз за сезон. Автобус шёл до сегодняшней Куникова, или даже до модного только открывшегося тогда магазина «Космос». За рядом пятиэтажек было... ничего. Серая земля в жухлом бурьяне, к морю вёл склон, иссечённый мокрыми змейками – ручьями, навсегда погубленными развернувшейся вскоре стройкой. Перепрыгивая рытвины, заполненные водой, мы оказывались у кромки моря, и ещё нужно было топтать и топтать от города, чтобы миновать место, считавшееся опасным из-за ям в море, в которые затягивало будто бы неосмотрительных пловцов (был ли страшный улов у хищного моря, не поручусь, но нас, детей, остерегали).

Бывало, ездили на озеро Абрау. Лодки, рыбалка, пикник на скошенных бетонных плитах, уходящих в воду неповторимого цвета, бирюзовую на свету и серо-зелёную в тени ив, полощущих косы в озере.

Ещё случались поездки на озеро по пути во Владимировку. Ничего из этого я не любила, потому что всю пору детства меня страшно укачивало в автобусах и такси.

Из любимых мест купания спорили между собой пляж на НовоРЭСе, с бетонным молом, обросшим мидиями, и какой-то щебёнкой на дне, которую я однажды пробороzdила головой, неудачно прыгнув с бетонной плиты, и Водная, экспроприированная в 90-х под нужды военного флота.

На НовоРЭСе мальчишки таскали оборванные со свай вместе с мармеладно-зелёными бархатистыми водорослями мидии. На пару валунов укладывался найденный тут же огрызок листового железа или хоть крышка с рваными краями от консервной жестянки, разжигался огонь, и на этот по-быстрому сочинённый противень выкладывались сомкнутые иссиня-чёрные створки. Крабиков не надо было даже ловить – смешно, бочком, они семенили по обнажённому отхлынувшей волной берегу.

Подрастая, мы всё больше делали выбор в пользу Водной. От нас туда ходил похороненный много лет назад «четвёртый» троллейбус и «четырнадцатый» автобус, добиравшийся аж до Шесхариса. Выйти нужно было «на туббольнице», пройти мимо нескольких дворов с какими-то приземистыми домишками, почти землянками, в глубине заросшего сада, дойти до кафе «Полёт», кажется, и свернуть вниз от дороги. Здесь можно было встретить коров и коз, а ниже высилась башня дачи Голицына, со следами разрухи, но всё ещё жилая. В первом ярусе жила какая-то семья, а может, несколь-

ко, и в открытую дверь можно было иногда увидеть, как на керогазе кипятят таз с бельём или что-то варят.

Собственно, пляжей здесь было два – по одну сторону двухэтажного здания водной станции с дощатым мостиком, выступающим довольно далеко в море, во всяком случае, здесь уживались несколько подростковых и молодёжных компаний, и по другую. Тот, что справа, на стороне «графских развалин», был более уединённым и вскоре обрывался скалистым уступом, перегораживавшим узкую полоску берега. Слева располагалась более обжитая часть пляжа, с питьевым фонтанчиком в стене станции, с раздевалками и с саманным строением на два входа на лесистом пригорке, откуда отчаянно несло хлоркой.

Изюминкой этого пляжа был родник со студёной безумно вкусной водой, словно впитавшей соки ежевики, росшей здесь вольготно и густо. Нужно было вскарабкаться на горку и нырнуть под сомкнутые кроны деревьев, образовавших туннель, всегда, даже в самый ослепительный день, сумрачный и прохладный. Если вы хотели напиться или перемолвиться словечком с понравившимся мальчиком (ничего такого, одно лишь томительное предчувствие, необъяснимое самой себе, и остававшееся не растолкованным взрослыми – ну кому ты расскажешь от том, что ещё не нашло себе словесную оболочку?!) – вы брали жестяную кружку или алюминиевую фляжку и ныряли в этот маленький Эдем, а ваш избранник, высмотрев вас из воды, тоже спешил на водопой, совершенно случайно, конечно же, в те же минуты.

Случайное касание рук под струёй воды или вежливая поддержка на опасном спуске, а если вы были в компании – вы с девочками, он с мальчиками – вспыхивала шуточная перепалка, потому что вы входили в возраст, когда уже сознавали свою отдельность и различия, а совместные игры «в индейцев» или, смешнее того, «море волнуется, раз» передавались по наследству следующему поколению детей.

Еще можно было встретиться у фонтанчика, или устроить заплыв «кто дальше», сочувствующие при этом деликатно отставали. Для нас не существовало буйков, правда, оставался ехидный голос спасательского рупора и вёсельные лодки.

Мы пропадали здесь день-деньской, и взрослые, возвращавшиеся с работы в тесном автобусе, выговаривали нам, в мокрых пятнах уже не сохших вечером трусов и купальников под одеждой.

Кто-то невидимый внутри станции включал динамики и магнитофон с самого утра, в то лето это были «Багама мама», «Мабэйка» и «Санни».

По нашей улице все поднимались в гору смотреть салют. Тогда салюты были только государственные, семейные посиделки украшались бенгальским огнём.

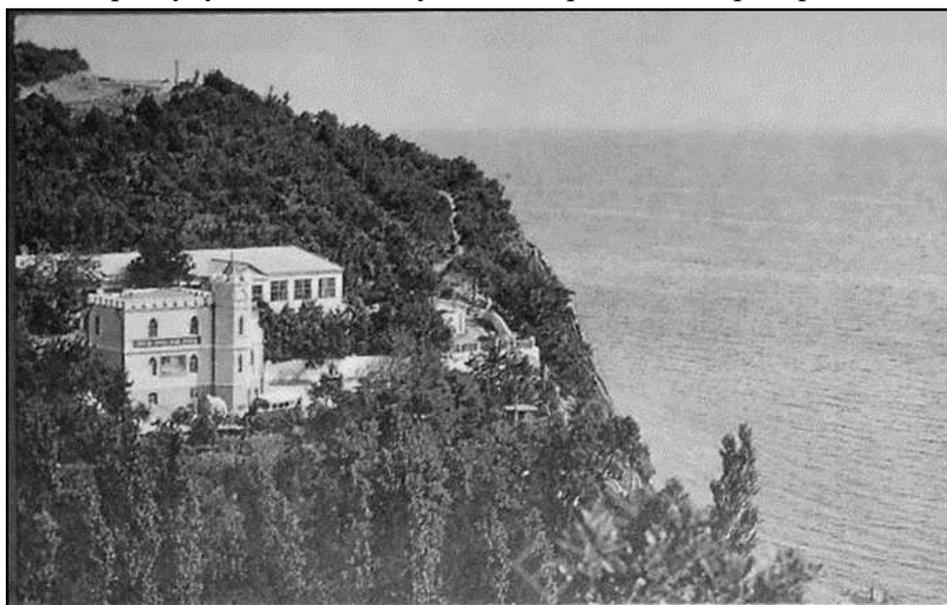
И вот, в дни праздников, когда город укутывался в плотное одеяло позднего вечера, а младшим школьникам уже полагалось давить щекой подушку, нам делали послабление. Все выходили со дворов и шумной вереницей тянулись вверх, до школы, кто-то останавливался здесь, кто-то взбирался до кладбища, самые неутомимые (и смелые) поднимались вдоль кладбищенского (брр!) забора с белеющими пирамидками памятников до самых соседок на горе, тогда ещё только высаженных и крошечных. Перед нами расстилалась бухта, лишь угадываемая в темноте и обозначенная редкими огнями портовых сооружений и зашедших на разгрузку или стоящих на рейде судов. И вот – тонкие цветные стебли несут в чёрное небо звёздочки, осыпающиеся через несколько мгновений, и тут их догоняет грохот орудий. Сейчас в нашем армянском квартале по частным поводам устраивают такое светопредставление, что бедный салют советских времён меркнет в памяти. Но он был событием. Ради которого люди прилагали усилия... Возвращались, светя фонариками впереди себя. Я сейчас поняла, что это мне напомнило. Ночные крестные ходы. Во всяком случае шли с чистым сердцем, объединенные чем-то большим, чем просто соседство.

Марина РЫБКИНА,
журналист

ИМЕНИЕ «ПАВЛОВКА» ПРОФ. КОВАЛЕВСКОГО

На двенадцатом километре Новороссийско-Сухумского шоссе в ущелье среди пышной растительности высится резной белокаменный замок. Судя по архитектуре, возведен он был задолго до «вихрей враждебных», которые задули над нашей страной в революционном 1917-м. Ныне в этом здании располагаются подразделения Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД. Но очень многие проезжающие мимо, даже местные жители, задаются вопросом: «А что же здесь было раньше?»

На одной из открыток начала XX века, хранящихся в фондах Новороссийского музея-заповедника, имеется надпись: «По дороге от Новороссийска въ Геленджикъ, имение «Павловка», проф. Ковалевскаго». Среди зеленых склонов на том самом современном 12-м километре Сухумского шоссе узнаем открыточный прообраз нынешнего отреставрированного здания.

В фондах Новороссийского музея хранится еще одно документальное свидетельство об этом сооружении и его владельцах: в газете «Черноморское побережье» от 23 апреля 1905 г. читаем: «Профессор П.И. Ковалевский живет уже на своей даче «Павловск», бывшей г. Швецова, на 12-й версте Новороссийско-Сухумского шоссе».

Дача была приобретена Ковалевским не позднее 1904 года, и у семьи Швецовых – Г.М. Швецова и его двух сыновей – в собственности еще оставались пять участков в урочище.

Глава этого большого семейства Гордей Михайлович Швецов был личностью весьма примечательной: богатый купец, который в то же время был достаточно известен как «народный поэт баснописец Дядя Гордей». К своему литературному творчеству Г.М. Швецов относился достаточно критически. «Само собою разумеется, – писал он в своей автобиографии, – что за недостатком во мне общечеловеческой талантливости и научной образованности все мои, с позволения сказать, «литературные» произведения не представляют собою идеального творчества, а только лишь свидетельствуют, что все мы, простые смертные люди, силится высказать так или иначе свои мысли и чувства, да только не хватает у нас для этого

необходимого знания и дара слова...» О необходимости для себя высказаться он весьма иронично пишет и в стихотворении «Бухгалтер-поэт»:

Сводя все «счёты» да «балансы»,
Оценку разного труда –
В делах коммерции, финансов,
Бухгалтер смеет иногда
Ценить и кое-что повыше;
Писать дерзает и в стихах...
Курьёзно?.. Правда!
Но коль слышишь
О «политических грехах»,
Беспутный говор, шалопайство,
То, как «оценку» не черкнёшь
Всему подпольному бахвальству
И «общий счёт» не подведёшь
Деяний кой-кого из высших?!..
Но всё ж бухгалтер – не поэт!
В его стихах – одни лишь цифры,
Красот поэзии в них нет.
И в том прошу я снисхожденья
У вас, читатель-патриот.
Своим мыслишкам, убежденьям
Составил я лишь краткий свод.

Не ради самих стихов, а исключительно ради «мыслишек» и «убеждений» Швецов в 1880-е годы начинает печатать свои стихи и басни под литературным псевдонимом «Дядя Гордей». Написанные легко, как бы сами собой, и отличавшиеся знанием жизни стихи Дяди Гордея охотно читались простым людом. Сборник из двенадцати его стихов «Венок Царю-мученику», вышедший в 1882 году к годовщине со дня гибели императора Александра II тиражом в две тысячи экземпляров, разошелся в течение месяца. Всего же эта самая известная из книжек Г.М. Швецова насчитывает восемь изданий, доходы от которых он переадресовал Строительной комиссии храма Воскресения Христова в Петербурге. За свою долгую литературную карьеру Г.М. Швецов опубликовал немало произведений, в Генеральном каталоге Российской национальной Библиотеки (Санкт-Петербург) сегодня числятся 22 печатных произведения, принадлежащих его перу.

Родился этот незаурядный человек в 1838 году на Урале в одном из горных заводов Екатеринбургского уезда Пермской губернии, в заводской даче Билимбай, в семье крепостных крестьян. Родители его были бедны, отец умер рано. Будучи, вероятно, старшим из детей, Гордей помогал овдовевшей матери «воспитывать многочисленную семью», «претерпев и повидав в других семьях всякую нужду». В детстве он тем не менее получил образование в местной заводской школе, в которой позже пять лет был учителем. Работая товарищем (т.е. помощником) бухгалтера в местном заводском правлении, в свободное от учительских занятий время Гордей Швецов на практике изучил горнозаводское производство и счетоводство, что вместе с приобретенными обширными знаниями и необычайной работоспособностью в дальнейшем позволит ему, бывшему крепостному, выйти в купеческое сословие. В 1859 году, за два года до общего освобождения крестьян, графиня Н.П. Строганова уволила Гордея Швецова из крепостной зависимости, и он, оставив родные места, отправился на частную службу в Сибирь. Вернувшись на Урал, Гордей Швецов женился на неграмотной 17-летней девушке из своих же, заводских. Осев в родных местах, он начал служить в коммерческих и торгово-промышленных фирмах, занимавшихся золотодобычей, бакалейной, галантерейной и винной торговлей. В молодости, в перерывах между службой в частных фирмах, чтобы не оставаться праздным, без работы и заработка, Гордей Швецов исполнял обязанности дело-

производителя в судебно-полицейских учреждениях, а также обязанности городского секретаря и делопроизводителя губернского по городским делам присутствия. Ему пришлось произвести и пересмотреть в разное время до пяти тысяч следственно-уголовных дел «разного свойства» – до «ужаснейших смертоубийств, грабежей и разбоев включительно», в том числе – немало дел «политических»; общаться с «самыми криминальнейшими преступниками, даже бежавшими из каторги по нескольку раз, битыми кнутом и плетью, с клеймами на челе и ланитах...». «А уж сколько тысяч прошло пред моими глазами многообразных рабочих людей всякого темперамента за время всей моей сознательной жизни и полувековой служебной деятельности – и вообразить трудно!.. – вспоминал Гордей Михайлович. – По службе в Сибири мне приходилось иметь домашнюю прислугу не только сосланных туда за разные преступления, но даже побывавших в каторге и телесно наказанных людей, и в них оказывались честные и полезные работники».

В 1879 году Г.М. Швецов оставил почетную и выгодную службу управляющего Главной Конторой транспортирования и страхования кладей крупной фирмы в Перми, имевшей конторы и агентства в обеих столицах и по всей стране вплоть до Дальнего Востока, и переселился в Петербург. Здесь он намеревался «дать, под своим личным наблюдением, высшее научное образование» своим детям, «которых тогда было уже 8 человек, из коих старшие двое сыновей успели пройти только до 5 и 6 классов гимназии». Обосновавшись в Петербурге и «рассадив половину своих детей в столичные гимназии», Г.М. Швецов поступил на службу в Волжско-Камский Коммерческий банк. Чтобы обеспечивать семью, он брал дополнительную работу вечерами, часто очень трудоемкую и сложную. В последующие годы Г.М. Швецов много путешествовал: по странам Европы – поправляя подорванное интенсивной работой здоровье; по Центральной России и Чёрному морю – собирая, по поручению Министерств Путей сообщения и Финансов, в сотрудничестве с известным статистиком А.А. Клоповым, сведения о российской хлебной торговле. Затем, поселившись в Москве, снова по европейским столицам: в качестве главного бухгалтера Русского Коннопромышленного Акционерного Общества ревизовал отделения и агентства Общества в Берлине, Дрездене, Париже, Праге и Вене. Спустя год после этой командировки Г.М. Швецов решил окончательно оставить службу и устроить свою старость, занимаясь собственным хозяйством где-нибудь на теплом юге. С этой целью он переселился на Черноморское побережье, где близ Новороссийска, на северо-восточном берегу Цемесской бухты вместе со своими сыновьями приобрел несколько казенных участков.

На одном из них Г.М. Швецов построил двухэтажный каменный дом, в котором со своим многочисленным семейством прожил семь лет, занимаясь разведением шелковицы, винограда и фруктового сада. После смерти в 1899 году от порока сердца «своей дорогой супруги» Александры Ивановны он решил было вновь принять предложение о выгодной службе, но вернулся в свое имение, рассчитывая провести там остаток жизни. Однако события начала XX века не принесли Г.М. Швецову ожидаемой спокойной старости. В 1904 г. началась русско-японская война. Его сын, военный врач Новороссийского местного лазарета К.Г. Швецов, был направлен на фронт. Еще в начале военных действий он остался на поле боя с ранеными, вместе с ними оказался в японском плену и вернулся в Новороссийск лишь год спустя.

Начавшееся в России революционное движение, участвовавшие на Черноморском побережье убийства, грабежи и разбои, а также «внушительное число» пришло со всех концов России рабочего люда, по мнению Г.М. Швецова, делали небезопасным его проживание на «почти безлюдном побережье». Все это побудило его, несмотря на тяжесть расставания с местом, где упокоилась его «дорогая супруга», и чувствительные для семьи убытки, оставить в октябре 1905 года свою новороссийскую собственность и с сожалением покинуть «очаровательное Черноморско-Новороссийское побережье и вернуться на свой родной, не менее восхитительный Урал».

Так на старости лет Г.М. Швецов был вынужден снова зарабатывать хлеб насущный усиленным трудом, устроившись простым счетоводом-бухгалтером в частный банк и одно-

временно на вечернюю работу в конкурсном управлении, занимавшимся ликвидацией обширного торгово-промышленного и банкирского дела. Не оставил он и литературной деятельности, опубликовав в 1906 году «Краткую биографию деревенского писателя-самоучки Максима Васильева Карасева» и в 1909-м – «Патриотические мысли народных поэтов (бывших крепостных крестьян) о достойном чествовании царя-освободителя Александра Николаевича».

В том же 1909 году Г.М. Швецов предпринял попытку издания хозяйственно-экономического журнала «Царь и народ», с воскресным приложением, посвященным простонародному быту и нуждам рабочего класса. Г.М. Швецов был в числе тех, кто восторженно приветствовал избрание первой Государственной Думы Российской империи, начавшей свою работу 27 апреля 1906 г. в Таврическом дворце Санкт-Петербурга.

Среди многочисленных приветствий, преподнесенных первому всероссийскому парламенту, была и небольшая синяя коробочка. В ней находился синий же томик в обложке с богатым золотым тиснением и с золотым обрезом, озаглавленный: «Всероссийской Государственной Думе посвящает русский поэт Г.М. Швецов 27 апреля 1906 года». Книга насчитывала 208 листов и состояла из двух вплетенных в неё типографских изданий: «Найденный рай. Общежитейская поэма Дяди Гордея» (СПБ, 1905 г.) и «Сборник стихотворений Дяди Гордея» (СПБ, 1890 г.). Остальное, почти треть – выполненная аккуратным, чётким, без единой помарки почерком – рукописная история жизни Г.М. Швецова, бывшего крепостного, ставшего петербургским, а затем и московским купцом. Это был своего рода наказ народным избранникам от лица народного поэта и гражданина. Книга была передана в библиотеку Государственной Думы, которая просуществовала до 1918 года. В настоящее время эта книга забытого ныне народного поэта Гордея Михайловича Швецова хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Анна ЗОРИНА,
научный сотрудник

Новороссийского исторического музея-заповедника

P.S. Начиная с 1904 года, дача стала известна, как дача профессора медицины Павла Ивановича Ковалевского. Она была приобретена Ковалевским у одного из представителей семьи Швецовых. Когда было построено здание дачи, пока установить не удалось. Но так как она чем-то напоминает дачу Голицына, которая была построена в 1901 году, то я предполагаю, что дача была построена в период с конца 19 в., по начало 20 века. Профессор Павел

Иванович Ковалевский (1849 (или 1850)–1931) – это отечественный учёный, психолог, публицист, идеолог русского национализма, общественный деятель, психиатр, историк. Постоянно проживая в Санкт-Петербурге, он на протяжении многих лет приезжал на летний отдых в Новороссийск, в свое имение, получившее название «Павловка». После революции на месте бывшего имения был создан детский туберкулезный санаторий здравотдела водников на 182 человека отдыхающих, и в нем числилось 73 человека обслуживающего персонала. С начала 1960 гг. до начала перестройки в

здании располагался санаторий «Новороссийский», а после несколько лет здание находилось в запустении. Пока в 1997 году здание не было передано МВД под размещение филиала Краснодарского юридического института (*ныне* университета МВД). Новые хозяева построили целый комплекс с опорой на архитектурный стиль бывшей дачи. Если верить слухам, то само здание дачи не было разрушено, но так как сверху возвели другие сооружения, то получается, что новостройки «съели» родоначальное здание, и теперь вообще непонятно, где находилась дача.

Игорь ГУСЕНИН,
краевед

Национальное единство

МАТЕРИОДОУШКА – ДУША МАТЕРИ

На черноморском побережье предгорий Северного Кавказа, в окрестностях портового города Новороссийска, располагается село Кирилловка, одно из нескольких сел, образованных чешскими переселенцами в 1869 году.

Большая часть говорящих по-чешски жителей села уже в преклонном возрасте, а естественная передача из поколения в поколение языка и культуры со временем сошла к минимуму. Дети стали снова учить чешский язык, конечно, уже не в семьях, а в воскресной школе, которую в феврале 2002 года организовала коренная жительница села чешка в пятом поколении Ирина Третьякова (Кабрда). И в мае этого же года в Новороссийск на месяц в качестве волонтера приехал учитель из чешского города Раковник. Он из чешского журнала узнал, что на побережье Черного моря, в окрестностях Новороссийска, проживают потомки чехов-переселенцев. А уже с сентября 2003 года Чешская Республика официально к нам стала присылать педагога. Это очень помогает работе нашего клуба, так как никто не может преподать живой язык лучше, чем его носитель. А ведь наши основные задачи – сохранить чешский язык, традиции и культурное наследие. В Кирилловке еще есть пожилые люди,

знающие чешский язык, но он у них уже сильно изменился под влиянием русского и других языков.

Зато наши бабушки ещё помнят обряды, которые их предки привезли из чешских земель в XIX веке, как здесь отмечали разнообразные чешские праздники.

Наш клуб называется «Материдоушка – Душа матери». Нам хочется, чтобы с душой матери, с её дыханием, детям передавался материнский язык и всё что с ним связано. Материдоушкой чехи называют чабрец – травку с нежно-розовыми цветочками, плетущуюся по горам и лугам. В этот цветок превратилась душа умершей матери, чтобы утешить своих детей-сирот, как гласит старинная чешская легенда. Когда в очередной раз ребяташки пришли на кладбище, то увидели, что могила покрыта травкой с нежно-розовыми цветами, а по аромату она им напомнила маму. Тогда дети успокоились, они поняли, что мама их не бросила, она рядом, она их оберегает.

Первое время все мероприятия Клуба проходили в помещении Дома культуры, а занятия воскресной школы в библиотеке села Кирилловки и в Доме культуры другого чешского села – Владимировки. В сентябре 2006 года нам разрешили использовать часть административного здания, где мы начали проводить занятий чешским языком. Интересно, что это помещение – часть бывшей чешской школы, которую построили на собственные средства жители села в начале XX века.

Интересна деятельность любительского театра «Фимфарум». В 2005 году наша учительница Бланка Грунтова на Рождество поставила первое театральное представление. Сопровождался спектакль рождественскими колядками. Это очень украсило праздник. С тех пор в Клубе стало традицией – на Рождество ставить небольшой спектакль и вплетать туда рождественские песнопения.

Интересно проходят и встречи в Клубе чешского кино. Перед просмотром мы говорим об истории создания этого фильма, режиссере, сценаристах, актерах, а после, как правило, обмениваемся мнениями.

По крупицам собираем воспоминания наших старожил о своей жизни, о Кирилловке. Благодаря этим воспоминаниям удалось написать историю села и создать альбом с фотографиями чешских семейств.

Наши деды и прадеды, бабушки и прабабушки помнят много чешских песен, которые мы записываем на диктофон, разучиваем, пишем к ним фонограммы и поем в фольклорном ансамбле «Китице». В числе этих песен есть даже такие, которые не сохранились на исторической родине, а в Новороссийске были сохранены благодаря преемственности поколений и бережному отношению этнических чехов к своим корням. Для нас очень важно, чтобы эти песни не исчезли, а сохранились и звучали ещё долгие-долгие годы.

Мы выступаем на праздниках города, на Днях чешской культуры в Новороссийске. Мы с удовольствием собираем и записываем кулинарные рецепты наших бабушек и мам, вместе учимся готовить кнедлики с капустой и мясом или сладкие кнедлики с фруктами, жарим нежные коблыги (пончики) и божьи милости, печем штрудели, бухты, калачи. А потом за общим столом весело все съедаем. И никогда не обходится без народных чешских песен, присказок, прибауток, воспоминаний старших, которые с интересом слушают дети.

В ходе Дней чешской культуры мы вспоминали Ярослава Гейдука (150 лет со дня рождения), известного агронома, первого знаменосца Чешской дружины, а также Бедржиха

Гейдука (в 2022 исполнилось 190 лет со дня рождения), агронома, основателя промышленного виноградарства и виноделия на Черноморском побережье Кавказа, и его младшего брата, известного чешского поэта Адольфа Гейдука.

Представляя чешскую культуру в многонациональном городе Новороссийске на фестивалях национальных культур «Новороссияне» и других значительных праздниках города, мы не только заявляем о себе и своих возможностях, но и с удовольствием и гордостью готовы предоставить их всем, кому это интересно.

Екатерина КРАЛИНА,
председатель НГОО Культурно-просветительный
чешский клуб «Материодоушка – Душа матери»

Как это было

КАК Я СТАЛ ДАЧНИКОМ

В Новороссийске я оказался в 1956 году, когда мне было шесть лет. Отцу как офицеру Советской Армии дали квартиру на Октябрьской улице в так называемом военном доме. В начале шестидесятых жильцы стали выходить на пенсию по выслуге лет и переходить на новую для них гражданскую жизнь.

В конце Октябрьской улицы они стали получать участки для выращивания сельхозпродуктов. Выражение «дачный участок» в то время было не в ходу. Участки все называли словом «огород», хотя выращивали там не только овощи, но и фрукты, и виноград. Получив документы и побывав на участке, мы увидели, что это просто шесть соток земли, сплошь заросшей колючим кустарником. Нам предстояло вырубить всю растительность и выкорчевать корни. Это была тяжё-

лая мужская работа, а мы с братом были ещё детьми. Пришлось маме взять в руки топор...

Наступил второй этап. Надо было вспахать землю. Нашли тракториста, и за большие деньги он вспахал землю садоводческого товарищества. Это было сопряжено с большой опасностью. В

земле оставались неразорвавшиеся боеприпасы. Время от времени мальчишки пытались разрядить свои находки, чтобы достать порох, и взрывались.

Однажды мы увидели, что на одной из грядок из-под земли торчит хвостовое оперение миномётной мины. Я помню, что мама, которая перенесла все тяготы войны и не раз бывала под бомбёжками, сильно испугалась, а мы с братом восприняли это довольно спокойно, так как были молоды, и чувство опасности нам было незнакомо. Мы сообщили о находке в воинскую часть. Вскоре приехали к нам минёры и взяли брата с собой, чтобы он показал то место на нашем участке. Когда они вернулись, то рассказали, что из-под земли торчал только хвост, а самого корпуса, начинённого взрывчаткой, не было. Началась работа по благоустройству участка. Мы посадили виноград, смородину, малину, крыжовник и клубнику. Из фруктовых деревьев были вишни, черешни, яблони, сливы.

Весной вернулся из Германии отец, он вышел в отставку. Одной из главных в то время была проблема орошения. Участок наш находился на склоне горы, внизу, в ущелье, протекала речка, которая весной была бурная, а к концу лета пересыхала, Мы с вёдрами ходили к реке, носили оттуда воду и поливали огород. Вода была чистая, родниковая и приятная на вкус – мы с удовольствием пили

эту воду. Поливочные работы были очень тяжелыми: воды надо было много, а путь от огорода к речке был неблизким. Но и это продолжалось недолго, так как на следующее лето ближе к реке образовалось ещё одно садовое товарищество, и нашлись изобретатели – они установили на столбах трос с барабаном, на трос прицепили вёдра. В речке сделали запруду. Воду зачерпывали вёдрами и поднимали наверх, крутили руками барабан. Они нас сильно потеснили, а через год вообще перекрыли дорогу к реке, так как образовалось ещё одно товарищество. Пришлось делать бассейны на своих участках

для хранения воды. Работа тяжелая, потому что слой земли небольшой, а дальше были камни. После того, как с большим трудом вырубили яму, края и дно покрыли бетоном, закрыли верх досками, оставив небольшой люк. Воду заказывали в водоканале, и её привозили на машине с баком. Одного бака хватало на весь бассейн. И стоило это недорого по тем временам, три или пять рублей.

Сад стал плодоносить, деревья подросли. Года через три стал давать урожай виноград, и его было довольно много. Хватало и на еду, и на сок, мама стала делать вино. Участки в те времена никто не охранял. Был небольшой забор, который при желании можно было легко преодолеть, но никаких посягательств на наши урожаи не было! Родители с удовольствием обрабатывали землю и пользовались её плодами. Мы с братом выросли и жили в других городах, но, приезжая в гости, всегда помогали родителям.

В 2005 году отец ушёл из жизни. Мама, Анна Леонтьевна, осталась одна. Она была уже в солидном возрасте, и ей стало трудно ухаживать за садом, участок пришлось продать. Теперь там уже довольно обжитое место, на нашем бывшем участке построен большой дом, и ничто не напоминает о

прошлом. Проведены электричество, газ, вода – совершенно другая жизнь. Но вспоминать о прошлом всегда интересно...

Вячеслав ВОЛКОВ,
(фото из семейного архива автора)

О ЖИЗНИ, ПОДВИГАХ И ТРУДАХ...

Восставший из пепла

ИЗ ГРУДЫ РАЗВАЛИН И ПЕПЛА ПОЖАРИЩ...

За всю историю своего существования Новороссийск четырежды возрождался из разрухи и пепла. Но особенно разрушительной для города стала Великая Отечественная война. С августа 1942 года по сентябрь 1943 года город стал ареной ожесточённых боёв, в результате которых враг был здесь остановлен и дальше на Кавказ не прошёл.

Дорогой ценой досталась нам победа. По оценкам государственной комиссии Новороссийск вошёл в число 15 городов Советского Союза, полностью стёртых с лица земли, разрушения составили – 96,5%, материальный ущерб – почти два миллиарда рублей. Территории бывших предприятий, дома, улицы, сады, парки – заминированы, в бухте затоплены корабли. Населения практически не было. «С большим трудом на второй день, 17 сентября, удалось обнаружить гражданку Ткаченко с матерью и тремя детьми. Это всё, что осталось от 80-тысячного населения города. Всё остальное население немцы насильно вывезли в свой тыл, в Германию» (Докладная в ЦК ВКП (б) П.И. Селезнёва, первого секретаря Краснодарского крайкома партии).

«Услышав сообщение Совинформбюро об освобождении родного города, утром я села в поезд в Краснодаре, который дошёл до станции Ильской, дальше не ходил – пути разбиты – пошла пешком. Улицу Советов я не узнала. Взорвано здание мукомольного комбината, гостиница «Интурист», главпочтамт, на месте бывшего здания торгсина большая воронка-яма, куда бы могло вместиться двухэтажное здание. Воздух насыщен гарью, зловонием от сгоревших трупов, лужи крови, нечистоты разбитой канализации, нет света, а с наступлением ночи стаи крыс шныряют в потёмках» (Из воспоминаний Анастасии Григорьевны Комиссаренко).

Вслед за партизанами в город постепенно стали возвращаться мирные жители. «Ютились в землянках, в блиндажах, в углах разрушенных зданий, в уцелевших подвалах. С наступлением сумерек город походил на большой лагерь беженцев. Горят костры, в темноте копошатся люди, гудят жернова, мелют кукурузу, варят кашу. Кукуруза была основным продуктом питания. Первый продуктовый магазин открылся во Дворце пионеров, по карточкам новороссийцы покупали там хлеб, крупу, растительное масло, сахар, мыло и прочие товары. Каждый день две грузовые полупорки отходили от здания горисполкома в Краснодар, откуда привозили продукты для населения, они же были и пассажирским транспортом» (Из воспоминаний А.Г. Комиссаренко). Первым предприятием, давшим продукцию на третий день после освобождения города, была пекарня на углу улиц Карла Маркса и Свободы.

17 сентября 1943 г. зазвучал радиоголос Москвы, вышел первый номер газеты «Новороссийский рабочий», в котором сообщалось, что краевые власти на восстановление города выделяют 1 млн 400 тыс. руб. 26 сентября состоялся городской митинг, в котором участвовало свыше 500 человек. Главным был лозунг «Каждый новороссиец должен стать строителем!» В городе на тот момент уже было зарегистрировано 1 023 человека, из них мужчин – 239. Всеми восстановительными работами руководил городской штаб во главе с первым секретарём горкома ВКП (б) Пётром Ивановичем Васёвым. Подполковник Николай Иванович Малышев, начальник оперативного штаба, руководил разминированием города. Сапёрным подразделениям приходилось работать по 14–16 часов в сутки, уже к концу сентября ими было обезврежено свыше 33 тысяч мин и 129 фугасов.

Большинство населения составляли женщины. Из них и формировали бригады для восстановительных работ. Девушки и юноши, прибывшие в город по призыву краевого комитета комсомола, брались за любую работу. Девушки осваивали профессии электрика, сварщика, плотника, слесаря и минёра в том числе. После ухода из города частей Красной Армии задача по разминированию легла на плечи мирного населения. Военные оставили карту с указанием дислокации минных полей и запретных зон.

10 ноября 1943 года начал свою работу городской совет Осоавиахима, в составе которого был образован отряд минёров-добровольцев. Штаб по разминированию возглавила А.Г. Комиссаренко. В довоенное время она окончила Харьковское училище гражданской обороны ЦК Осоавиахима СССР. Была назначена начальником городской школы ПВХО в г. Новороссийске, на этой должности и застала её война. Она оставила о том тяжёлом времени бесценные воспоминания, которые хранятся сегодня в музее цементной промышленности. На них мы и будем опираться.

В состав отряда минёров в основном входили девушки 17–23 лет: Тамара Просолова, Лариса Чеснокова, Лидия Ряплова, Ольга Бруценко, Нина Калашникова, Прасковья Романюк, Юлия Русакова (Панекина), Эмилия Тарасова (Турчанова), Надежда Шляхова и многие другие. Флотские инструкторы-минёры делились бесценным опытом и проводили обучение новобранцев. В первом отряде первоначально было всего 46 человек, через два года он уже насчитывал почти 300, из которых 47 – инструкторы. Многие девушки недавно переступили порог своего совершеннолетия. Все они числились рабочими городских предприятий и разминированием занимались в качестве общественной нагрузки. Никаких привилегий, дополнительного пайка, спецодежды у них не было. Одеты были в ситцевые платица, сверху фуфайка, на ногах разбитая обувь, часто подвязанная проводом. Стремительно приближались холода. Как-то на работу не вышли 10 человек – кто заболел, кому просто надеть было нечего. Под угрозой срыва оказалось очередное задание, а это в условиях военного времени было недопустимо. Решительная Анастасия Григорьевна пошла в горком партии доложить о проблемах отряда, затем обратилась к директору цемзавода Веберу с просьбой, чтобы девушек кормили в рабочей столовой, пока они очищали от мин территорию завода «Пролетарий». Но руководитель завода развёл руками: «Продовольствие ограничено, рабочим не хватает, ничем не могу помочь». Комиссаренко тогда дошла до крайкома партии, но своего добила. Положение намного улучшилось, девушек поставили на дополнительное питание, выдали спецодежду.

Территория города была разбита на квадраты. Квадрат А-36 – район завода «Пролетарий». За год боёв на территорию цемзаводов было сброшено 6 500 авиабомб, материальный ущерб составил 68 616 338 рублей. Два месяца потребовалось сапёрам, чтобы обезвредить территорию, и только после этого рабочие приступили к разбору завалов. Однако опасность подстерегала любого, кто работал на территории предприятия. Трагедия случилась с молодой девушкой с цемзавода «Октябрь», которую звали Липа Фёдорова. Как обычно, утром она пошла на обход карьера. И вдруг раздался страшный взрыв. Ранение оказалось очень тяжёлым, девушке ампутировали обе ноги. Прошло время, раны затянулись, она встала сначала на костыли, потом на протезы. Благодаря силе духа, характеру, поддержке близких девушка окончила индустриальный техникум, затем поступила работать в химлаборато-

рию завода, а позже возглавила её на долгие годы. Примеров мужества в то время было немало.

Восстановление «Пролетария» шло под руководством Владимира Аркадьевича Постовского, специально отозванного с фронта. Работали с таким энтузиазмом, что уже через семь месяцев после освобождения города завод дал свои первые 400 тонн цемента из клинкера довоенного времени, это был апрель 1944 года, а уже к осени стали выпускать цемент высокой марки – 500. К лету 1949 года завод «Пролетарий» был восстановлен полностью.

По сути все, кто возрождал наш город из разлухи и пепла, кто восстанавливал цементные заводы, были героями. Многих цементников уже нет в живых, но их имена в нашей памяти: В. Д. Абрамчук, Н.П. Ловский, С.Н. Сломко, А.Л. Пироженко, И.В. Гаркуша, А. Рябинина, П. Шара и другие.

Разминирование в городе продолжалось. Каждый день в 18 часов на восьмом километре Сухумского шоссе были слышны взрывы. Грузовая машина с красным флажком доставляла туда опасный груз, собранный за день. Когда не было транспорта, его вывозили на телеге. Дорога в тот момент казалась длиною в жизнь, как вспоминали девушки. Постепенно, шаг за шагом отряд минёров очистил территории порта, элеватора, цементных заводов, вокзала, парка имени Ленина и других объектов. В этих местах устанавливались столбики с фанеркой «Проверено, мин нет».

Сдавали нервы у мужчин, вспоминает Анастасия Григорьевна Комиссаренко, а они, женщины, не имели на это права. На крыше здания НовоРЭС лежали две фугасные не разорвавшиеся авиабомбы. Их надо было снять, вывезти и взорвать. Территорию электростанции срочно освободили от людей. Девушки работали чётко и слаженно. Когда бомба уже лежала в кузове машины, шофёр наотрез отказался ехать, объясняя тем, что у него семья, дети. Тогда Анастасия Григорьевна сама поднялась в кабину и своим примером «уговорила» шофёра сесть за руль, а ведь её дома тоже ждал сын.

Отряд работал на территории городской больницы, при первом осмотре всё было чисто, однако возникло подозрение – что-то не досмотрели. Все сомнения развеяла Лиля Тарасова, считавшаяся лучшим специалистом в отряде, у неё было особое чутьё. В это время она была отстранена от дел по уважительной причине – ждала ребёнка. Лиля внимательно всё осмотрела и задержалась у ямы, уходившей под стену родильного отделения. Под слоем грязи оказались аккуратно уложены листы рубероида, под ними – толовые шашки. В самом низу ямы – детонатор, от него провода вели в одну из больничных палат и там были подключены к электросети. Расчет был простой: как только повернут выключатель, всё взлетит на воздух... Всё закончилось благополучно.

Гремело в отряде имя Нины Калашниковой, вчерашней партизанки, Ларисы Чесноковой, которая собственноручно ликвидировала 1 300 боевых мин, Надежды Шляховой и других отважных девушек. За весь период работы «команда Комиссаренко» не имела ни одного ЧП, все девушки оставались целыми и невредимыми, что говорило об их высоком профессионализме и, наверное, везении. А ведь было всякое...

Разминировали территорию виноградников на Мысхако. Сложный участок... Трудно было передвигаться с миноискателем, встречались трупы гитлеровцев, наводя ужас на девушек. Всё заросло бурьяном, лозы переплелись, на ветках висели уже поспевшие гроздья винограда. Население ринулось собирать урожай, забывая о смертельной опасности, которая подстерегала их на каждом шагу. Опытный минёр Лиля Тарасова оказалась на волоске от смерти, соседка слева закричала, что она стоит на mine. Под ногами действительно оказалась противопехотная мина, которая срабатывала при нажимном усилии в 60 кг., к счастью, вес девушки не превышал и пятидесяти, в этот раз обошлось... Новороссийский отряд минёров обезвреживал районы Анапы, Кабардинки, Геленджика, Туапсе, «голубой линии», территорию многострадальной Малой земли. Всего ими было снято и уничтожено более 300 тысяч мин, снарядов, авиабомб, гранат и прочих взрывоопасных предметов.

За качественно выполненную работу, за мужество и самоотверженность членов отряда – минёров – Новороссийская организация Осоавиахима была отмечена краевым перехо-

дящим красным знаменем, 32 человека – грамотами, ценными подарками и денежной премией, а особо отличившиеся, как Надежда Шляхова, Нина Калашникова, Лариса Чеснокова и другие – медалями «За боевые заслуги».

Давно закончилась война, но новороссийская земля по-прежнему хранит сотни тонн смертоносного металла. Борьбу со смертью ведут сегодня настоящие профессионалы своего дела – сотрудники ПАСФ «Юг–Вымпел», воины-сапёры 7-й ВДВ, Новороссийской военно-морской базы, специалисты-взрывотехники УВД. Они стоят на страже нашей безопасности.

**Антонина МЕЛЬДЗЕР,
старший научный сотрудник
музея «Цементная промышленность»**

Память сердца свята

ДАЛЬШЕ ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ

11 сентября 1942 года Совинформбюро сообщило, что советские войска оставили порт и город Новороссийск. Дальнейший ход событий показал, что в это сообщение вкралась чудовищная ошибка. Наши войска не покидали Новороссийск, а немецкие – ни на один день полностью не завладели им. К тому же удобная и важная в планах фашистов Цемесская бухта была парализована, и в нее не вошел ни один вражеский корабль. 375 дней шли бои в районе Новороссийска. Что это было: 375 дней обороны или оккупации? Триумф или трагедия?

Осенью 42-го узкая прибрежная полоса от Грушовой балки до Цемесской бухты и плацдарм в районе Станички, вошедший в историю как Малая земля, стали концом наступления фашистских войск на юге Советского Союза. Линия советско-германского фронта протянулась от Мурманска до Новороссийска. Дальше враг не прошел. Здесь начиналась наша Великая Победа.

Занимая важное стратегическое положение, Новороссийск с первых дней войны стал прифронтовым городом. И с первых дней он подвергается налетам вражеской авиации. За год на город и порт обрушилось около четырех тысяч фугасных и несчетное количество зажигательных бомб.

Сразу же началось и укрепление города, поскольку существовала реальная угроза нападения немецких войск с моря. Окруженный, словно крепостными стенами, горами Кавказского хребта, с естественной защитой глубокой бухты со стороны Мысхако и мыса Дооб, Новороссийск мог бы стать неприступной цитаделью. При создании крепких оборонительных рубежей на подступах к городу его защитники, пользуясь условиями рельефа местности и богатым опытом боев при обороне Севастополя, Одессы, Керчи, могли бы вовсе не допустить фашистов в Новороссийск. Однако этого не произошло, чему было немало причин.

Главная причина – внезапность наступления врага. Стратегические просчеты Ставки Верховного Главнокомандования привели к прорыву нашей обороны на юге и молниеносному продвижению немецких войск к Волге. Потому Дон, Кубань и большая часть Северного Кавказа оказались захваченными в короткий срок. Тамань и вместе с ней Новороссийск были почти полностью отрезаны. Многие части попали в оперативное окружение. С этого момента Новороссийск становится центром внимания фашистских стратегов как ворота в Закавказье. Был разработан план «Эдельвейс», согласно которому немецкие войска должны были овладеть городом 15 августа 1942 года и продолжать наступление по Сухумскому шоссе. Но этого не случилось. Никогда.

После неудачи Керченского десанта оборонительные позиции Таманского полуострова серьезно ослабли. Измотанная в боях 47-я армия, принявшая первый удар врага у стен Новороссийска, вместе с приданными ей частями насчитывала чуть более 22 тысяч человек. Слабым было и вооружение наших войск. В результате отступления большое количество техники осталось на Тамани.

– В ноябре 41-го мы установили на Таманском берегу Керченского пролива три дальнобойных морских орудия, – вспоминал участник обороны Новороссийска и легендарного куниковского десанта Владимир Федорович Акимов. – А в 42-м, когда немец ворвался в Тамань, мы все, что могло гореть, подожгли, а орудия просто взорвали. И отступали с боями через Анапу аж до Кабардинки. Там из разрозненных групп моряков организовали 2-й батальон морской пехоты и бросили к заводу «Красный двигатель», где мы заняли оборону. Немцы были от нас чрез улицу. В атаку пошли фашистские танки, а у нас их нечем было встречать, даже противотанковых ружей не было...

В трагические дни сентября 42-го в арtpолках насчитывалось всего по 10 пушек, поддержка с воздуха практически отсутствовала, стрелковые части были вооружены исключительно винтовками, не хватало боеприпасов. Зачастую выходящие из окружения в район Новороссийска подразделения добывали себе оружие в рукопашных схватках.

К тому моменту Новороссийская военно-морская база состояла из устаревших тральщиков и подводных лодок, катеров охраны рейда и малых «охотников». Подошедшая в начале сентября небольшая эскадра военных кораблей уже не могла повлиять на исход сражения.

– Мы возили подкрепление из Новороссийска в Анапу, по 60 человек за рейс, – рассказывал старший лейтенант в отставке Виктор Васильевич Ларионов, служивший в дивизионе торпедных катеров легендарного Сипягина. – И когда вернулись из очередного рейса, нас в порт не пустили, потому что на берегу уже рыскали немецкие разведывательные подразделения. Нам приказали стоять на рейде, а потом сопровождать транспорты до Туапсе. Поэтому в первые дни мы не принимали участия в обороне города.

Еще одна немаловажная причина прорыва немцев к Новороссийску – почти полное отсутствие укреплений на подходах к городу. Ни дотов, ни дзотов, ни каких-либо других крепких оборонительных позиций на горных перевалах оборудовано не было. Солдаты и матросы врывались в скалистую почву, зубами и ногтями цеплялись за уступы гор, но не могли устоять против превосходивших в вооружении и численности сил противника.

На Новороссийск наступало пять моторизованных дивизий вермахта. Мотопехота врага вслед за танковыми ударами ворвалась в город двумя лавинами: со стороны Маркотхского перевала через Мефодиевку и со стороны Абрау-Дюрсо в район горы Колдун. Танковый клин противника, вбитый между нашими частями в самом центре города, у клуба портвиков, раскроил оборону. И наши войска, оставшиеся на южном берегу бухты, эвакуировались морем. Враг почти полностью захватил город. Это были самые трагические дни в истории Новороссийска.

– Из станицы Раевской нас, молодых призывников, в первых числах сентября перебросили к Станичке, – делился участник боев за Новороссийск, старший лейтенант в отставке Владимир Степанович Юрченко. – В ночь с 4 на 5 сентября мы грузили снаряды на катера для эвакуации. Это была страшная ночь! Подошла Черноморская эскадра во главе с линкором «Парижская коммуна», который стал обстреливать немцев через перевал. Грохот орудий линкора, налеты немецких бомбардировщиков на нашу эскадру и небесный гром – все смешалось в непрерывной канонаде. И тут взорвался склад со снарядами, которые мы грузили. Это было жуткое зрелище!..

К исходу 10 сентября 1942 года немцы были окончательно остановлены у цемзавода «Октябрь». С этого дня и до 16 сентября 1943 года, чуть более года, продолжались бои за Новороссийск, который так и не был покорен.

Немецкий генерал Типпельскирх в книге мемуаров «Вторая мировая война» пишет о действиях 17-й армии гитлеровцев: «Ее соединения, вышедшие к побережью, продвину-

лись затем дальше на юго-восток и 10 сентября достигли Новороссийска. Здесь горы, круто обрывающиеся у самого моря, положили конец дальнейшему продвижению». Но не горы помешали фашистам, а подвиг советского воина. В архивах 47-й армии сохранилось множество документальных свидетельств массового героизма солдат и матросов в первые дни обороны Новороссийска на его окраине у цемзавода «Октябрь».

Из политдонесения начальника политотдела 47-й армии:

«Командир взвода 3-й роты ПТР 77-й стрелковой дивизии, комсомолец младший лейтенант Гречишников в течение двух часов отбивал со своим отрядом атаку четырех фашистских танков и, в конце концов, отогнал их назад. Гречишников погиб смертью храбрых...»

Из итогового декадного политдонесения на 20 сентября 1942 года:

«17 сентября группа в 35 человек во главе с капитаном Левиным из 2-го батальона 16-й стрелковой бригады внезапным налетом заняла высоту 435,5, полностью истребив одну фашистскую роту, рассеяв и частью истребив вторую роту, брошенную на помощь первой. При этом были уничтожены одна фашистская радиостанция, три станковых и два ручных пулемета, два миномета».

Из донесения комиссара Котенко начальнику политуправления Северо-Кавказского фронта бригадному комиссару Емельянову от 4 сентября 1942 года:

«Части 47-й армии продолжают вести сдерживающие бои на подступах к Новороссийску. Бойцы и командиры показывают пример стойкости и упорства в бою. В соединении военкома Казачёк отделение автоматчиков комсомольца Яковлева, перед боем принятого в партию, с честью выполнило приказ... Яковлев и его бойцы до последнего вздоха дрались с ненавистными оккупантами, все отдали жизнь за Родину, но не отошли назад ни на шаг. Взвод старшины коммуниста Канорина дрался с численно превосходящим противником, попав в окружение. Когда кончились патроны, Канорин и политрук Чепель повели бойцов в штыковую атаку и пробившись из окружения. Чепель погиб...»

Из донесения начальника политотдела 47-й армии полкового комиссара Калашника начальнику политуправления фронта бригадному комиссару Емельянову от 16 сентября 1942 года:

«Подразделение, где военком старший политрук Родин, уничтожило 491 гитлеровца. Немецкое командование издало приказ о немедленном истреблении бойцов и командиров этого подразделения, если они попадут немцам. Об этом приказе сообщили пленные немцы».

Из специального боевого донесения штаба Новороссийского оборонительного района Военному Совету фронта от 13 сентября 1942 года:

«Контратакой 3-го батальона морской пехоты противник из вокзала был выбит, и район вокзала удерживался батальоном 3 дня, до 8 сентября, когда батальон был почти полностью уничтожен танками и пехотой противника. Отошло не более 30 бойцов...»

Впереди высадка десанта в районе Станички, впереди 225 дней и ночей на Малой земле. Но подвиг начинался у стен цемзавода «Октябрь», на окраине города, на последнем его рубеже.

В книге генерала Волкогонова «Триумф и трагедия» есть замечательные слова: «В любой обстановке человек не потерпел поражения до тех пор, пока не признал себя побежденным». Эти слова можно высечь на всех гранитных и мраморных монументах защитникам Новороссийска

**Евгений РОЖАНСКИЙ,
Журналист**

СЕМЬ ГУБНЫХ ГАРМОШЕК ВОЙНЫ

Чем дальше, тем меньше остается воспоминаний о прошедшей войне. Медицина говорит, что 4-5-летние дети ничего не помнят из этого возраста, что природа таким образом защищает еще не окрепший мозг от перегрузок. Однако события, которые происходили на наших глазах, вопреки теории были настолько драматичными и трагическими, что сломали все защиты, оставшись в памяти навсегда.

Понятие «война», разумеется, никак не осознавалось, но некоторые эпизоды всплывают в деталях. Помню суету, плач матери и проводы куда-то брата Васи и отца. Отец через несколько дней вернулся, т. к. его освободили от службы по состоянию здоровья. А Вася, для того чтобы его взяли в армию (ему было только 16 лет), прибавил себе два года, и его оставили. Мы в это время жили на хуторе Молдаванка, на самом переднем крае «Голубой линии». По воспоминаниям ветеранов, там шли самые ожесточенные сражения.

Когда и как появились немцы – не помню. Запомнились только отдельные случаи. Немец, которого наши звали «гадфельдфебель», брал меня с собой на второй этаж, гладил по голове, показывал фото, на котором были его жена с девочкой и мальчиком, таким, как я. Он укладывал меня рядом с собой, обнимал и, показывая на фото, давал понять, что он очень скучает по своей семье, а я ему их напоминаю. Иногда он брал меня на наблюдательный пункт, который находился на чердаке, а в крыше было отверстие, в которое выставляли подзорную трубу. Однажды он дал мне в нее посмотреть, и я на всю жизнь запомнил картинку: далеко по полю двигалась масса танков, а за ними бежали люди. Кто на кого шел в атаку, для меня не имело значения, но вот что еще запечатлелось (в подзорную трубу было отлично видно): на одном из зданий, где находились наши, был вы-

вешен огромный портрет Гитлера! А рядом с «нашим» домом, где размещалась комендатура, возвышался огромный портрет – Сталина! Это, как мне позже объяснили родители, была небольшая военная хитрость, как с нашей, так и с немецкой стороны: в этих зданиях находились госпитали. Наши не стреляли по портрету Сталина, а немцы – по физиономии Гитлера. Люди, и наши, и немцы, всякими правдами и неправдами, разными хитростями хотели выжить! И точно, ни один снаряд не был выпущен в дом, где был госпиталь под защитой Сталина! Посещения мои гадфельдфебеля закончились после случая (к счастью все обошлось), когда я, пока немец спал, залез к нему в стол и, забрав целую кипу бумаг, шествовал с ними по направлению к дому. В это время слышу за спиной крик:

– Матка, маленький цап-царап!

Оглянувшись, увидел разозленного немца, стоящего на балконе, вид которого не обещал мне ничего хорошего.

Мать в это время работала во дворе, схватила меня и стала лупить по заднице до тех пор, пока немец не зашел в дом. Бумаги, конечно, сразу вернули, но, кажется, больше он меня в дом не брал.

Мама часто вспоминала добрым словом одного немца, лет 18, который доил корову и молоком поил гадфельдфебеля. Этот паренек ухитрился отлить по баночке молока и передать его для меня. Однако кто-то из хуторских наших соседей доложил фельдфебелю, и парня отправили на передовую, считай, на верную смерть.

Когда наши устраивали артылеты, а мы с ребятней в это время носились по улицам, то после первых же взрывов все срывались к немцам в окопы и там отсиживались до

конца обстрела. Однажды, когда я катался на трехколесном велосипеде и не успел спрятаться, то увидел, как один из снарядов угодил в нескольких метрах от меня под корень огромной груши, которую вырвало с корнем и унесло метров за двадцать. Помню, что это мне доставило радость, так как, подъехав к груше, я с удовольствием стал срывать с макушки целевшие красивые груши, на которые часто заглядывался не я один. В метре от меня шлепнулся огромный осколок, я остановился и попытался

взять его в руки, но он был нестерпимо горячим и колючим. Я стал искать что-нибудь изолирующее, и, сняв майку, пытался прикрепить его к рулю. За этим занятием и застала меня мама, которая разыскивала меня по всему хутору. Разумеется, получил подзатыльников, но рваный горячий осколок, кажется, цепляю и сейчас.

Однажды с отцом мы шли по саду бывшего колхоза. Вдруг послышался гул, и я увидел немецкий самолет, который стал стремительно снижаться прямо на нас, едва не касаясь деревьев, и при этом начал стрелять из пулемета. Отец навалился на меня, а рядом прошлепали пули, хорошо, что мимо. Мы еще полежали некоторое время, лишь помню стук сбитых очередью яблок. Понятия о страхе никакого не было, поэтому с радостью, насобирав яблок, я принес их еще не пришедшему в себя отцу.

А что нужно чего-то бояться, мы понятия не имели. Чуть не каждый вечер все жители хутора, зачастую вместе с немцами, прятались в старом колхозном подвале. В глубине располагались взрослые, а мы, детвора, как только темнело, выползали на ступеньки и

наблюдали, как с нашей и немецкой сторон навстречу друг другу летели трассирующие пули. Они чертили по небу различные огненные траектории, что нам, разумеется, очень нравилось.

Какие черты характера, личности и т. п. закладывались в нас, 3-4-5-летних, во время (опять как говорят педагоги, психологи) формирования основных качеств ребенка? Какими мы выросли, что в наших судьбах изменила война? И какими вырастают по сравнению с нами дети и внуки, выросшие в безмятежных условиях? Интересно, задавался ли кто-нибудь такими вопросами?

Стоит перед глазами Коля, военнопленный, который работал у немцев конюхом. Немцы имели много лошадей, которых прятали в балке – там было русло пересохшей речки. Однажды ночью наши устроили такой артобстрел, что мы еле выжили, спрятавшись в подвале. А утром все пошли смотреть на то место, где были лошади. Лошади все были убиты, а некоторые просто разорваны на части. В самой же балке вся земля так пропиталась кровью, что даже ходить было неприятно. Мать сразу же отправила отца за конским мясом, которое уже разносили по домам чуть ли не все жители. Но когда он принес домой целое бедро, то мать опять выговаривала отцу, что он взял не то мясо. Оказалось, это была старая лошадь, и когда мясо варили, оно пенилось и воняло конским потом. Приходилось варить его долго и нудно. В это же утро Коля куда-то поехал за хутор на подводе и прямо в нее угодил наш снаряд. Подводу разнесло в клочья, лошадь тоже, а вот Колю принесли на носилках к лазарету... без обеих ног. Он еще был жив, а, увидев меня, поманил к себе. Пошарив под собой рукой, он достал немецкую губную гармошку, протянул ее мне... и улыбнулся. Его унесли, и вскоре он умер...

Поскольку жить на этом хуторе стало просто невозможно, поскольку он находился на переднем крае знаменитой «Голубой линии» и подвергался обстрелу днем и ночью, родители собрали что было из вещей, и ночью мы пошли в Натухаевскую. Днем прятались под деревьями, шли только ночью и через несколько дней добрались. Была глубокая ночь, все спали. Мы решили никого не беспокоить и, высмотрев в дедушкином огороде какую-то загородку из кукурузы, устроились на ночлег. Чуть только рассвело, нас разбудил немец, который орал:

– Рус! Шайза! Вэк-вэк! – приказав немедленно убираться. Оказалось, это был сортир для офицера, а денщик после него сразу же все убирал и был, конечно, шокирован, найдя в нем целое семейство.

Мы прожили в Натухаевской дня два-три, и нас неожиданно разлучили: отца немцы заставили строить дорогу на Гостагай, а нас с мамой, сестрой Клавой, тетей Симой и еще со многими станичниками посадили в грузовые машины, довезли до какой-то станицы, всех с машин согнали, построили, и мы долго куда-то шли. Затем пересадили на судно, и вскоре мы оказались в Крыму. Определили всех работать в поле – убирали картофель, рвали сорняки, пололи грядки. Охраняли всех, как выяснилось, в основном полицаи. При встрече с ними мы должны были кланяться и снимать фуражки или шапки. Родители нас всех строго предупредили, чтобы обходили их «десятой дорогой», и не огрызались на замечания. Особенно после случая, когда Коля Любименко, наш станичник и мой одноклассник, получив неизвестно за что подзатыльника, повернулся к полицаю (и это в пять лет!) и выдал:

– Вот придет папка, он тебя застрелит!

Это так взбесило полицаю, что он, пытаясь снять автомат, набросился на ребенка. Сбив его на землю, он стал бить его ногами, обутыми в добротные немецкие сапоги. Подоспевшие женщины в слезах еле упростили отпустить мальчика. Через много лет (70!), вспоминая дела давно минувших дней, Коля рассказал, что после удара сапогом в лицо, первый зуб появился у него только в 12 лет! А вот спать он больше 3-4 часов в сутки не может до сих пор...

Как только наши прорвали «Голубую линию», немцы, румыны, полицаи, которые руководили работами и нас охраняли, всех бросили, а сами на машинах в спешке уехали в неизвестном направлении. Наши станичники, и мы с мамой в том числе, каким-то образом

ухитрились переправиться через пролив и к огромной радости – оказаться на своей Кубани! Помню, что мы снова долго шли, пока нам не посоветовали остановиться в станице Старотитаровской. Там, по рассказам, легче было жить, т. к. она располагалась вблизи лиманов, в которых в то время полно было рыбы.

И вот там произошло невероятное событие... Мимо дома, в котором мы временно остановились, нескончаемым потоком шли и шли наши солдаты. Уставшие, измученные, небритые, в потрепанных шинелях и фуфайках – они шли группами, поодиночке, не соблюдая никакого строя. Некоторые с трудом несли снаряжение и даже винтовки. Наши прорвали неприступную «Голубую линию», на которую фашисты возлагали большие надежды, и теперь преследовали немцев, удирающих в сторону Азовского моря. Мы с ребятами, такими же, как и я, простаивали по дню, глядя на бесконечную живую колону. Проходя мимо, солдаты улыбались, гладили нас по головам, отдавали на память все, что было у них самое ценное. У меня уже было шесть немецких губных гармошек, трофейные конфеты (мы их называли «ломпасеи», они паковались столбиками, по несколько штук в каждом), пуговицы, гильзы и даже немецкий крест, правда, с двумя отломанными концами. Взрослые тоже выходили к дороге, здоровались, благодарили за освобождение, выносили, что было из еды, желали остаться живыми. Мама долго не задерживалась, и, постояв некоторое время, уходила по делам. Ее уже назначили бригадиром в воссозданный колхоз. Однажды она, наклонившись, рвала траву возле забора, изредка бросая взгляды на идущих солдат... Вдруг, резко выпрямилась, на миг замерла, и, глядя вслед удаляющимся группам, бредущим по всей ширине улицы, закричала не своим голосом:

– Сыночек! Васичка! Ва-а-сяаа!!!

Из группы, которая уже далеко отошла от нашей калитки, да еще и шла по противоположной стороне улицы, выбежал маленький худенький солдатик в шинели чуть ли не до земли и бросился к матери в объятия! Вдогонку ему кто-то прокричал:

– Василий! Через пятнадцать минут догонишь!

Мама причитала, плакала, целовала... Это был Вася, которого три года назад мы провожали на войну. Проходящие мимо солдаты улыбались, удивлялись такому случаю, надеясь в душе, что и у них впереди возможна такая же встреча. Вася даже не зашел в дом, его покормили, надавали чего-то съестного... Мне Вася подарил еще одну губную гармошку (их стало уже семь) и несколько столбиков немецких конфет. Попрощался и бегом помчался догонять своих.

Через некоторое время к хозяевам во двор заскочили несколько солдат, о чем-то переговорили, о чем-то спросили и остались в хате. Когда стемнело, хозяин открыл подвал, он был прямо перед домом, а отверстие закрывалось деревянной крышкой, и запустил туда всех пятерых (я их даже пересчитал). Затем крышку закрыли, а нам хозяин сказал, что утром с ними познакомит. Я с нетерпением ждал утра, но когда кто-то открыл крышку, то в подвале уже никого не было. Интересно бы узнать их судьбу.

С Васей нам пришлось встретиться только лет через десять. Ему досталась участь многих тысяч советских людей. Закончилась война. Большинство воевавших возвращались домой. Все казались добрыми и близкими. Все радовались, что остались живыми, делились планами, воспоминаниями о прошедшей войне. Вася разоткровенничался и кому-то упомянул, что попал под Севастополем к немцам в плен, что пас у них стадо коров и при первой же возможности от них убежал, снова вступив в ряды Красной Армии. Пройдя несколько метров по краснодарскому перрону, он был остановлен комендатурой и получил 24 года за измену Родине... Как не вспомнить Высоцкого: «мой язык как шнурок развязался...»

Проходит после войны год за годом – от Васи никаких вестей. Мама уже не один раз оплакивала его гибель. И вдруг, году в 1951-52, к нам зашла незнакомая женщина и передала сложенный треугольником лист бумаги. Это была записка от Васи. Он сообщил, что находится в городе Воркуте, в заключении, работает на шахте, скучает по дому и просит прислать посылку с продуктами, а также, если возможно, то табака, шерстяные носки, и еще что-то. Радость нашу трудно описать! И хотя сами еле-еле сводили концы с концами, собра-

ли, что просил Вася, и отослали по адресу, который сообщила женщина. Вскоре, месяца через два, пришло еще письмо, но уже официально, по почте. Вася писал, что в шахте на него упал пласт угля и сломал ногу. Теперь его перевели в контору шахты, и стало немного легче жить, несмотря на большую ногу. Мама не находила себе места – все искала варианты, как помочь сыну. И такой случай неожиданно представился! К соседям из Москвы на отдых приехал родственник. Он был военным юристом, что для того времени являлось редкостью. Он сразу же нашел зацепки, благодаря которым можно было побороться за Васино освобождение. Основным аргументом было то, что Вася пошел воевать несовершеннолетним и попал в плен, когда ему не исполнилось 17 лет. Да и в плену он пас коров и сбежал при первой же возможности, вступил сразу же в армию, воевав до победы. Он продиктовал письмо, которое адресовалось самому К.Е. Ворошилову. Более того, он взял письмо с собой и отдал чуть ли не в его приемную! Прошло несколько месяцев – телеграмма:

«Приезжаю в Тоннельную – встречайте!»

Приехал он с женой Аней. Она оказалась прекрасной женщиной – доброй, ласковой.

Одной из обидных материальных потерь в оккупации (я только сейчас оценил) была потеря фотоаппарата «Фотокор». Отец занимался фотографией, что для 30-40-х годов было экзотикой и характеризовало его как довольно незаурядную личность. Сейчас, в век цифровых фотоаппаратов – это сложно себе представить. Рецепты, химикаты, лампы, растворы, негативы на стеклах и т. п. Благодаря его увлечению сохранились некоторые мои детские фотографии.

Уже в 7-м классе, в 1954 году, на чердаке у бабушки я нашел целую стопку негативов на стеклах, примерно 20x10, где были вообще уникальные снимки. Запомнились фото санатория «Семигорье»: двухэтажные корпуса, танцплощадки, бассейны с целебной водой. После войны от всего этого остались одни руины. Все негативы я отнес в школу, отдал учителю, некоторые они отпечатали – я даже перерисовал в свой альбом довоенное здание двухэтажного санатория. Остальные негативы неизвестно где и когда затерялись. Особенно запомнился один: на склоне горы Шахан отец косит траву – молодой и красивый...

Так вот, этот фотоаппарат со штативом был спрятан, как нам казалось, надежно – на русской печи, в самом дальнем уголке. В один из дней в комнату ввалились два солдата, как оказалось румыны, и, не обращая внимания на возгласы мамы «Камрад – тиф! Тиф!», бросились рыскать по всем углам. Обычно мама пользовалась хитростью: после операции на почках, которую ей сделал немецкий хирург(!), она наголо постриглась и, если немецкие солдаты заглядывали в двери, она, снимая платок, кричала: «Тиф! Тиф!» – и немцы сматывались не раздумывая. В этот раз румыны, приговаривая «мы сами тиф!», так все облазили, что нашли наш «Фотокор», который сразу же затолкали в сумку, и забрали даже припрятанный на черный день узелок с кукурузой. Так мы остались и без еды, и без техники.

Оставшись без крошки хлеба, (а есть то хотелось!), я занялся охотой на воробьев. Не знаю, сам ли придумал или кто подсказал, но суть охоты заключалась в том, что во двор выносилось сито, под него сыпали какие-то крошки, с одной стороны, ставили палочку как подпорку, привязывали к ней нитку. Сами прятались в хате и ждали, пока воробей запрыгнет под сито. Дергали за нитку – сито падало, и воробей – наш! Затем зарывались через снег под сито и ловили воробья. Так я наловил больше десяти штук! Их всех ошпарили кипятком, ощипали и сварили. Помню только тоненькую воробьиную ножку, которую с грустью рассматривала мама и ее комментарий:

– Бедные воробышки, и вас война достала...

Больше мы ловлей не занимались...

После того, как немцев вытурили, за станицей, мы это место называли «хмаречей», остались разбитые танки, что-то еще покореженное и даже сбитый немецкий самолет. К этому месту как магнитом тянуло всех станичных ребят, которые что-то ковыряли, крутили, отбивали. И это увлечение стоило жизни десяткам любопытных. О многих случаях я собираюсь написать отдельно. С первыми «сюрпризами», с которыми столкнулись именно дети,

стали «лягушки». Лежит себе блестящий полушар, размером с блюдце, перламутровый, красный или синий – как не взять ребенку! Но стоило только поднять – раздается взрыв – и чего-нибудь у тебя нет: пальцев, рук, глаз, а то и жизни. Это немцы после ухода оставили детям «подарки». Говорят, что Гитлер лично дал задание на их изготовление для детей Кубани, в отместку за «Голубую линию». С «лягушками» разобрались быстро. Научились подсовывать под них руку (старших ребят научили наши саперы) и нажимать на лапку. Поднимаешь – и тебе ничего. Но я был трусливым ребенком и строго следовал наказу родителей – ничего в руки не брать, и это уберегло от многих неприятностей. Однако в глубине дедушкиного огорода, в какой-то заросшей яме, мы нашли целый ящик с ручными немецкими гранатами с длинными ручками. Дернешь за шнурок, бросай, а сам ложись. Стали вместе с сестрой Клавой и троюродным братом Колей, прячась за каменным забором, бросать их в свой же огород, где сразу образовалось несколько воронок. На взрывы выскочил дедушка, и гонялся за нами до тех пор, пока мы не скрылись в любимом нашем месте – на кладбище.

Запомнилось и то, что с этими же гранатами мы уже со старшими ребятами уходили в «хмаречу» и искали воронки, наполненные... змеями! По весне они собирались вместе, сплетаясь в живой шевелящийся клубок. За время войны их развелось немерено! Они ползали в огородах и заползали даже в хаты. Мы их все боялись и поэтому не испытывали ни малейшей жалости. Старшие бросали в воронки гранаты, все падали на землю и наблюдали, как вверх летели клочья от змей, и даже целые змеи взлетали на несколько метров вверх, извиваясь и выделявая самые невообразимые фигуры.

Кладбище было любимым местом еще и потому, что там был наш штаб, где собирались все ребята, живущие вблизи. Здесь стояли, и сейчас еще стоят, два огромных клепанных старинных креста. Кто там похоронен, даже бабушка не помнила, но это были очень богатые казаки – не то Ивайловские, не то Задорожные. Немцы хотели кресты выкопать и отправить в Германию, но ничего не вышло. Они были вмурованы в бетонные фундаменты на глубину не меньше трех метров. Что только немцы не придумывали, как ни ухитрились – кресты даже не шевельнулись! Между крестами мы вырыли подземный ход, а под одним из крестов рядом с фундаментом оборудовали небольшую комнату, в которой был даже стол. Освещались «каганцами». В блюдце наливали подсолнечное масло, клали промасленную материю и конец поджигали. Было не очень светло, но нам хватало. «Штаб» просуществовал пару лет после войны...

История с подземным ходом получила через лет тридцать неожиданное продолжение. Вернувшись из очередного рейса (я работал тогда электромехаником на судах заграничного пароходства в Новороссийском пароходстве), я обратил внимание, что не вижу телефонов парной связи, американских, в желтых кожаных подсумках, хранившихся у нас с самой войны. Оказалось, мама отдала их ребятам из школы, за то, что они приходили помогать в огороде. Ребят я разыскал быстро и был искренне удивлен, когда узнал, куда телефоны приспособили. Вероятно, кто-то из взрослых, вспоминая свое детство, обмолвился о подземном ходе, что было тут же «намотано на ус» подрастающим поколением. Они отрыли заново подземный ход и установили между крестами телефонную связь! Прогресс! Телефоны я забрал, а ход снова засыпали.

Много чего интересного было сразу же после войны: бесконечные колонны автомашин (особенно выделялись американские «студебеккеры»), наши солдаты, с которыми мы со всеми подряд здоровались, радостное приподнятое настроение! За станицей, где была МРМ (машинно-тракторная мастерская), стояли наши танки. Солдаты нас всех пускали внутрь, все объясняли, но вот чтобы заглянуть в прицел и покрутить башню, надо было заслужить. Нам давалось задание пролезть по всем закоулкам в танке и собрать грязь, которая накопилась, вероятно, с первых дней войны. Мы старались – и получали приз – смотри в прицел и крути башню!

Создавались колхозы, началась учеба в школе (было шесть или семь уцелевших зданий), демонстрировались по вечерам бесплатно кинофильмы, создавалась пионерская ор-

ганизация и многое-многое другое – жизнь возродилась, вступая в новый волнующий, прекрасный и парадоксальный период.

Леонид ЗЕЛЁНЫЙ,
руководитель ГМО «Шахматы в школу» г. Новороссийска,
заслуженный учитель Кубани,
заслуженный работник ФК и спорта Кубани,
кандидат в мастера спорта СССР по шахматам.
ст. Натухаевская, июль 2010 г.

К дню освобождения Новороссийска от немецко-фашистских оккупантов

ГОД ОККУПАЦИИ В СТАНИЦЕ РАЕВСКОЙ

Станица Раевская была в оккупации один год с сентября 1942 года по сентябрь 1943 г. Всего один год, но он был страшный. Почти все мужчины и юноши, способные держать оружие, ушли на фронт. Тем, кто остался в станице – а это женщины, старики, дети – тоже пришлось вынести все ужасы войны.

Вот как вспоминают и рассказывают о тех страшных днях «дети войны» станицы Раевской. Кто стал узником концлагеря, кто подвергся принудительным работам – каждый мог бы заявить: «Глаза моего детства видели столько смертей и жестокостей войны, что, казалось, должны они опустеть».

Фаина Петровна Кошель, 1926 г. р.: «Были прекрасные дни. Большой ватагой мы бежали в школу, прыгали, играли в мяч. Наступили каникулы, и мы стали помогать совхозу пропалывать кукурузу. Было весело, и мы радовались жизни. И вдруг война. По радио нам объявили о вторжении немецких войск. Это было страшно. Со всех ног мы бежали к родителям домой. Все вместе плакали и переживали. Вскоре мои братья и отец ушли на фронт. Однажды в воздухе послышался тревожный свистящий звук. Вскоре показались неясные очертания самолета.

– Это немцы, они бомбы будут бросать, ложитесь! – кричала моя сестра Мария.

Я, где стояла, так и упала. Через две секунды мы услышали взрыв – один, другой. В ста метрах от нас взорвался дом моей тети. Убило мою лучшую подругу, идущую по воду. Спустя немного времени в Раевской стали появляться мотоциклы.

Из воспоминаний **Марии Филипповны Рудневой:** «Наступил сентябрь 1942 года. По улицам станицы – гордые, самодовольные, наглые воины вермахта; всюду громкая, резкая, чужая речь. Немчура поселилась в нашем доме, нас выдворили в сарай. Весной и оттуда выгнали – сарай заняла машина с радиостанцией. Мы вырыли в огороде огромную землянку, сверху настлали доски и

присыпали землёй, мама на пол настелила соломы и поверх самотканые дорожки. Таким было наше жилище. Страдающую от недоедания детвору немецкие солдаты приманивали к себе, бросая куски хлеба, конфеты, печенье, будто собакам...»

Валентина Мальцева: «Когда началась война, мне было шесть лет. Мы жили на улице Островского в станице Раевской. Папа в первые же дни ушел защищать Родину. Остались я, десятилетний брат Гриша и мама. Двухлетняя сестренка жила у бабушки в станице.

...До сих пор боюсь гула летящих больших самолетов. Все кажется, что сейчас полетят бомбы. Когда город стали бомбить, помню, кому-то попадали снаряды в огород. Гуси, утки, индюки, куры и даже телята подлетали вверх. Было очень страшно. Мы в такие моменты бежали через дорогу к соседям – гречанке бабе Груне с ее дочкой Галей. У них был большой погреб, и все соседи бежали к ним. На дверь погреба цепляли перину, чтобы хоть как-то защититься от осколков. Позже пришли немцы. Схватили дочку бабы Груни Галину, она была очень красивая. Как нам затем рассказывали, они ее насильовали, потом она родила сына. Кушать было нечего. Помню, мама как-то отдала кашемировый платок за чайное блюдо кукурузы. Брала с тока облитую бензином пшеницу. Это наши при отступлении облили, чтобы врагу не досталось. Мы промывали ее долго, потом мололи и пекли оладьи с добавлением лебеды и очистков от картошки.

И сейчас плачу, вспоминая, как убили тетю Мотю – красивую приветливую женщину. Немцы отпускали местным жителям немного пшеницы. Когда ее выдавали, у каждой женщины спрашивали, где ее муж. Задали этот вопрос и тете Моте. Все отвечали «на войне», «на фронте», а тетя Мотя гордо ответила: «В Красной Армии». Тут при всех ей выстрелили в лоб. А вот деду Матвею удалось выжить. Немцы загружали людей в машину-душегубку, травили газом, когда везли в лес хоронить. На месте, куда потом приезжали, многие были уже мертвы, кто шевелился – пристреливали. А дед Матвей в душегубке платок свернул и на лицо положил, а уже в яме притворился мертвым. И его не пристрелили. Ночью он выбрался из ямы и сбежал, потом нам эту историю рассказывал. Много еще воспоминаний осталось, все не перескажешь. Хочу сказать одно – нужно беречь мир всеми возможными силами и способами. Такое повториться не должно».

М.Д. Почечуева: «Мне было 11 лет. Когда начали бомбить Раевку, мы ушли прятаться в лес. Мама приносили нам что-нибудь поесть. В сентябре 1941 года мы рыли окопы и прятались там. Моя бабушка жила возле леса, у нее было три сына, они были партийными. Кто-то донес об этом фашистам, и нам не дали документов, а без них не брали на работу. Немцы жили в хате, а мы в сарае. Ночью ходили патрули. Людей без документов истребляли. Бабушку мою расстреляли. Ели мы что придется. Когда немцы выбрасывали коробки из-под томатов, варенья, мы, если что-то находили в них, вылизывали, а немцы смеялись. Немцы раскрывали хаты, укрытые камышом, и им кормили лошадей. А кони от камыша дохли. Мы были рады дохлой лошади, так как можно было поесть конины. Когда немцы выносили на помойку очистки, мы их подбирали. Наберем корок от картошки, а мамы дома лепешки разные лепят. По улице Героев стояли дома, общежития, которые были заполнены зерном, а когда они отступали, то обливали эти дома керосином и жгли их, а людей угоняли с собой в Германию. После войны я пошла в школу в 4-й класс. Носить было нечего, и мы ходили по лесам искать одежду. Я нашла ботинки 40-размера и в них ходила в школу. Нам было сказано, чтобы мы раскапывали убитых и узнавали своих. Так мы узнали бабушку по цвету ее синего пальто. На этом месте собрали костей на 10 гробов и похоронили».

Надежда Марахович: «Однажды мать со старшей сестрой ушли на принудработы, а я с двухлетним братиком и сестричкой пяти лет оставалась домовничать. Недалеко от нашего дома было разбитое строение, вот и пошла я искать дрова, чтобы было чем протопить печку. Вдруг рядом оказался немецкий офицер, пожилой, длинный. «Ком хер», – обратился он ко мне. В свои 11 лет я выглядела высокой, старше своего возраста. «Варум ниht арбайтен?» – спрашивает. Поняла его сразу и объясняю, что дома два киндера, что маленькие они. Сбивчиво, торопясь, говорю некоторые слова по-немецки, чтобы разжалобить его. Повел меня по улице, а сам сзади. Внезапно я почувствовала острый холод на шее, резко обер-

нулась, а немец наставил на меня пистолет. От страха я и закричала: «Пойду, пойду работать, буду арбайтен». Он обнажил в улыбке крупные зубы и быстро зашагал. Я прибежала домой и просидела с детьми под кроватью до прихода мамы».

Одним из страшнейших зверств фашистов был угон женщин, детей, подростков и ещё несовершеннолетней молодёжи в Германию, на оккупированные территории СССР или в создаваемые поблизости, а то и за пределами СССР концентрационные лагеря. Вот как это было по воспоминаниям наших земляков.

Зоя Дмитриевна Завгороднева: «Страшно было, ужас сжал моё тело в комочек; невыносимый, давящий страх, когда подъехала грузовая машина к нашему дому, и немцы давай закидывать нас, пятерых детей, с заднего борта. Стояли напротив солдаты с автоматами, но с нами была мама, и в тряске кузова мы перестали плакать, затихли. Привезли к переправе, потом прибыли в Крым, в Джанкой. Затем на поезде попали под бомбёжку, из вагона повыскакивали, а кругом всё горит, просто полыхает. Собрали нас, уцелевших, и куда-то повели. Семилетней девочкой не могла всё запомнить, помню, что очень долго шли. Заняли дощатый сарай, взрослые натаскали соломы, тесно прижимаясь друг к другу, мы тряслись от холода, пытались уснуть. Помню, что заставили работать даже детей».

Анна Ивановна Рудакова: «В бараке содержали около 300 невольниц. Одолевали вши, часто мучили поносы, простуда, страдали зимой больше всего от холода, спали, прижавшись друг к другу. Одежда – длинная полосатая рубаха, похожая на обычную мужскую. ...Били плёткой, на конце которой были привязаны мелкие железки, били, пока не потеряла сознание, а потом отволокли в барак, где подобрали меня подруженьки мои, соседки по нарам. Хоть и пролежала две недели пластом, всё равно допрашивали, чуть ли не каждый день, всё допытывались, кто помог бежать. Я молчала, только кричала от боли, которая была во всём теле, в каждой жилочке».

«...Это забыть невозможно, – со слезами на глазах вспоминал **Иван Михайлович Чекучьян**, 1927 г. р. – Десятки раз наша станица подвергалась бомбежкам немецкими самолетами, пролетавшими над Раевской после бомбежки Новороссийска или Тоннельной, сбрасывали бомбы на нашу станицу. Мы с отцом вырыли убежище метрах в 30 от дома, перекрыли бревнами и засыпали грунтом. В нем прятались при бомбежках. В очередной раз как-то услышали в небе гул самолетов, я выскочил из дома и увидел около трех десятков бомбардировщиков, которые шли со стороны Сукко на Раевскую. Не успели мы спрятаться в убежище, как они с небольшой высоты начали сбрасывать бомбы на станицу; хаты из турлука, крытые соломой, быстро сгорали; погибло очень много людей. С того дня жители стали уходить в горы, в леса, угоняя с собой и животных. Ушла и наша семья. Когда все разместились в лесах, стали рыть траншеи. Через 2-3 дня немецкие самолеты стали кружить над нами в лесу, сбрасывая небольшие бомбы. Однажды в полеводческой бригаде женщины и дети

шелушили фасоль, когда услышали рев моторов в небе. Это бомбардировщики летели на низкой высоте. Они сбросили несколько зажигательных бомб. На поле загорелись трава и фасоль. Немного прошло времени, и эта же четверка бомбардировщиков оказалась вновь над нами, они стреляли из пулемета по полю, где еще горели копны фасоли. Мы прижались к земле, пули ложились совсем рядом. Им, гадам, видимо, этого было мало, пока они делали круг, я, собрав все свои силы, перебежал с открытого поля в кукурузу, чтобы не стать для них мишенью.

В станице все чаще слышны были крики, плач людей, были доносчики, предатели. Фашисты умертвили несколько десятков семей газом в машине-душегубке.

Вспоминает **Леонид Иванович Меснянкин**: «В нашей хате жили немцы, а мы в огороде выкопали землянку и там всей семьей обитали. Один раз нас, мальчишек, заинтересовала необычная машина. Крутились возле нее и докрутились – нас туда засунули. Оказалось, душегубка. Женщины прятали нас под юбками, но все равно мы надышались газом. Потом машина подорвалась на mine, нам удалось выскочить, и я бегом домой!»

Виктор Бондарь: «Самое страшное, что с самого детства врезалось в память, это постоянное чувство голода. Оно не покидало наше сознание ни днем, ни ночью. Не только в самые голодные военные годы, но и после войны. Казалось, что быть сытым просто невозможно... В полутора километрах южнее нашей станицы находится Волчья балка. Во время войны, когда на Кубань пришел немец, заросли орешника и высокий бурьян надежно скрывали вражескую зенитную батарею и кухню, что была при ней. В первой половине дня в один и тот же час немецкий солдат подвозил сюда на бричке продукты. В это же самое время, спрятавшись заранее в зарослях, моя мама, сестренки и я караулили кухонную повозку. С нами вместе лежали в томительном ожидании голодные, как и мы, дворняги. Мучительный момент наступал, когда немец начинал сортировать продукты, выбирать из котла вкусную, остро пахнущую еду. С улыбкой он бросал в нашу сторону то помятую; заплесневелую булку, то безобразно вздутую банку консервов. Особенное удовольствие немецкому солдату доставляло жуткое зрелище, когда мы отнимали кусок у собаки, которая с диким рычанием одерживала верх. Так я познавал жизнь, учился бороться и выживать назло врагам. Основу нашего рациона составляла мука из желудей. Эти семена дуба сначала вымачивали, затем после просушки перетирали жерновами. Заготавливали около десяти мешков желудей. Было и «мясо» – в ход шли улитки, жареные и вареные, для заправки годились почки деревьев, цветы боярышника, орешника и прочие дары природы. Вместо хлеба готовили лепешки из корней камыша. Наверное, по причине малолетства мы избежали высылки в лагерь; а многие жители Раевской были угнаны».

«Ужас, страх, слезы, крик – не передать словами, – вспоминает **Варвара Деомидовна Бондарь**. – Меня и моих подруг немцы остановили на улице, и в чем были, отправили в концлагерь в Южную Озерейку. Нам было по 15 лет, и нас заставляли прокладывать для немцев через леса дороги. Работали в специально огороженных участках. Было холодно, спали на земле, одежда, которая была на нас, истрепалась. А еще нас выставляли как живой щит. Для того, чтобы наша авиация не разбомбила тоннели, немцы заставляли нас сидеть на железнодорожных рельсах. «Поднимаем головы, смотрим, а они все летают и летают». Русские летчики, видя нас, измученных, полураздетых, жалели и улетали. Нас же, чтобы мы не разбегались, охраняли немцы с овчарками».

Михаил Васильевич Марченко: «В доме у нас жили немцы, и один из них все заставлял меня сапоги чистить. Я сначала хорошо чистил, а потом стал кое-как все делать. Потом украл у немца оружие и спрятал в коровнике под полом... В перестрелке с партизанами он погиб, без оружия-то. Вообще, отомстил я за сапоги. Фашисты начали угонять детей в Крым. Мне полицай сказал, что, если хочешь, чтобы твоя семья осталась в живых, иди сам. Мама собрала мне мешочек, дала фуфайку и проводила со словами: «Спасай нас, сынок!» С мамой оставалось еще четыре сестренки. Гнали долго, с собаками. Лагерь, куда нас определили, был в Севастополе, трудно вспоминать все подробности. Когда лагерь освободили войска, то я оказался в одной из семей и жил там долгое время. Домой вернулся, мать уже и не ждала, думала, что нет меня в живых».

«Трудно вспоминать все подробности, – рассказывала **Лидия Филипповна Голеницкая**. – Родилась я в станице Раевской за месяц до войны. Отец и старший брат ушли на фронт, мама осталась с тремя детьми. Когда в станицу пришли немцы, мне было около двух лет, поэтому об этом времени знаю по рассказам мамы и старшей сестры. Сестра вспоминает, что наша молодая и красивая мама все время мазала лицо сажей, прячась таким образом от немцев и румын. Весной 43-го согнали к комендатуре много семей, погрузили на телеги и

повезли в Анапу, оттуда на барже в Керчь. Там мы находились некоторое время в пересылочном лагере, и дальше нас и еще несколько семей отправили в колхоз им. Молотова (Крым). Жили в бараках, спали прямо на соломе еды нам не давали. Взрослые работали в поле, и кушали мы только то, что маме удавалось тайком принести. Трудные были времена. Домой вернулись в 1945 году».

Елена Тимофеевна Стогниенко (Вечеря): «Прямо напротив дома, буквально в 10 метрах от калитки, находился общественный колодец, но даже туда без опаски было не подойти. К колодцу за водой приходили станичники, тут же немцы набирали воду или поили лошадей, тут же у речки мыли фрицы свой мотоцикл. В один из дней 1942 года, когда я пошла по воду к колодцу, меня обстреляли пьяные немцы, стоящие неподалеку. Им видимо было очень весело, так как стреляли они по моему полному ведру, а веселились оттого, что оно теперь негодно, и вода вся вылилась». Помнит, как на перекрестке улиц Южная и Суворова, на месте бывшей весовой, была виселица, как там была повешена партизанка. Поначалу немецкая комендатура заманивала лживыми обещаниями станичников на работы, в том числе и в Германию, были и те, кто им верил, но бабуля не запомнила фамилий».

С зимы 1943, когда нападения кратно увеличились, начали насильно уводить подростков, женщин с детьми в концлагерь, который находился между Гудзевой горой и Большими Хуторами. Так туда попала и Елена вместе с соседкой-подростком и другими станичниками.

«Условий для проживания не было. Фактически это был не барак, а дырявый навес из камыша и соломы, под которым на соломе впритирку ютились люди. Укрываться тоже особо нечем было. Кормили дважды в день плохо разваренной крупой. Большую часть дня пленники проводили в работах: приводили в порядок окрестности после действий партизан или авианалетов; разбирали взорванный тоннель на Убыхе; убирали голыми руками осколки камней и железа; разбирали поврежденные железнодорожные пути; выносили трупы коней и фрицев. Как я поняла: на путях был фугас и подорвался немецкий состав, оттого трупов было много. Разбирали взорванную технику и осколки в районе современного полигона. Отправляли также собирать остатки урожая на полях и дрова».

По весне и летом их несколько раз в неделю гоняли мыться в Солдатском пруду, и люди не упускали эту возможность, особенно летом, это был шанс еще и постирать хоть как-то свои лохмотья. В одно из таких купаний Елена чуть не утонула, так как практически не умела плавать, спас ее тогда фашистский солдат – румын. Ближе к лету Елена с подругой (Карасюк), еще одним парнем – будущим мужем подруги (Осипчуком), смогли сбежать. Сначала попытались выйти к Абрау-Дюрсо, но наткнулись на немецкий пост. Пошли через Сукковую щель к Утришу, снова напоролась на немцев. В это время то ли налет случился, то ли сам Осипчук наступил на что-то и подорвался, в результате пострадало лицо (из-за воспаления он потом полностью ослеп). Подруги попытались с раненым добраться в станицу Анапскую, ожидаемо попали снова на немцев. Так Елена снова попала в ненавистный концлагерь. Налеты случались все чаще, немцы становились все злее. Могли из-за ерунды расстрелять даже совсем маленького ребенка или крайне сильно ударить. В сентябре, перед освобождением станицы, пленников концлагеря согнали в одну из расщелин Гудзевой горы, оцепили место колючей проволокой, на которую повесили бомбы. 19 сентября, слыша близкие автоматные очереди и разрывы снарядов, два немецких солдата, что усердно минировали периметр, убежали. Причем тот, что убежал последним, оставил в ограде достаточный проход, чтобы пленники сбежали. Не помня себя, взрослые и дети выбегали на свободу, первые день-два прятались в лесу, после освобождения станицы смогли вернуться домой.

Наталья СЫТНИК,
краевед

P.S. Часть воспоминаний находится в школьном музее, часть – в общественном формате диктофонных записей бесед с местными жителями

1943 год, Новороссийские причалы после освобождения города

1943 год. Разминирование Новороссийска после освобождения

Фото предоставлены Василием ХОНИНЫМ

ПОДНИМАЯ ЗНАМЯ СВОБОДЫ ИЛИ ИСТОРИЯ БОРЬБЫ ЗА НОВОРОССИЙСКУЮ РЕСПУБЛИКУ

Многим из нас хотя бы раз в жизни приходилось бывать на улице Новороссийской республики – одном из наиболее живописных и интересных мест берега Цемесской бухты. И всем нам, конечно же, хорошо знаком установленный там памятник, отсылающий к событиям более чем вековой давности.

На протяжении своей очень долгой и бурной истории наш город сменил множество ипостасей. Основан он был как древнегреческая колония Бата. Затем в разные времена становился торговой базой генуэзских купцов Батарии и турецкой военной крепостью Суджук-Кале. Потом в составе Российской империи – уже под своим нынешним названием – он был сперва маленьким провинциальным городком, затем губернским административным центром, а в советское время превратился в крупный транспортный и промышленный узел, коим остается до сих пор.

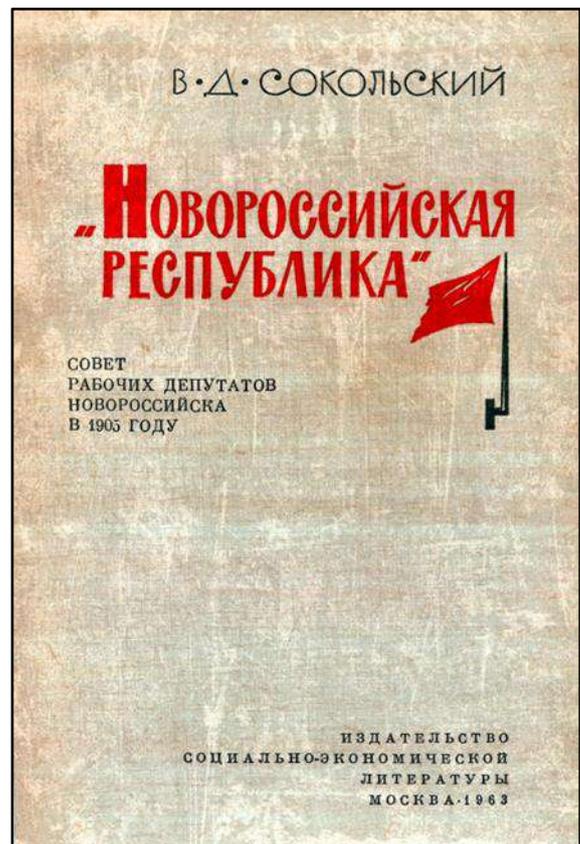
И лишь скромный памятник на улице Новороссийской республики напоминает нам о тех – немного уже подзабытых сегодня – временах, когда наш город был отдельным независимым государством. Да-да, если кто-то не знал, не удивляйтесь – была и такая страница в истории Новороссии! И хотя просуществовала эта республика весьма недолго – всего две недели в конце декабря 1905 года – она оставила очень яркий след в истории революционной борьбы в нашей стране.

Лучше узнать о тех событиях нам поможет документально-мемуарная повесть Владимира Дмитриевича Сокольского, которая так и называется – «Новороссийская республика». Главная ее ценность, на мой взгляд, заключается в том, что она написана непосредственным участником тех событий.

Владимир «Борис» Сокольский

Владимир Сокольский родился в позапрошлом веке – в 1883 году. С юношеских лет он принимал активное участие в борьбе против самодержавия. После разгрома Новороссийского восстания Сокольский, имевший в революционном подполье кличку «Борис», был заочно приговорен к смертной казни. Несколько лет он скрывался от расправы со стороны российских властей в Москве, Двинске и Твери. В 1909 году ему удалось выехать в Персию (сейчас это Иран), где он долгое время работал учителем в русской школе.

После Октябрьской революции Сокольский вернулся в Россию. В годы Гражданской войны он заведовал отделом народного образования в Самаре, а затем до конца своей жизни преподавал в различных советских вузах.

Работу над рукописью «Новороссийской республики» Сокольский завершил буквально за несколько дней до смерти. Поэтому свою монографию в напечатанном виде он уже не увидел.

Его посмертно изданная книга представляет собой не просто яркие воспоминания одного из участников тех суровых событий, но и серьезное научное исследование, основанное на многочисленных материалах из архивов и периодической печати той поры. К сожалению, вышедшая из печати более полувека назад «Новороссийская республика» Владимира Сокольского еще ни разу не переиздавалась – и увидеть ее сейчас можно, пожалуй, лишь в качестве экспоната в Новороссийском историческом музее. Оттого и хочется рассказать нашим читателям об этой небольшой книге, хотя бы в этой статье на страницах нашего альманаха.

Предпосылки

В 1905 году наш город – тогда еще не герой, – как и вся остальная Россия, переживает весьма суровые и напряженные времена. Во-первых, царь Николай II стремительно про-

игрывает очень сильно затянувшуюся войну с Японией – соседней страной, которую, как мы помним, планировал «закидать шапками» за несколько дней. Во-вторых, в России набирает обороты мощное протестное движение. Огромное количество людей, которые и раньше жили, и трудились в довольно тяжелых условиях и получали при этом нищенские зарплаты, стали ещё беднее, поскольку в результате разорительной и бессмысленной войны в стране возникли серьезные экономические проблемы. В-третьих, все эти события сделали очевидным тот факт, что погрязшая в коррупции и морально разложившаяся элита страны больше не способна управлять государством.

Ситуация усугублялась также наплевательским отношением чиновников к простым людям. В качестве одного из показательных примеров в этом отношении Владимир Сокольский вспоминает Балку Адамовича. Для современного поколения новоросийцев это название возникает в памяти, скорее всего, лишь в связи с событиями 1942 года, когда два батальона морской пехоты остановили там наступление немецко-румынских войск и почти год героически удерживали тот смертельный рубеж, не пуская фашистов на Кавказ.

Однако если бы вы жили в нашем городе не в середине, а в начале XX века, то для вас в Балке Адамовича не было бы совершенно ничего выдающегося и уж тем более героического. Это был очень бедный и неблагоприятный во всех отношениях поселок на восточной – то есть промышленной, самой грязной – окраине города. Практически вся земля в том районе была скуплена высокопоставленным генералом Адамовичем из Петербурга. Он использовал ее для получения доходов от сдачи в аренду, но при этом ни копейки не вкладывал в благоустройство. Из-за этого вся принадлежавшая ему территория была густо застроена крошечными убогими землянками, которые снимали в качестве жилья рабочие новоросийских заводов. А у тех выбора не было, поскольку жилищный вопрос всегда стоял в Новоросийске достаточно остро – чем, собственно, и пользовался генерал Адамович. Поэтому в

названном в его честь поселке не было ни дорог, ни освещения, ни водоснабжения. Там не строились ни школы, ни больницы, ни библиотеки. Прямо говоря, это были смердящие бедняцкие трущобы, где на высоком уровне поддерживались только преступность, антисанитария и арендная плата даже за вот такое жилье.

И подобных поселков вокруг Новороссийска были десятки. Понятное дело, что в каждом из них зрело острое недовольство сложившимся положением дел.

Начало

Первый бой царским сатрапам и вороватым городским чиновникам на берегу Цемесской бухты был дан на многолюдной демонстрации 1 мая 1905 года. Обращает на себя внимание тот факт, что новороссийские манифестанты не допустили ошибок петербургских рабочих, которых безжалостно разгромили с их смиренной петицией на имя царя 9 января того же года. Новороссийцы начали свою борьбу не с наивного мирного протеста, а сразу – с решительных силовых действий.

Практически все участники шествия были вооружены. Причем не только самодельными кинжалами и пиками, но и огнестрельным оружием – нелегально приобретенным, разумеется. Поэтому, когда к ним попыталась приблизиться так называемая «сотня» – конный отряд казаков, используемый властями для разгона демонстраций, – протестующие сразу же дали в ее сторону несколько предупредительных выстрелов. Дальше цитирую: «Это было неожиданностью для казаков. Они беспорядочно повернули коней обратно. Командир не смог остановить отступление и скакал за сотней сзади. Казаки больше на улицах города не появлялись. Полицейские посты как будто смыло морской волной».

Таким образом новороссийцы беспрепятственно провели митинг у здания городской думы, после чего направились к тюрьме и освободили из нее арестованного накануне политического заключенного.

Вместе с тем надо отметить, что, несмотря на остроту противостояния и последовавшую после первомайской демонстрации двухдневную забастовку, ни одно из требований новороссийцев выполнено не было. Власти не сократили двенадцатичасовой рабочий день до восьмичасового, не подняли зарплаты и не ввели обязательное медицинское страхование. Более того, они демонстративно отказались исполнить даже совершенно пустяковые символические требования вроде открытия бесплатных бань или оборудования теплых помещений на предприятиях.

Последствия первомайской демонстрации 1905 года оказали сильное воздействие на мироощущение новороссийцев. С одной стороны, горожане были в очередной раз глубоко оскорблены и разозлены наплевательским отношением к себе со стороны власть предержащих, но с другой стороны, уже совершенно их не боялись и не уважали. Закономерным итогом такого перелома в массовом сознании стало то, что в последующие месяцы в городе начали резко нарастать протестные настроения, участились уличные выступления и революционные митинги. Далеко не все они были согласованы с городской администрацией, поскольку мнение официальных властей тогда уже мало кого интересовало.

Думаю, нет смысла подробно останавливаться на всех крупных забастовках и акциях протеста в Новороссийске в течение 1905 года, которые описаны в книге Владимира Сокольского. Их было много, они вспыхивали по самым разным поводам, организовывались представителями различных общественно-политических сил, вовлекая разнообразные слои населения.

Здесь больше важен тот факт, что к концу осени 1905 года в Новороссийске сложилась практически идеальная революционная ситуация. Горожане чувствовали себя полновластными хозяевами улиц, тогда как местные чиновники и правоохранительные органы были растеряны и серьезно деморализованы.

Показателен в этом отношении тот факт, что в начале ноября тогдашний Черноморский губернатор Владимир Онуфриевич Трофимов просто сбежал из Новороссийска в

Тифлис, передав полномочия своему заместителю Алексею Александровичу Березникову. Однако через месяц сбежал и спрятался в товарном вагоне на железнодорожной станции уже и сам Березников. В начале декабря он получил от спецслужб информацию о подготовке в Новороссийске крупного вооруженного восстания и, оценив имевшиеся в его распоряжении силы, справедливо рассудил, что подавить это выступление ему не удастся.

Республика

Таким образом в первой половине декабря 1905 года Новороссийск, административный центр Черноморской губернии Российской империи, оказался фактически без органов управления. Этим обстоятельством незамедлительно воспользовались местные инициативные группы. 13 декабря они провели выборы в Новороссийский Совет рабочих депутатов. Подавляющее большинство его членов оказались представителями городских заводов, которые составляли наиболее активную и производительную с экономической точки зрения часть населения.

Здесь стоит отметить, что даже при всей идеологической заряженности и порой весьма назойливом выпячивании роли РСДРП в описываемых событиях книга Сокольского тем не менее не может скрыть того факта, что новый городской парламент не был только большевистским. В него прошли также меньшевики, эсеры, анархисты и даже два последователя философского учения Льва Николаевича Толстого. То есть Новороссийский Совет стал – безо всякого преувеличения – подлинно демократическим и в высшей степени инклюзивным органом власти. В числе первых своих решений он и провозгласил создание самоуправляемой, то есть отдельной и независимой от центральных властей страны, Новороссийской республики.

Наверное, стоит особо заострить внимание на том факте, что новое государство на берегу Цемесской бухты возникло совершенно бескровно, поскольку местный гарнизон наотрез отказался применять оружие против восставших.

Во-первых, потому что солдаты и полицейские были хорошо осведомлены о том, что у революционеров есть оружие, а значит, те вполне могут постоять за себя. А во-вторых, потому что они собственными глазами увидели, что царские наместники и высшие начальники – сбегавшие в то время из города один за другим, спасая собственные шкуры и бросая их на произвол судьбы – и к ним относятся столь же пренебрежительно, как и к остальным новороссийцам. Поэтому большим желанием защищать прежнюю лицемерную власть ценой своих жизней тогдашние силовики не горели.

С первых же часов своей работы Новороссийский Совет распорядился:

- закрыть и разогнать на своей территории все царские правительственные учреждения (кроме банков, в которых рабочие получали зарплаты);
- ввести на всех подконтрольных ему промышленных предприятиях восьмичасовой рабочий день вместо 12-часового и повысить зарплаты;
- освободить из новороссийских тюрем всех политических заключенных;
- ввести прогрессивный налог на доходы крупных предпринимателей и так далее.

Кроме того, в новом государстве была провозглашена свобода совести, слова и собраний, образованы независимые суды, которые начали пересматривать неправомерные решения прежних судов. В частности, они активно восстанавливали на предприятиях работников, уволенных по политическим причинам. В общем, новороссийцам – еще в то далекое время, более века назад – удалось создать у себя в городе стандартный набор базовых прав и свобод любого современного демократического государства.

Разгром

К сожалению, распробовать вкус свободы и демократии в полной мере, отмечает Сокольский, новороссийцы не успели. 24 декабря царское правительство направило в само-

провозглашенную республику крупный карательный отряд под командованием генерала Владимира Алексеевича Пржевальского (никакого отношения к своему однофамильцу Николаю Михайловичу, в честь которого названа одна из пород азиатских лошадей тот не имел). С моря действия карательного отряда в разное время поддерживали российские военные корабли «Ростислав» и «Три святителя».

Во избежание бессмысленных жертв и с целью сохранения революционных сил для дальнейшей борьбы Новороссийский Совет принял решение не оказывать сопротивления войскам, объявил о самороспуске и с 25 декабря ушёл в подполье. В тот же день были арестованы, а позднее и репрессированы многие общественные активисты нашего города. Некоторых из них приговорили к смертной казни, которую позднее заменили длительными тюремными сроками.

В своей книге Сокольский уделяет большое внимание ошибкам руководства Новороссийской республики, которые позволили центральным властям перехватить инициативу и переломить ситуацию в свою пользу.

Во-первых, разогнав правительственные учреждения, Новороссийский Совет не принял достаточных мер для ареста и последующей нейтрализации высокопоставленных представителей прежних органов власти. Хотя при наличии собственной военизированной дружины он имел все возможности сделать это в любое время. В результате вице-губернатор Березников и группа его приближенных, оправившись от первого шока и собравшись силами, через пару недель при поддержке центральных российских властей сумели организовать подавление восстания.

Во-вторых, добившись локального временного успеха в одном-единственном, очень маленьком тогда еще городе Новороссийске, революционеры почему-то не предприняли никаких попыток его развить. Здесь надо отметить, что похожие события в то же самое время разворачивались в соседнем Екатеринодаре, и с их лидерами у новороссийцев уже имелась постоянная связь. Однако они не только не посчитали нужным действовать сообща с кубанскими коллегами, но и не организовали выступления своих отрядов даже за пределы самого Новороссийска. И это при том, что в многочисленных пригородных поселках проживало тогда огромное количество людей, сочувствовавших революционерам и поддерживавших их борьбу.

В-третьих, Исполнительный комитет Совета не догадался или не посчитал нужным оперативно разоружить оставшиеся в Новороссийске армейские и полицейские части. Лишь 19 декабря, то есть только через неделю после провозглашения республики, дружинники явились к начальнику Новороссийского военного округа и потребовали сдать им всё имевшееся в его распоряжении оружие. Однако к тому времени тот уже успел вывезти его из города под охраной казаков. На следующий день дружинники явились с тем же требованием в городское полицейское управление, но и там никакого оружия не оказалось. В итоге до последнего дня своего существования народная дружина самопровозглашенной республики, исполнявшая роль и армии и правоохранительных органов одновременно, была вооружена лишь ничтожно малым количеством винтовок и револьверов, которые достались ей в наследство еще со времен подпольной революционной борьбы. Во многом именно этим и объяснялось нежелание лидеров повстанцев вступать в открытое боестолкновение с хорошо вооруженным крупным правительственным отрядом, прибывшим для уничтожения Новороссийской республики...

Но продержись она хотя бы пару месяцев, за которые успело бы прибыть подкрепление от других революционных сил, возможно, вся история нашего города пошла бы совершенно в другом направлении.

Сергей КОНЯШИН,
поэт, публицист

Памятная доска "Новороссийской республике"
на музыкальной школе

Автор графики
Анатолий КАРАБАЕВ

ДВА ПОЖАРА С РАЗНИЦЕЙ В 30 ЛЕТ

Пожар 1931 года. 28 июля в 11 часов в г. Новороссийске начался сильный дождь (ливень) с грозой. В 12 часов 35 мин гигантская молния ударила в группу резервуаров «Союзнефти», наполненных бензином и керосином. Загорелся один резервуар с горючим. Большинство громоотводов было в неисправности, а на некоторых из баков отсутствовали совсем. Ветер способствовал развитию пожара, потому следом загорелся еще один резервуар.

У вспыхнувшего третьего резервуара, заполненного бензином, разгорелась борьба пожарных с пламенем. В ликвидации участвовали пожарные команды, отряды погранохраны, моряки, экспедиция подводных работ, санитарно-врачебный отряд в 40 чел. и добровольцы рабочие. Этот резервуар мог гореть 25 часов, а значит все 25 часов угрожать тем, что пламя могло перекинуться дальше. Главная задача – отстоять резервуары с бензином, расположенные рядом с горящими. К этому были направлены все усилия, энтузиазм и героизм работающих.

Начальник пожарной команды «Союзнефти» т. Зайцев проявил исключительный героизм, был на самых опасных местах, взобрался на один из пока не полыхающих резервуаров, он больше часа пробыл наверху, защищая его от огня. Прокофий Иванович получил ожоги первой степени и был снят с резервуара в бессознательном состоянии.

Пожар продолжался до 30 июля, но был остановлен. Ущерб составил (на те деньги) 304 586 руб. 78 коп.

Пожар 1961 года. 14 мая года в четверть девятого утра на железнодорожной станции в парке «А» столкнулись два железнодорожных состава, состоящие из цистерн с нефтью. Из-за аварии на путях опрокинулись три 50-тонных цистерны с нефтью. От удара возникла искра, которая и стала причиной возгорания.

Все смежные пути были заставлены цистернами с нефтью. Огнем к моменту прибытия первого пожарного подразделения – караула НВПЧ-9 (несамостоятельная военизированная пожарная часть, находилась по адресу: ул. Кирова д. 6) во главе с начальником караула техником-лейтенантом Ю. В. Красовым – было охвачено 19 цистерн. Огонь угрожал сосед-

ним составам и зданиям, которые находились недалеко от путей. Водоисточники находились за 200 м, 450 м и болото за 300 м от места горения. От лучистой теплоты на расстоянии 70 м загорелась трава, телеграфные столбы.

Для ликвидации пожара был подан повышенный номер вызова – № 3.

Оценив обстановку, начальник караула техник-лейтенант Красов принял решение о введении мощных водяных струй, для чего установил у водонапорной башни напрямую две автоцистерны при помощи и по инициативе шоферов Василия Ивановича Емелина и Николая Михайловича Кузьмина.

Следом на автонасосе ПМЗ-10 прибыли начальник НВПЧ-8 старший техник-лейтенант Дудукалов и его заместитель старший техник-лейтенант Трифонов (ответственный дежурный по гарнизону), они разделили пожар на два боевых участка. Одним участком руководил сам Дудукалов, а другим назначил заместителя, передав ему в распоряжение три пожарных автомобиля. Тушить стали с двух сторон с использованием пенных стволов с установкой пеногенератора. Одновременно принимались меры по эвакуации пока не вспыхнувших цистерн горящего состава.

С прибытием начальника отряда ВПО г. Новороссийска были приняты меры по расстановке прибывающих пожарных подразделений, назначен начальник тыла и начальник участка – майор-техник Г.П. Сыромятников.

Смелость, инициатива и находчивость личного состава гарнизона помогли ликвидировать пожар за один час пятнадцать минут. Ю.В. Красов и пожарный Ф.И. Фоменко при нестерпимо высокой температуре и угрозе взрыва под прикрытием стволов-распылителей для защиты личного состава поднялись на цистерны и подручными материалами закрыли огнедышащие горловины цистерн. Юрий Красов получил ожоги, но продолжал вести борьбу с огненной стихией. Младший сержант Н.Я. Кондашов, будучи выходным в тот день, но находясь неподалеку от места бедствия, прибыл к очагу, организовал эвакуацию не горящих составов, а после принял участие и в самой ликвидации огня.

За отвагу и самоотверженность при тушении пожара на железнодорожной станции г. Новороссийска Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 октября 1961 года медалью «За отвагу на пожаре» были награждены:

- начальник караула 9 НВПЧ техник-лейтенант Красов Юрий Васильевич;
- начальник караула 9 НВПЧ старший техник-лейтенант Воропай Федор Тимофеевич;
- пожарный 9 НВПЧ Фоменко Федор Илларионович;
- командир отделения 9 НВПЧ Бухман Аврум Иойхенович;
- заместитель начальника 9 НВПЧ Трифонов Алексей Климентьевич.

Награждены наручными часами за проявленную отвагу, мужество и находчивость, умелую организацию работы по тушению пожара в парке «А» железнодорожной станции г. Новороссийск:

- начальник 9 НВПЧ старший техник-лейтенант Дудукалов Николай Стефанович;
- исполняющий обязанности начальника отряда ВПО МВД по охране г. Новороссийск Сыромятников Георгий Павлович.

Кроме того, денежной премией награждены командир отделения ст. сержант Николай Пантелеевич Снегуров и пожарный Михаил Александрович Нофиков. Многим участникам тушения этого пожара объявлена благодарность и вручены грамоты.

**Предоставлено Ларисой ДЬЯЧКОВОЙ,
исследователем истории пожарной охраны г. Новороссийска**

НЕФТЯНЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

Сегодня «Черномортранснефть», без преувеличения, ключевое предприятие экономики Новороссийска.

Нефтяной дух на Кубани сложился с высадки казаков на Тамань. С 1792 года 30 лет Иван Таран снабжал братьев смазочными материалами из нефтяных колодцев. Промышленная добыча и транспортировка нефти началась через полвека. В 1879 году промысел около станицы Ильской соединили 75-километровым трубопроводом с берегом Цемесской бухты. Первые объекты хранения нефти расположили на территориях нынешней больницы моряков и шиферного завода. Перевалочные причалы – в районе нынешнего зернового терминала. Корабли с кавказской нефтью пошли в порты Украины.

С начала 20-го века склады нефтепродуктов Новороссийска вошли в фирму братьев Нобель «Русский стандарт». С тех пор район размещения складов именуют «Стандарт». На пару десятилетий он стал центром города. Там был один из первых кинотеатров страны, первый на Кубани торговый комплекс, предшественник универмагов.

С 1921 года начались экспортные поставки нефти в страны южной Европы. Их обеспечивали две резервуарные площадки в районе Таможенного управления и Импортпищепрома («ИПП») на ул. Портовой. В 1946 году первый танкер был погружен на причалах напротив нынешнего «ИПП». Сформировавшиеся еще в 30-е годы кавказские и башкирский нефтеперегонные комплексы в послевоенный период максимально увеличили объемы поставок на экспорт. Это потребовало создания резервуарного парка вне торгового порта. Таким стал в 50-е годы комплекс «Кирилловская перевалочная нефтебаза». Производственная площадка объединила все объекты нефтяной отрасли города. На ней появилась железнодорожная эстакада для обработки цистерн. С 1947 по 1962 год директором нефтебазы был **Михаил Владимирович Бобышев**. Под его началом в коллективе выросли руководители возникшего вскоре перевалочного комплекса «Шесхарис-Грушовая» А.Т. Кучеренко, В.Г. Шолом, А.Е. Крапивин, Б.Г. Янов, Г.В. Сирота и другие легенды новороссийской нефтянки.

По постановлению Правительства от 14.06.56 года «О проектировании и строительстве в г. Новороссийске нового нефтеперевалочного комплекса» с 1961 г. начало создаваться предприятие государственного уровня. Наш город вошел в число гарантов высокого экономического потенциала страны. Помимо Шесхариса рассматривалось размещение технически более совершенного предприятия в Южной Озерейке. Но экономически выгоднее стало создать систему, существующую ныне. Введенному в эксплуатацию в 1964–1967 гг. нефтеперевалочному комплексу «Грушовая-Шесхарис» аналогов в мире не было. Так, резервуарный парк нефтебазы «Грушовая» по объему хранения стал крупнейшим в Европе. Технологический тоннель под Андреевским перевалом Маркотхского хребта между «Грушовой» и Шесхарисом, а также подземный резервуарный парк нефтебазы «Шесхарис» стали уникальными достижениями мировой строительной индустрии. Причальные сооружения нефтерайона торгового порта, принявшие в 1964 г. под погрузку первый танкер «Лихославль», стали образцом для ряда комплексов Ближнего Востока. Показательно, что монтажники погрузочных систем из японской фирмы «Ниигата» уважительно корректировали свои действия с учетом замечаний опытного производственника Б.Г. Янова. Специалисты итальянской фирмы «Аджип» аналогично прислушивались к замечаниям В.Г. Шолома, Г.А. Ткачева, В.А. Чураева.

С 60-х годов основой экспортных поставок стала нефть Западной Сибири. Приказами Главнефтеснаба РСФСР № 192 от 10.12.1966 г. и № 10 от 18.01.1967 г. нефтеперевалочный комплекс Новороссийска был преобразован в Черноморское управление Главнефтеснаба. В 1968 и 1969 годах в него вошли остальные предприятия нефтепроводного комплекса Кубани. Нефтепроводы и линейные производственно-диспетчерские станции (ЛПДС) Крас-

нодарского районного управления магистральных нефтепроводов (КРУМН) и туапсинской нефтебазы «Заречье». В 1992 г. в состав Черноморского управления вошли объекты Тихорецкого районного управления (ТРУМН). Его объекты расположены на территории семи субъектов Российской Федерации. Новороссийск и поныне является столицей нефтепроводной отрасли юга страны.

Внутреннее содержание борьбы коллектива за лидерство в экономике города Новороссийска и Кубани ярче всего отражает изложение методов работы его руководителей. Их семь в истории предприятия. Меж собой сотрудники называли их одинаково: «папа» или «генерал». Уместно рассказать, какими они были, начальники управления, позднее – генеральные директора.

Первым начальником Черноморского Управления магистральных нефтепроводов (ЧУМН) с 1967 по 1977 гг. стал **Валентин Федорович Бурчаков**. Сменил его в период с 1977 по 1984 гг. **Василий Ильич Гренадеров**. Оба – фронтовики. Война перечеркнула их юность, но воспитала уважение к человеческому достоинству. Обладая на предприятии громадной властью, оба были уравновешенно гуманными, бережными с любым работником, словно их сдерживала от возможного «генеральского» высокомерия память об оставшихся в сороковых-пороховых сверстниках. В то время граждане были едины. Валентина Федоровича мне, потомственному нефтянику, довелось знать едва ли не с основания ЧУМН. Он запросто останавливался с любым работником, чтоб расспросить о житье-бытье. Василий Ильич проработал начальником ЧУМН недолго, ушел по болезни. Частые его поездки в подразделения рождали восторг работников всех уровней: «Да за Гренадера! Во – человек!» Его решения выполнялись с энтузиазмом.

Мне довелось быть прямым подчиненным трех генеральных директоров. Послевоенное взросление сформировало в них немало общих ярких черт.

Павел Леонтьевич Оганов с 1984 по 1994 г. руководил предприятием предельно осмотрительно. Каждое решение было подготовлено до мелочей. Конечно, для этого едва ли не каждый пункт рассматривался не раз на совещаниях с привлечением расширенного числа специалистов, иногда – до рядовых работников. Первоначальный вариант приказа не раз менялся в основе. Порой нас смущало, как Павел Леонтьевич, при непререкаемости его решения, перед этим интеллигентно искал возможность учесть мнение каждого сотрудника. Будучи глубоким производственником, предельно точно формулировал свои требования. Столь явное уважение руководителя к тебе заставляло сто раз продумать свое предложение, прежде чем докладывать генеральному. Нередко выручал добродушный юмор «генерала». После ухода с поста П.Л. Оганов работал за границей.

Переход **Александра Ивановича Жирова** в 1994 г. на должность генерального оказался, на взгляд многих, незаметным. Ибо годы до этого он был главным инженером. А его кабинет часто бывал на том объекте, где сегодня наиболее сложно. На монтажных работах и реконструкциях, порой далеко от Новороссийска, он всегда был лично. Став генеральным, просто стал чаще бывать в здании аппарата управления. А завершение директорства в 2000 г. было тоже неординарным. Очередное селекторное совещание он начал неожиданным прощанием в микрофон с руководителями подразделений на территории юга России. И в звенящей тишине пошел к выходу. Но вслед динамики селекторной связи и зал совещаний взорвались шквалом аплодисментов благодарности. И это при том, что от Жирова в перестроечные годы разрушения экономики многим из нас доставалось изрядно. Обладая могучей энергией, способностью на лету понять и принять масштабное решение, Александр Иванович мог в узком кругу выругать. Чтобы избежать его гнева, специалистам, знаю по себе, приходилось заранее готовить альтернативные решения. Но, доказав свое мнение, ты знал, что ответишь за ошибку. Увольнение нерадивого работника А.И. Жиров мотивировал открыто и обоснованно. Тяжело он воспринимал периодическое появление зарубежных аудиторов, рекомендовавших западные методы руководства.

Возглавлять «Черномортранснефть» в «нулевые» было сложнее. Генеральным директором в 2000–2008 гг. был **Алий Ибрагимович Гамбрамов**. Работая в нефтепроводной

системе, он возглавлял туапсинскую нефтебазу «Заречье», затем нефтебазу «Шесхарис». Ему удалось приумножить лучшие черты стиля работы предшественников. Что может быть важнее, чем отсутствие страха, когдаходишь к генеральному директору с докладом о своей ошибке – может уволить? Но в приемную мы возвращались с прежним достоинством и полные оптимальных задач. Его уважительное руководство и глубокий производственный опыт уникальны. Тайком о генеральном думали: «Хоть бы он дольше проработал!»

В эти годы настойчиво повеяли ветры столичной реальности. Президент АК «Транснефть» С.М. Вайншток в очередной приезд в Новороссийск иронично отозвался о коллективе «черноморки», а главный инженер АК А.В. Калинин пообещал, мол, мы вас «модернизируем». Его местный коллега Ю.В. Попов озвучил вывод: «Забудьте понятия человек и специалист. Нужен механический исполнитель воли Москвы!»

Требования акционерной компании реализовал в 2008-2012 гг. **Сергей Николаевич Николаев**. Потомственный нефтяник, он был ведущим специалистом Тихорецкого управления, потом возглавил управление в Краснодаре и был гендиректором в Центральной Сибири. Непокосимый трудоголик, он перенял у предыдущих поколений принцип «Позволь сейчас поблажку, чтоб иметь право потребовать беспрекословности в экстремальный момент». Но «модернизация» внутривыпускных норм потребовала жестких решений. Кардинально был омоложен кадровый состав, исключена преемственность специалистов, трудовые династии. Сотрудник стал вторичным и временным явлением, без возможности стать ветераном. Разбит был ряд связей прежнего единого производства. Образно говоря, выросший от механика до капитана корабля С. Н. Николаев сменил экипаж на юнг, вольные паруса – на управляемые из адмиралтейства.

Может, оттого легендарны для кадровых нефтепроводчиков прежние руководители, что, круто требуя, еще больше требовали от себя? Позвонить генеральному «по работе» ты мог поздно ночью. Нормой был «восьмичасовой» рабочий день – с 8 утра до 8 вечера, с выходными на Новый год и 8 Марта. Идя к «генералу», бывало, останавливался. У шефа «в гостях» врач! Труд руководителя высокого уровня, в результате, подрывает здоровье.

В 2012 году предприятие возглавил **Александр Владимирович Зленко** (в возрасте всего 37 лет). «Черноморка» под его руководством достигает высоких экономических показателей. Но не менее важно иное. В основе акционерной компании «Транснефть», руководимой Н.П. Токаревым, – госсобственность. По поручению государства компания осуществляет экономический контроль над стратегическими предприятиями страны. В Новороссийске «Черномортранснефть» курирует холдинг морского торгового порта с целью обезопасить от бывшего диктата западных финансовых систем. Сегодня этот контроль – гарантия сохранения госсобственности от западной экономической экспансии.

Приятно и сейчас столкнуться с прежними сотрудниками и руководителями «черноморки». Встретишь на набережной, остановит – расспросит. Недавний гендиректор запросто остановит свою машину у перекрестка без светофора и покажет рукой: «Проходи!». Былая «черноморка» заложила в нас неискоренимую человечность. Иногда собираемся вместе. Моими коллегами по работе в аппарате управления ОАО «ЧТН» были отставники. Может, потому нам пришла в голову невольная ассоциация: состав «черноморки», порой, больше дивизии, ею командует генерал. Не потому ли молва присвоила мирным руководителям это воинское звание? Оттуда и до сих пор традиционен тост за здоровье наших нефтяных генералов!

Вячеслав ГУБАРЬ,
сотрудник ОАО «Черномортранснефть» 1984-2007 гг.

НОВОРЭС

(Главы из книги «История электрификации города Новороссийска и его окрестностей»)

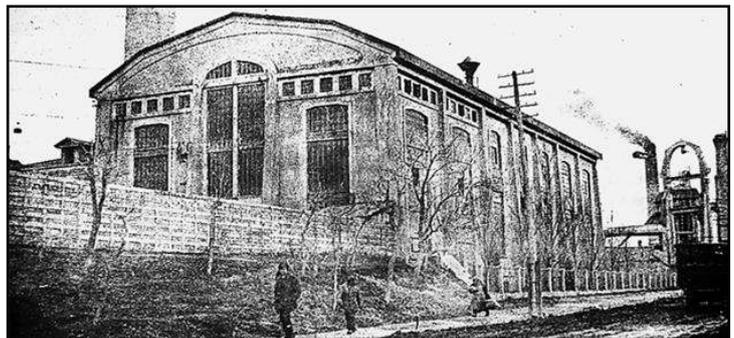
Новороссийск в 20-е годы XX столетия был центром Черноморского округа, в который входили Анапский, Геленджикский, Туапсинский и Новороссийский районы. Крымский район в состав Черноморского округа включён 10 октября 1925 года.

Электричество в городе Новороссийске и близлежащих районах вырабатывалось из более 30 работающих первичных двигателей, установленных на небольших станциях. Станции были как кустарного типа (мощностью в 15–20 л. с.), цель которых была обслуживание кинематографов, так и крупные электростанции: элеватора с паровыми машинами (мощностью до 2 000 л. с.); турбогенераторные на ц/з «Пролетарий» и «Октябрь» мощностью 3 000 л. с. Примечательно, что у всех был разный род тока и разное напряжение, и ни один из них не являлся стандартным.

Основными потребителями электроэнергии в Новороссийске и прилегающих к нему районах были цементные заводы города, с. Гайдук, станция Тоннельная, железная дорога, порт, механический завод «Судосталь», жилой Новороссийск с населением 50 тыс. человек, водопровод и в незначительном количестве нагревательные приборы. Существующих мощностей не хватало для дальнейшего развития промышленности и транспорта, а также запросов населения.

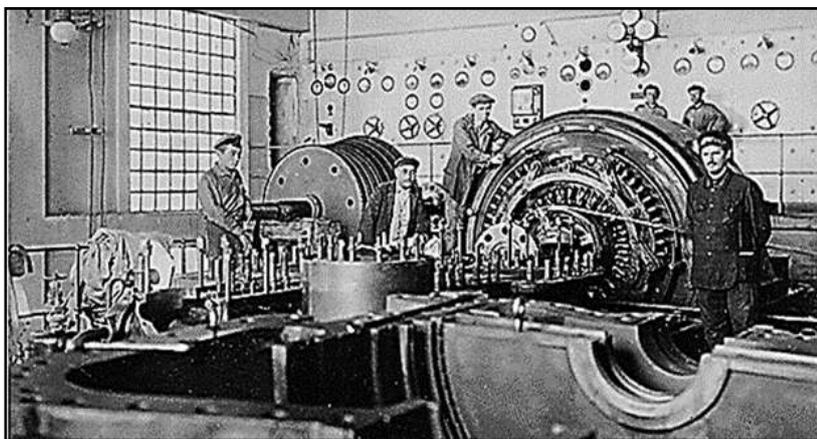
В июне 1924 года вопрос об электроснабжении города Новороссийска обсуждался на Всероссийской конференции по электроснабжению. В ноябре этого же года Черноморская плановая комиссия вынесла на рассмотрение плановой комиссии по электрификации при ВСНХ (электроплан) записку с результатами технико-экономического обследования электросилового хозяйства Новороссийского района. Устройство районной электростанции в 1924 году предполагалось путём расширения паротурбиной станции цементного завода «Пролетарий», находящейся в то время в сравнительно хорошем состоянии. Но уже к декабрю 1925 года стало ясно, что предполагаемое увеличение производства электроэнергии будет недостаточным, главным образом в связи с программой цементных заводов «Пролетарий» и «Октябрь», предусматривающей доведение выпуска цемента до двух миллионов бочек. Необходима была также энергия для механизации работ в развивающемся порту, для намеченных к строительству новых элеваторов и холодильника. Поэтому в декабре 1925 года было решено построить самостоятельную станцию. Составление эскизов проектов по этому варианту было поручено в марте 1926 года профессору М.К. Поливанову, и 15 мая 1926 года Севкавплан одобрил вариант постройки первой очереди станции в 20 000 киловатт.

Для решения неотложной задачи электрификации города к осени 1925 года в Новороссийске было создано Электротехническое Акционерное общество (ЭАО) по электроснабжению всего Новороссийского района с целью строительства районной тепловой (парогенераторной) электростанции. В состав пайщиков Общества вошли «Новоросцемент» (650 тыс. руб.), Черокрисполком (200 тыс. руб.), элеваторный отдел Госбанка (240 тыс. руб.), Управление Северо-Кавказской железной дороги (40 тыс. руб.), Управление Новороссийско-

го торгового порта (40 тыс. руб.) и Северо-Кавказский металлтрест (30 тыс. руб.). Кроме того, предполагалось получить долгосрочную ссуду в 500 тыс. рублей из «Электробанка». Основной капитал ЭАО был утверждён в 1 200 тыс. руб. и распределялся на 12 тыс. акций по 100 руб. каждая. Причём «Новоросцемент» в счёт своего акционерного пая внёс имеющуюся на заводе «Пролетарий» паротурбинную электростанцию для её переоборудования в мощную районную электростанцию – НовоРЭС-2 (на снимке).

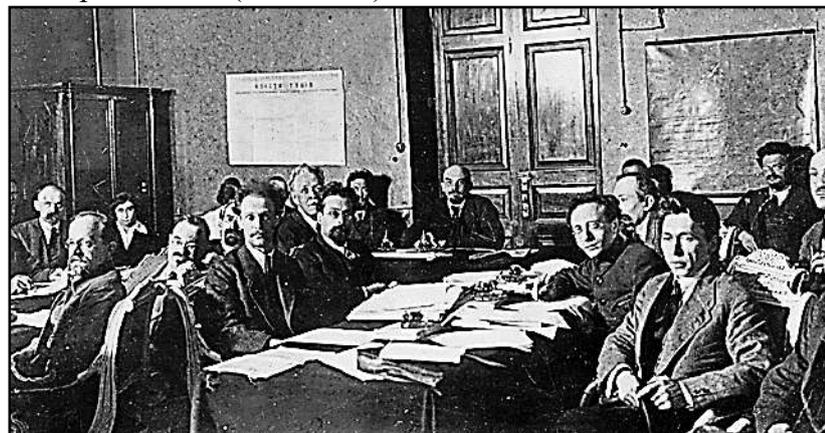
Работы по переоборудованию паротурбинной электростанции завода «Пролетарий» начались 15 декабря 1925 года после получения утверждённого проекта переустройства от вновь организованного «Электротреста». Курировал производство работ заместитель председателя электротехнического акционерного общества – заместитель управляющего конторой «Экспортхлеб» товарищ Ф.П. Кузнецов. Само переоборудование электростанции «Пролетарий» было рассчитано на 16 месяцев. Сюда входят и электроустановки самой станции, и внешние сети. Оборудование для станции частично было заказано на заводах СССР, частично за рубежом. Для всех крупных предприятий – элеватор, «Пролетарий» и прочих – были запланированы свои понизительные трансформаторные подстанции мощностью от 1 до 2 тыс. кВт.

Сборка генераторов паротурбинной электростанции цементного завода «Пролетарий»

Вновь сооружаемая электростанция была рассчитана на 5 МВт (5 тыс. кВт), с включением сюда потребности в энергии всех заводов и предприятий Восточного района города Новороссийска.

Президиум Госплана СССР под председательством одного из создателей плана ГОЭЛРО учёного-энергетика Г.М. Кржижановского, рассматривая программу работ по электрификации на 1926-1927 гг., постановил, что из восьми электростанций, намеченных к постройке, три, и в их числе электростанция в Новороссийске, являются основными. И 7 декабря 1926 года на Совете Народных комиссаров (на снимке ниже) был утверждён пятилетний план электрификации страны, включающий и строительство Новороссийской районной электростанции (НовоРЭС).

Совет Народных комиссаров принимает план ГОЭЛРО

На заседании Электроплана, состоявшемся 15 июня 1926 года, признали необходимым приступить к сооружению НовоРЭС, и 17 июня 1926 года центральный электротехнический Совет утвердил эскизный проект. Ориентировочная стоимость строительства станции была определена в семь миллионов рублей. В декабре 1926 года Госплан СССР включил постройку в Новороссийске районной электростанции в пятилетний план электрификации СССР.

В мае 1927 года в государственном электроинституте был завершён технический проект Новороссийской районной электростанции. Руководитель – бывший профессор Императорского Московского высшего технического училища М.К. Поливанов. (На снимке)

Для строительства электростанции было создано государственное акционерное общество (АО) «НовоРЭС». Генеральным подрядчиком в строительстве электростанции был Севкавэнергопромстрой. Работа по сооружению НовоРЭС была начата в августе 1927 года. Срок её готовности был назначен Советом труда и Оборона сначала на 1 мая, затем на 7 ноября 1929 года. Но отсутствие в самом начале строительства лесоматериалов задержало работу. Кроме того, недостаток квалифицированных строителей, невыполнение ленинградским машиностроительным заводом сроков поставки оборудования и другие организационные причины отодвинули срок пуска НовоРЭС. Как начиналось строительство Новороссийской электростанции, рассказывают пожелтевшие страницы газеты «Красное Черноморье» от 5 мая 1927 года и документы Новороссийского архивного фонда.

В центре Октябрьской площади (на снимке) была установлена трибуна, обитая красным полотнищем с лозунгом «Да здравствует НовоРЭС – новая крепость социализма!» После парада красноармейских частей на Октябрьской площади (на снимке) 1 мая 1927 года делегация на автобусах отправилась на закладку новороссийской районной тепловой электростанции на берегу бухты у Восточного мола. Торжественное собрание по случаю закладки электростанции объявляет открытым секретарь 1-го городского райкома ВКП

(б) т. Бакчевников. Председатель горсовета тов. Соркин вместе с рабочими-строителями братьями Коноревыми, Семёном и Иваном, заложили первый камень в фундамент будущего НовоРЭСа. Под орудийный салют камни в фундамент будущей станции заложили член ЦИК СССР тов. Бойченко И.Я., казак-неберджаевец тов. Нычик, командующий дивизией тов. Покус и крестьянин станицы Анапской тов. Бердников. С ответным словом к присутствующим делегатам от имени строителей НовоРЭСа выступил инженер Петренко, доложивший о будущем экономическом значении электростанции для развития города, края, в целом для страны: «Ваше дружное содействие, – сказал товарищ Петренко, – ваше непосредственное участие обеспечит успешное сооружение НовоРЭСа в намеченные сроки. Да здравствует НовоРЭС!»

Заложена Новороссийская районная электростанция была у корня Восточного мола, между Карантинным пунктом и портовыми мастерскими, на участке около трёх тысяч квад-

ратных метров, обозначенном высокими столбами, на которые натянуты (по границе всего здания) канаты с красными флажками и плакатами-лозунгами.

Закладка фундамента и колонн будущей Новороссийской районной электростанции

Объём будущего здания определяется внушительной цифрой в 65 тысяч квадратных метров; общая мощность станции равняется 22 тысячам киловатт; площадь участка, отведённого под все сооружения НовоРЭСа, примерно пяти десятинам.

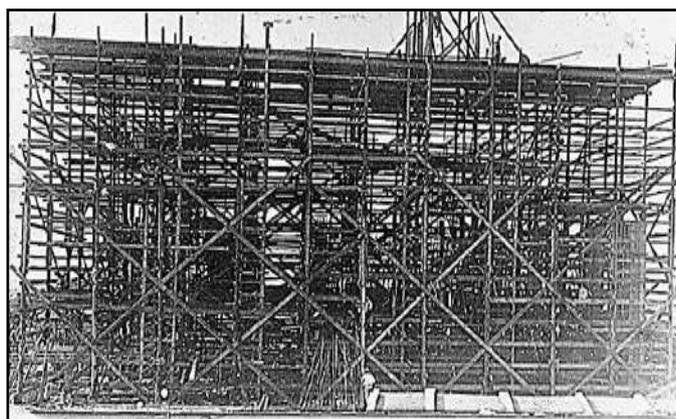
На электростанции были установлены четыре прямоточных паровых котла конструкции Л.К. Рамзина и два турбоагрегата.

Первоначально предполагалось использовать для нужд станции твёрдое топливо, затем проект был изменён на мазут, который доставляли из Туапсе. Сооружение электростанции оценено в семь млн руб. Уставной капитал Акционерного общества составил 1 млн 500 тыс. руб.

Будущее место строительства Новороссийской электростанции на восточном берегу Цемесской бухты

На учредительном собрании акционеров «НовоРЭСа» избрано правление в составе тов. Эрика Карловича Флетгейма (Черноморский крайисполком), Фёдора Петровича Кузнецова («Новоросцемент») и инженера Владимира Ивановича Петренко. Кандидатами в правление избраны тов. В.Я. Бомаш («Новоросцемент») и Воронков (Черокрисполком).

Строительные леса главного корпуса Новороссийской районной электростанции (НовоРЭС), 1927 год

Пробный пуск станции был произведён Госэлектротрестом 15 апреля 1930 года, имея на тот момент мощность 22 МВт. И спустя месяц, 7 мая 1930 года, состоялось торжественное открытие в режиме наладки. Ввод в промышленную эксплуатацию первенца ленинского плана ГОЭЛРО НовоРЭС состоялся 19 мая 1932 года. В 1932 году к НовоРЭСу была присоединена электростанция цементного завода «Пролетарий», получившая название «НовоРЭС-2». Поэтому все мелкие электроустановки в Новороссийске, как дорогостоящие, устаревшие и не отвечающие современным требованиям, были ликвидированы.

Отделочные работы на главном корпусе

Группа монтажников на монтаже оборудования Новороссийской районной электростанции, 1929 год

Торжественное открытие (НоворЭС), 7 мая 1930 года

На снимке проходная с памятником вождям

В 1930 году был построен клуб электростанции, в то время он вместе с клубом цемзавода «Пролетарий» были главными культурными очагами в Восточном районе города для рабочих, служащих и жителей ближайших окрестностей.

В 1932 году комиссия Главного энергетического хозяйства РСФСР подписала акты о приёме Новороссийской электростанции и передаче её в эксплуатацию.

В этом же году государственные районные электростанции Дона, Кубани и Северного Кавказа, в том числе и Новороссийская РЭС, вошли в состав новообразованного управления «Севкавэнерго». В этот период все РЭУ находились в ведении Главэнерго ВСНХ СССР, который 5 января 1932 года был преобразован в общесоюзный Народный комиссариат тяжёлой промышленности (Наркомтяжпром).

Для электроснабжения цементных заводов «Победа Октября» и «Первомайский» в 1933 году была построена линия напряжением 35 кВ (ВЛ-35кВ), впоследствии продлённая до станции Крымской (для электроснабжения консервного завода) и подстанций в Гайдудке, Тоннельной и «Абрау-Дюрсо. Из состава электростанции был выведен линейный участок электросети. Одновременно шло сетевое строительство. Кабельные линии напряжением 6 кВ. протянулись от Новороссийской электростанции к цементным заводам «Октябрь» и «Пролетарий», а также на городской элеватор, холодильник, в порт и на железнодорожный узел. Для своего времени мощность НовоРЭС (22 тыс. кВт) была значительной и обеспечивала электроэнергией не только промышленность Новороссийска, но и Анапский и Крымский районы.

В 1934 году в связи с выделением Азово-Черноморского края в самостоятельную административно-территориальную единицу РСФСР было осуществлено разукрупнение «Севкавэнерго» на два самостоятельных – «Севкавэнерго» (с центром в Пятигорске) и «Азчерэнерго» (с центром в Ростове-на-Дону). Позднее, 13 сентября 1937 года, Азово-Черноморский край разделился на современные Краснодарский край и Ростовскую область.

Электрификации подлежали десятки населённых пунктов Кубанского округа. В 1940 году предполагалось построить районную тепловую электростанцию мощностью около 22 000 кВт, пять групповых и 19 местных станций, 300 км линий электропередачи напряжением 110 кВ. и шесть понизительных подстанций, а также 6 570 км низковольтных ВЛ.

Так называемая программа «А» плана ГОЭЛРО, предусматривавшая восстановление разрушенного энергетического хозяйства страны, оказалась выполненной уже в 1926 году. И к 1931 году – минимальному десятилетнему сроку программы – были перевыполнены все плановые показатели по энергостроительству. Вместо запроектированных 1 750 кВт новых мощностей ввели в эксплуатацию 2 560 кВт, а производство электроэнергии только за один последний год увеличилось почти вдвое. К концу же пятнадцатилетнего срока – к 1935 году советская энергетика вышла на уровень мировых стандартов и заняла третье, после США и Германии, место в мире.

**Виктор БУРАВКИН,
краевед, член Новороссийского отделения
Российского союза профессиональных
литераторов (РСПЛ)**

Новости от Института археологии РАН

КТО ЕЛ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА?

Масштабные исследовательская работа ждет участников летней археологической экспедиции Института археологии РАН (Москва). Учёные и волонтеры раскапывают под Новороссийском сразу три памятника.

Социальное расслоение было и тогда

Окраина станицы Натухаевской. Сначала мы едем вдоль полей, затем углубляемся в лес. Сегодня весь день поливает дождь, то останавливаясь, то припуская. Ай, я не взяла с собой сапоги. В такое болото можно нырять только в «резинках». Волонтеры, несмотря на непогоду, раскопали уже почти одну сотку памятника – могильника раннего железного века аборигенного населения полуострова Абрау. Передо мной могилы того периода – каменные ящики, тщательно подогнанные друг к другу.

Тут все усыпано камнями. Начальник Новороссийской археологической экспедиции ИА РАН Алексей Малышев поясняет, что это традиции захоронения тех лет: сначала строили каменные ящики, потом накрывали их более мелкими камнями, сооружая кольцевую конструкцию.

Этот могильник обнаружил еще в 80-х годах прошлого века новороссийский археолог Александр Дмитриев. Почти сорок лет памятник просто числился в отчетах. Ученых ведущего вуза страны привлекли камни, из которых собраны ящики для захоронения. Некоторые из них сделаны из довольно массивных плит песчаника. Из таких, только гораздо раньше, сооружали мегалиты-дольмены.

– Стены некоторых каменных ящиков толщиной 15 см, – говорит Алексей Александрович. – Мы предполагаем, что это своеобразный признак социального расслоения общества. Более богатые люди, как принято говорить сегодня, элита, строили погребальные сооружения, склепы, из толстых плит песчаника – это было престижно. Бедному населению же доставались более мелкие и тонкие плиты. Расслоение общества – это было и будет всегда, – философски замечает Малышев.

Дольменная культура дает о себе знать

Возможно, так – используя песчаник – местное население восприняло традиции дольменной культуры. Традиция хоронить в каменных ящиках просуществует в наших местах вплоть до рубежа эр, а потом постепенно исчезнет. Учёные в этой экспедиции хотят уточнить датировки.

Я вижу среди раскопанных склепов маленькие каменные ящики. Могилы детей. Этот народ хоронил малышей на общем кладбище, хотя у некоторых народов детей хоронят отдельно, не считая их полноправными членами общества. В Широкой балке, например, есть отдельное детское кладбище.

– Что за люди жили здесь, в Натухаевской, в раннем железном веке? – интересуюсь у ученого.

– Предположительно это керкеты-тореты, возможно, синды. Они активно использовали биоресурсы – засевали поля, ухаживали за зерновыми, охотились и занимались собирательством. Для выживания небольшого семейного клана в те времена нужны были сотни гектаров земли. Жили они, скорее всего, подалеже от кладбища, в более укромном месте, скорее в предгорьях, где есть вода.

Бронзовая печатка – украшение и печать

К сожалению, большая часть захоронений подверглась грабежу и не один раз, потому что склепы были на поверхности, их не закапывали в землю, а просто обкладывали более мелким камнями. Добраться до содержимого было просто.

Несмотря на то, что многие последующие поколения хорошо покопались в могилах, археологи сегодня не без находок.

Алексей Малышев вытаскивает из специального раствора, позволяющего убрать соли, дорогой по тем меркам бронзовый перстенок. На нем рисунок, какое-то животное. Когда над кольцом поработают реставраторы, рисунок проявится четче.

– Кольцо, сразу видно, «импортное», – констатирует ученый. – Оно доказывает, что местное население, проживавшее здесь в 5-4 веках до нашей эры, контактировало с Боспорским центром. Скорее всего, его, кольцо, использовали как печать, удостоверяющую личность.

Драгоценностей (серебро, золото) в этих могилах не находят, население не было богатым. Однако бронзовый перстень для ученых – уже дорогая находка. Копилку найденных предметов пополнил изящный глиняный кувшин, тоже «импортный». Местное население изготавливало керамику в более грубом, примитивном стиле.

Паразиты и тогда досаждали человеку

А вот со скелетами не все так просто. В каменные ящики древние люди складывали по несколько тел. Останки предыдущего сгребали в кучку, сдвигали, на освободившееся пространство клали следующего умершего. Так в склепе помещалось больше останков.

– Кости, к сожалению, все перемешаны, – констатирует Алексей Малышев. – Дело в том, что в этом году ученые приступили к работе в интереснейшем проекте. Они хотят выяснить, какие паразиты сосуществовали вместе с человеком. Попросту, какие глисты были у местного населения? Правда, неожиданно? Но как интересно! Оказывается, паразиты тоже сильно менялись с веками. В древних могилах сохраняется хитиновый покров яиц паразитов. На место раскопок уже выезжала научный сотрудник лаборатории естественно-научных методов ИА РАН кандидат биологических наук Анна Бабенко. Археологи предоставляют для ее исследований почву, взятую в районе тазовых костей захороненных. Поэтому большая удача найти скелеты, которые не были сдвинуты.

– Тема паразитов для российский ученых достаточно новая, хотя в других странах подобными исследованиями занимаются давно, – говорит Малышев. – Для чего это нужно? Мы стараемся исследовать культуру народа полностью – как жили люди, чем питались, как себя чувствовали. Интересно даже то, кто их ел изнутри.

**Мария АНАНЬЕВА,
журналист**

... ИЗ НИХ СОСТОИТ НОВОРОССИЙСК

Ностальгия по прошлому

ПЕЛЬМЕННАЯ НА РЫНКЕ

Часто бывая на центральном городском рынке, при входе со стороны улицы Бирюзова, обратила внимание, что мой взгляд невольно падает на угловое здание бывшей пельменной, некогда имевшей колоссальный успех у горожан и приезжих. И такая на душе ностальгия по настоящим в то время русским пельмешкам, канувшим в лету! Так и хочется подняться по ступенькам, открыть старую массивную дверь и войти туда – в прошлое, где нежно перезвякивались алюминиевые вилки с ложками и граненые стаканы расплескивали на столы горячие (не горячительные!) напитки.

Какая была пельменная! Зал просторный, большущие окна. Потолки высотой около четырех метров. С правой стороны рядом с раздачей находился небольшой буфет, возле которого стояли две внушительных размером емкости с краниками, в одной какао, в другой кофейный напиток. Тут же на подносе находились чистые граненые стаканы. Самое интересное, наливать каждый должен сам себе что хочет. Это называлось самообслуживание. Естественно я, как и остальные завсегдатаи, наливали какао в стакан по самые края. Своя рука владыка!

Нынешняя молодежь, и мои дети с внуками не исключение, любят питаться и перекусывать на ходу всяческими восточными и японскими яствами. На каждом углу то и дело пестрят вывески «Шаурма», «Хот дог», «Суши», «Ролы» вытеснив наши русские «Пельменная», «Блинная», «Вареничная».

В семидесятых годах, когда я, молодая девчонка, приехала в Новороссийск, то поселилась в рабочем общежитии. Естественно, у приехавшей не было ни кастрюль, ни сковородок, и пока обживалась, первое время необходимо было найти «точку питания». Девчонки, соседки по комнате, повели меня в пельменную, которая впоследствии стала

любимым местом русской кухни, да и по кошельку приемлемой. Помнится, одна порция пельменей со сметаной стоила 37 копеек, с уксусом – 33.

В буфете можно было приобрести два вида салатов: винегрет и капустный (летом из свежей капусты, зимой из квашеной), сметану, разлитую в стаканы, пирожные «картошку» и заварные. Пирожное «картошка» мне всегда нравилось, со вкусом шоколада и ванили, оно просто таяло во рту. Если предстоял выбор, я выбирала именно его. Жаль, нынешние кондитеры теперь такого не делают. Почему? Неизвестно. То ли не умеют, то ли не хотят.

За «раздачей», позади огромнейших электропечей, которые занимали половину помещения, в глубине находилась громадная машина по лепке пельменей – в то время для меня это было что-то диковинное. Пока с разносом двигалась в очереди, старалась рассмотреть и

понять, как же лепит машина пельмени. Но разглядеть практически ничего не удавалось, за паром иногда видела, как уже вылепленные пельмени приносили поварам. Очередь ждет – только успевай поворачиваться! Одни тут же кидали свежеслепленные пельмени в громадные кастрюли (никакой заморозки!), другие – пятилитровым дуршлагом на длинной ручке готовые, дымящиеся пельмени перекладывались в широкую неглубокую кастрюлю. Все это происходило на виду у десяти-пятнадцати страждущих посетителей.

Две розовощекие дородные раздатчицы, этикие кубанские казачки, уже порционными черпаками накладывали в тарелки очередному. Работали дружно и слаженно, очередь всегда двигалась быстро. Один черпак – порция. Следующий!

Заведовала пельменной Анна Федоровна Козюкова – умница, хозяйюшка, милая женщина.

Кстати, пельмени были необычные. Не такие, как мы привыкли видеть круглыми, а полукруглые. Это даже интересно. Главное, из настоящего мяса! Раскусишь пельмень, из него вытекает пикантный сок. Как было смачно! Сейчас таких не встретишь в магазинах и столовых. Пересмотрены технологии изготовления и состав и не в лучшую сторону.

Чистота зала, блеск надраенных кастрюль, белоснежные фартуки и накрахмаленные

чепцы поваров, раздатчиц и работниц зала рождали желание возвращаться сюда вновь и вновь. А как отведаешь пельмени, это желание появлялось вдвойне.

Оказалось, что у мужа это тоже излюбленное место. Он частенько сюда наведывался до женитьбы. Поэтому, отправляясь на рынок, мы почти всегда посещали любимую пельменную перед тем, как начать

делать закупки.

В меню были не только пельмени, но и блинчики с мясом и творогом, оладьи с изюмом. Тогда, в 70-х годах, я именно там впервые попробовала невероятно вкусные блинчики с мясом. Они были не похожи на те, что я ела до этого времени. Любопытствовала – развернула и внимательно рассмотрела: оказывается, к мясу добавлены отварные шинкованные яйца. Не поверите, с тех пор и по сегодня делаю блинчики именно так, и мои домочадцы их с удовольствием уплетают.

Давным-давно закрыта пельменная, вместо пельменей в этом здании долгое время продавали шторы, сейчас там находится аптека, но память о «кормилице» жива.

Алевтина КОНОВАЛОВА,
руководитель объединения ветеранов,
старожилов и хранителей истории «Истоки»

КУЛИНАРИЯ НА СОВЕТОВ, 40

Жаркий май, Новороссийск, 70-е годы. На улице Советов, когда-то звавшейся Серебряковской, распустились каштаны, и мягкое утреннее солнце золотит пышные свечи. В пять утра прохожих на улицах еще мало, и непуганные голуби расхаживают возле остановки, склевывая с цветной плитки рассыпанные кем-то семечки. Над крышами заливаются смехом чайки. Подъезжает новенький сверкающий троллейбус: всего четыре года как в городе протянули первые провода, но сеть уже соединила все районы Новороссийска. Потревоженные, голуби разлетаются в стороны, и на остановку выходят люди – часть из них спустится в сквер, пройдет по Площади героев к морю, где у причала уже покачивается на волнах рабочий катерок, он отвезет рабочих на другую сторону бухты, к недремлющим докам судоремонтного завода и никогда не останавливающимся печам цементных заводов. Но часть пассажиров троллейбуса не свернет в сквер, они обойдут вытянувшееся вдоль улицы здание – бело-розовое, с лепниной и колоннами, и зайдут в него со служебного входа. Эти люди – работники новороссийской кулинарии, и впереди у них долгий день, который закончится лишь в девять вечера.

Торговый зал еще закрыт; сквозь высокие арки окон солнечный свет касается пустых витрин – пока работа кипит лишь за дверями кухни, и по улице уже ползет вкрадчивый, уютный аромат свежей выпечки. Со служебного входа подъезжают фургоны. Продукты в кулинарию привозят со всех концов Новороссийска – и даже из пригорода; у соседней – только нужно пройти через сквер – столовой № 7 есть собственный свинооткормочный цех за перевалом Волчьих ворот, в поселке Убых. Постепенно витрины заполняются. Кулинария разделена на пять отделов: готовые продукты, мясные полуфабрикаты, тесто, кондитерский отдел и отдельный уголок с выпечкой. За соседней дверью располагался кафетерий, в котором совсем скоро запахнет свежесваренным кофе и куда потянутся в обед учащиеся соседнего техникума.

Время приближается к восьми утра: скоро открытие, и все четырнадцать работников кулинарии – продавщицы, кассир и повара, уже на своих местах. За прилавком мясного отдела стоит высокая, красивая молодая женщина в белоснежной форменной куртке и накрахмаленном, таком же белоснежном, марлевым колпаке. Светлые волосы, аккуратно подведенные глаза и накрашенные губы. Её зовут Людмила, и она – обладательница самой ясной улыбки во всём Новороссийске.

Через открытые двери заходят первые посетители. Многие устремляются сразу к отделу с пирожками: только-только снятые с противней, еще горячие, большие – с ладонь, на прилавке они не залеживаются. Быстрее всего новороссийцы разбирают слоёные пирожки с мясом. Кажется, их любит весь город – и готов выстраиваться за ними в очередь. И вот кто-то просит завернуть ему пирожки с творогом и со смехом говорит: «Аж с той стороны приехали за ними, так их любим».

Кулинарию на Советов, 40, действительно, знает и любит весь Новороссийск – долгое время она остается единственной в городе, пока в только что отстроенном и активно заселяющемся 7-м микрорайоне не открывается вторая кулинария, а следом – еще одна, на соседней с Советов улице Коммунистической. Но центральную кулинарию все равно любят: очереди здесь в любой день.

На часах десять утра. У витрины мясного отдела стоит пожилая, почти старая, женщина в черном платке и считает с отчаянным упорством копейки в старом кошельке. «Не надо», – улыбается ей Людмила. А потом заворачивает пару кусочков печенки, немного отварного говяжьего вымени, пару бульонных костей, берет в соседних отделах свежий вине-

грет и пару пирожков и отдает покупательнице, не взяв с нее ни копейки. А потом сама, из своего кармана, отдает в кассу стоимость отданных продуктов.

– Ну ты, Людка, и собес, – смеются её коллеги. – Ты хоть считаешь, сколько тратишь на них денег?

Людмила смеется в ответ:

– Я доброту деньгами не считаю, мне жалко её – их всех жалко... – у неё мягкий теплый говор родившейся и выросшей в солнечных степях херсонщины украинки.

– Весь мир не ужалеешь, Людка!

– Ну, весь не весь, конечно, но сегодня одной, завтра – другой, послезавтра третьей помогу, и это уже хорошо.

Продавщицы посмеиваются, но по-доброму – Людмилу любят все и знают – она никогда не обманет и вернет стоимость до последней копейки. А сама Людмила смотрит вслед старухе и вздыхает: она знает всех своих стареньких покупательниц по именам, и сейчас из кулинарии уходит баба

Мотя. Когда-то она жила в старом разваливающемся бараке через две улицы от кулинарии, но затем получила квартиру в 3-м микрорайоне – и все равно продолжает ездить в

центр. В центр – и на Малую Землю, где высится мемориал и памятная стела, и где оставил свою жизнь единственный сын бабы Моти, а муж погиб на войне еще раньше. На последние деньги она купит цветы – и оставит их у подножия мемориала и будет долго плакать, касаясь дрожащей рукой серых плит.

На фото Людмила в клетчатом платке

«Как я могу их не жалеть?», – пожимает плечами Людмила и поворачивается с улыбкой к следующему покупателю: их много, и этот людской поток заполняет зал кулинарии.

Бифштексы и отбивные, азу и бефстроганов, грудинка и рагу, рулеты с мясом и яйцом, копченая и жареная рыба, отварной рис, тушеная капуста, винегрет и оливье – кто-то покупает продукты домой, кто-то – обычно это работники соседних магазинов и учащиеся техникума – уходят в кафетерий. Там тоже шумно, всюду стоят растения в горшках, пахнет кофе и пирожками, и можно пообедать, встав за высоким столиком. Сквозь всегда чистые окна видна улица Советов, заполненная прохожими.

Час дня. Кулинария закрывается на обеденный перерыв. Наскоро перекусив, продавщицы, все пятеро, устраиваются в подсобном закутке и поют – они так часто делают, отдыхая от утомительной работы. Двери на кухню распахиваются, показываются покрасневшие от жара печей поварахи и просят спеть еще. А со второго этажа, где расположены административная часть и бухгалтерия, спускается улыбающийся мужчина в костюме – Григорий Николаевич Дмитраков. Завпроизводством, заслуженный повар РСФСР, он любит свое дело и своих работников. Мастер на все руки, именно он – душа и сердце кулинарии.

– Ну, девчата, ну молодцы! Всем по бутылке шампанского подарю на Новый год – только спойте мне еще что-нибудь.

Все снова смеются – смех часто слышен в кулинарии – здесь все дружны, и это помогает справляться с тяжелой работой.

На часах два. Снова открыты двери, вновь люди заполняют торговый зал. Не переставая, звякает кассовый аппарат в застекленной будке кассира – еще недавно Людмила работала именно там, но её, хорошенькую, вежливую и улыбчивую, быстро перевели на работу за прилавок. Через пару лет она перейдет на работу в кафетерий, где будет также очаровывать людей своей вежливостью и творить маленькие чудеса: особенным, секретным способом складывать из бумаги корзиночки для пирожных – и постоянные покупатели будут ахать: «Даже самые хрупкие не помялись по пути домой».

Потом Людмилу направят в соседнюю кулинарию на Коммунистической улице. Пройдет еще некоторое время, и у старшей дочери Людмилы родится ребенок – и времени на работу у неё, уже теперь бабушки, не останется. Провожать ее будут со слезами. Ну а пока она взвешивает свежий фарш – и покупатель знает: эта улыбчивая продавщица никогда не обманет ни на грамм.

На втором этаже, в секретарской, звонит телефон. Приятный мужской голос сквозь помехи просит позвать его жену.

– А какая твоя жена-то?

– Самая красивая! – слышен смех на том конце провода, и все знают – нужно позвать Людмилу, чтобы та пару минут смогла поговорить со своим мужем, капитаном дальнего плавания.

Ближе к вечеру большим вниманием в кулинарии начинает пользоваться кондитерский отдел – пирожные и торты уезжают во все концы города, но самые счастливые покупатели – те, кто уносит с собой торт «Таллин».

Его здесь делают по особому рецепту, который привез из Риги главный кондитер, Алексей Такашвили. Натуральный шоколад, пропитка, прослойка из безе – тот самый, настоящий таллинский торт на жарком юге. Потом рецептуру упростят – когда пропадет с полка хороший шоколад, и «Таллин» перестанет выглядеть так роскошно, но его все равно будут любить и покупать.

На фото Людмила с супругом и двумя дочерьми при получении квартиры, конец 60-х (68-69 год)

Девять вечера. Уже час, как закрылась кулинария, но работа внутри не прекращается – повара делают заготовки на следующий день, бригады разбираются с накладными, продавцы подбивают кассу, намывает полы уборщица.

Настанет завтра – и снова будут и покупатели, и громкоголосые учащиеся техникума в кафетерии, и повезут в фургонах пирожные и выпечку в горисполком и на предприятия. Снова будут сиять под электрическим светом ламп вываренные до белизны и хрустящие от крахмала, с капелькой синьки, чепцы, колпаки и наколки, и опытные руки будут взвешивать винегрет и жареного окуня, рагу и сдобные пироги с повидлом, будет звенеть кассовый аппарат, и будет дымиться в граненых стаканах горячий кофе на молоке. Будет бесконечный поток покупателей, будут смех и улыбки. В каждом городе есть сердце – и наверняка не одно, и больше двадцати лет в Новороссийске одним из сердец была кулинария на улице Советов, 40.

Прошли десятки лет с того времени; нет и кулинарии – теперь на её месте магазины; и выросли поколения, даже не знающие, что было когда-то на первом этаже одного из самых приметных исторических зданий в Новороссийске. Ушли из жизни почти все, кто стоял на кухне и за прилавками; и только улыбка Людмилы – теперь она уже не бабушка, а прабабушка, остается все такой же светлой и ясной.

(Записано по воспоминаниям бабушки – героини материала – ред.)

Священная память

ДОМ НА БАЛКЕ

Историю о судьбе одного частного дома в Восточном районе мне рассказал мой сосед, хозяин этого самого дома. А сам он, в свою очередь, об этом узнал от предыдущих жильцов. Так вот. Было это лет двадцать назад, пригласил меня сосед в гости на день рождения. Точно не помню, но было ему тогда лет 60 или около того. Хорошая компания, сидим, произносим тосты, угощаемся. Ну, как водится, в какой-то момент мы из-за стола отходим покурить в сторонку. Беседуем о погоде, о саде-огороде и прочих житейских вещах. И тут сосед мне и говорит:

– Знаешь, в доме та, задняя стена, является для меня священной. Иногда смотрю на неё, и слёзы текут. Надо бы выровнять её, да оштукатурить, но рука не поднимается...

А я и не пойму, о чём это он. Говорю, мол, почему священная стена, что в ней такого, необычного? Вроде бы стена как стена. И тут он рассказал мне эту историю, которую я и постараюсь поведать вам.

– Когда в 1942 году немцы захватили почти весь город, местных жителей осталось очень мало. Кто-то успел эвакуироваться, кто был помоложе – тех насильно отправили в Германию, много людей просто вывезли за город и расстреляли. Ну и, конечно, много людей погибло во время ежедневных бомбёжек, прямо на улицах, да и в собственных домах. Так вот, здесь, на районе, осталось всего полтора-два десятка пожилых человек, стариков и бабушек, которые пережили оккупацию. Практически все дома были разрушены, а мой дом каким-то чудом уцелел, и что самое главное, уцелела печка. Днём все расходились по району, искали хоть какую-нибудь еду, воду, собирали дрова, прятались от бомбёжек и обстрелов. Убитых хоронили прямо во дворах, в воронках. А вечером все уцелевшие собирались в этом самом доме, топили печь, готовили еду. Неоднократно рядом с домом падали бомбы, но дом упорно продолжал стоять. И вот одна бомба взорвалась совсем рядом, и от взрыва полностью вылетела та самая задняя стена, но дом и тут устоял. Обессиленные, замёрзшие люди собрали камни, замесили глину и сложили стену как могли. Так вот, та самая стена и стоит в доме до сих пор. Прежние хозяева её не тронули, и у меня вот рука не поднимается. Так-то...

После этого рассказа я стал смотреть на этот дом совсем по-другому. Но меня поразила не просто эта стена, сколько сама история о людях, которые выжили в таких страшных условиях. Как известно, до войны в Новороссийске проживало около ста тысяч человек. После освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, по разным данным, пережили оккупацию от пятисот до тысячи двухсот человек. Я думаю, это благодаря району Шесхарис, который остался не занятым немцами, и где уцелело какое-то количество местных жителей. Ну и, конечно, этому маленькому дому на Балке, который спас полтора-два десятка человек...

Этот домик стоит на своём месте, и по сей день несёт свою гордую вахту. Правда, живут там уже другие люди, поэтому адрес не указываю. Всё-таки частная собственность. Хотя, мне кажется, такой дом заслуживает мемориальной таблички, как минимум.

Александр ФОМИЧЕВ,
объединение «Истоки»

Мемориальная доска на доме, где жила
Алла Ивановна Шиловская, зам. председателя Горисполкома
по строительству с 1968 года и директор
проектного института с 1975 года.

Автор графики
Анатолий КАРАВАЕВ

АПТЕКАРИ И ПРОВИЗОРЫ НОВОРОССИЙСКА НАЧАЛА XX ВЕКА

В справочнике «Правительственные, общественные и другие учреждения в Новороссийске в 1894 г.» мы встречаем имя Василий Ильченко – известный новороссийский провизор, многолетний с 1895 г. гласный Городской думы.

Василий Власьевич Ильченко – для старого Новороссийска фигура, можно сказать, градообразующая. Получив диплом провизора в год восстановления Новороссийска (1866), Ильченко приехал в столицу Черноморского округа и прожил здесь по меньшей мере полвека подряд. Для города мигрантов это очень много! К тому же провизор Ильченко не просто копил новороссийское небо: он сначала прослужил 15 лет фармацевтом управления Черноморского округа, а затем, выйдя в отставку, открыл первую в городе нормальную* аптеку, еще более десятилетия остававшуюся единственной!

**Преобладающим типом аптек в России в начале XX века были так называемые нормальные аптеки – это частные учреждения, которые открывались в городах с учетом введенных уже упоминавшимся Циркуляром норм. В них определялось, какое количество жителей должно приходиться на одно учреждение, сколько рецептов в год оно может отпускать и каков должен быть денежный оборот. Интересно, что для сельских аптек никаких ограничений не было, единственное условие – расстояние между ними не должно быть менее 15 верст. К началу XX века его сократили до 7 верст. – ред.*

Аптеки эти назывались «вольными», а если более точно – «с вольным отпуском лекарств» населению (в отличие от больничных, ведомственных и других казенных аптек).

Новороссийск в силу множества причин был городишкой для людей тогда моровым. И нередко вместе с врачом управления Черноморского округа М.Ф. Пенчулом (напомним, что именно он станет первым Городским Головой), переведенным в 1867 г. в Новороссийск из больницы при Екатеринодарских богадельне и остроге, они вместе целыми днями с порошками и склянками в кармане обходили длинный ряд лодок с высадившимися одолеваемыми цингой и лихорадкой азиатскими поселенцами. Они по очереди кормили их то порошками, то касторовым маслом из ведра, которое носил прислуживающий им солдат, а вместо обеда – отварная кефалька у единственного тогда торговца Гуськова...»

Пенчул был лет на десять старше Ильченко, но провизор был человек не по возрасту серьезный... Василий Власьевич с конца 1860-х до 1882 г. поднялся на лестнице чинов до надворного советника. Накопленные сбережения и репутация человека положительного гарантировали провизору беспроblemное получение разрешения на открытие аптеки (это получалось далеко не у каждого). Дело в том, что тогда нормальная аптека была не лавкой по продаже готовых медикаментов, завезенных с оптового склада, а производственным предприятием, самостоятельно изготавливающим лекарства и проверяющим их качество. Кстати, аптечная лаборатория обязана была проводить по распоряжению городских властей также анализы пищевых продуктов из торговой сети, судебно-медицинские экспертизы и прочее. К концу XIX в. в аптеке Ильченко служили один провизор, 1-2 аптекарских помощника (постарому – гезеля) и один аптекарский ученик. Кроме того, эта аптека имела отделение (фи-

лиал), которым управляли в разные годы аптекарские помощники Яков-Моисей Лазаревич Франкфурт и Леон Андржеевский.

После революции 1905 г. Василий Власьевич Ильченко по каким-то причинам ушел от владения аптекой (продал лицензию?), но продолжал управлять ею. В 1908–1910 гг. аптекой (бывш. Ильченко) владела жена коллежского советника Анна Ильинична Давидович, в 1912–1914 гг. – капитан И.Г. Пята (Иван Гурьевич?). Ну а находилась аптека, по инерции называемая аптекой Ильченко, в известном каждому новоросийцу историческом памятнике архитектуры – здании на улице Вельяминовской (Революции 1905 г.), которое перешло по наследству НКВД – Новоросийскому кожно-венерологическому диспансеру.

В справочнике Доброхотова на 1914 г., читаем, что аптекой на ул. Дмитревской (ныне Энгельса – ред.), 39-10, владел провизор **А.К. Якунин**.

Фармація в те времена, как выясняется, была весьма взрывоопасная, о чем, к примеру, в 1900 г. сообщает профессиональный столичный еженедельник.

1703. Въ Новоросійскѣ въ аптеку д-ра *Свѣтлинскаго*, арендуемой провизоромъ Турчинскимъ, произошелъ взрывъ, причинившій одной женщинѣ столь сильныя ожоги, что она находится въ безнадежномъ состояніи. Разслѣдованіе выяснило, что *складъ* аптеки, въ которомъ были разныя взрывчатыя вещества, имѣлъ общій ходъ съ погребомъ для храненія пищевыхъ припасовъ! Служанка аптекаря, отправившись въ погребъ со свѣчей, сдѣлалась жертвой непростительнаго отношенія къ дѣлу владѣльца и арендатора аптеки («Россія», 6 сентября).

Взорвались, скорее всего, пары эфира или другого растворителя: динамит и пироксилин аптеке не полагались. Характерно, что управляющий той аптекой провизор Осип (Иосиф) Петрович Турчинский не понес серьезного наказания и продолжал заниматься в Новоросийске фармацевтическим бизнесом до самой революции 1917 г.

Вторая нормальная аптека появилась в Новоросийске более чем через десять лет после первой – в середине 1890-х гг. Владел ею врач **Станислав Львович Светлинский** (род. в 1859 г., лекарь с 1888 г.), который вольнопрактиковал в городе, проживая в доме Кириакова (Кириаковой) на ул. Николаевской (ныне либо пр. Скобликова, либо ул. Рубина – ред.). Кстати, владельцем мог являться кто угодно – лишь бы были деньги на покупку разрешения, открытие и содержание предприятия, но управлять аптекой разрешалось только лицу с дипломом фармацевта. Получение разрешения на открытие в городе новой аптеки зависело от роста его населения; для губернских городов была установлена норма – одна нормальная аптека на 10 тысяч постоянных жителей. Получивший разрешение был обязан открыть полностью оснащенную аптеку (и сдать ее комиссии) в течение года, иначе разрешение аннулировалось. Поскольку по действующему законодательству нормальная аптека была довольно серьезным предприятием, первоначальные капиталовложения в нее нередко составляли десятки тысяч рублей. Аптекой Светлинского управлял опытный провизор (получил диплом в 1876 г.) **Иосиф (Осип) Петрович Турчинский**, который со временем стал ее владельцем.

К началу Первой Мировой войны аптека Турчинского размещалась на ул. Серебряковской (ныне Советов – ред.), в доме Морозова (гостинице?). Число работавших в ней (сверх самого провизора) аптекарских помощников и учеников постепенно росло, достигая иногда шести человек. По нормам, нагрузка на одного работающего должна была составлять не менее 4 000 и не более 6 000 рецептов в год; отсюда можно заключить, что оборот аптеки доходил до 30–40 тыс. рецептов, и она временами была первой в городе по этому показателю. Но И.П. Турчинский этим не ограничивался, он держал аптеку и в Геленджике.

Третья нормальная аптека в Новоросийске заработала в начале XX столетия. Ее владельцем числился врач **Соломон Абрамович Немировский**, а управляющим – провизор

Аркадий (по другим данным – Арон, Аарон) **Абрамович Немировский**. Скорее всего, Немировские, имевшие общее отчество, были-таки братьями, несмотря на разницу в возрасте: Соломон Абрамович родился в 1857 г., диплом лекаря получил в 1883 г. А Аркадий Абрамович получил диплом провизора на двадцать лет позже – в 1903 г., когда Соломон был уже состоявшимся человеком. Возможно, тогда и было решено вложить свободные средства в открытие аптеки во второй части Новороссийска, где фармацевтическая торговля пока не была развита. Однако по каким-то причинам дела у Арика Немировского пошли неважно, и вскоре он, оставаясь в Новороссийске, перешел из разряда управляющих аптекой в служащие провизоры. Аптеку же на Стандарте перекупил опытный провизор **Гилель (Григорий) Эльяшевич Сыркин-Шкловский**, получивший диплом еще в 1889 г. Он и владел ею до самой революции 1917 г.

К сожалению, в справочниках указана лишь улица Вокзальная (ныне Элеваторная), где располагалась аптека Сыркина-Шкловского, а номер дома нет. На этот счет можно высказать гипотезу – если вспомнить, что при национализации здания частных аптек обычно передавались фармотделам горздравотделов, и что в городах бывшего СССР и сегодня есть немало работающих аптек, ведущих свою родословную с XIX в. Так и в Новороссийске в старинном двухэтажном доме с номером Элеваторная, 13 (на самом углу с ул. Пушкинской), много лет работала аптека № 50 («Будь здоров»).

Годы Первой мировой войны, как ни удивительно, ознаменовались ростом числа нормальных аптек в Новороссийске: за короткий срок оно увеличилось вдвое. Уже в 1914 г. в

дополнение к трем ранее существовавшим в городе добавились две новые аптеки – провизоров **Абрама Израилевича Кормана** и **Александра Константиновича Якунина**. Первая из

них располагалась под адресом ул. Серебряковская, 48, и торговала, по всей видимости, бойко: опытный провизор Корман (получил диплом в 1902 г.) держал сначала двух, а позже и трех аптекарских помощников. (В доме на ул. Советов с этим номером позже находилась автотшкола ДОСААФ. (На следующем углу этой стороны улицы, после пересечения ул. Грибоедова, в 1929–1937 гг. помещалась греческая школа № 6, позже – городская детская библиотека. До революции – дом аптекаря Якунина А.П.) Но мы уже видели, что отчество у Якунина было другое. – авт.))

Война шла третий год, цены на лекарства (как и на все остальное) росли со страшной силой, а многие популярные препараты, ранее ввозившиеся из Германии (своей фармацевтической промышленности в России почти не было), теперь стали недоступными на нашем рынке. Вопреки этому аптеки в городе не закрывались, но, напротив, открывались (кому война, а кому мать родна...). В 1916 г. к списку новороссийских аптек добавилась шестая, открытая молодым провизором (диплом с 1911 г.) Эгоном Германовичем Дильбеком.

V. Внутреннее устройство аптекъ.

Уст. врач. 361. Каждая аптека должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы какъ для храненія матеріаловъ, такъ и для приготовленія и отпуска медикаментовъ находились въ ней особыя отдѣленія. Посему при аптекахъ надлежитъ имѣть: 1) комнату рецептурную; 2) другую матеріальную, расположенную такъ, чтобы ни сырость, ни излишняя теплота не могли измѣнять качества хранящихся въ ней матеріаловъ и медикаментовъ; 3) кокторію и лабораторію, которыя впрочемъ могутъ быть помѣщаемы и вмѣстѣ; 4) сухой подвалъ; 5) ледникъ, и 6) сушильню для врачебныхъ растений и приличное сухое мѣсто для храненія травъ, цвѣтовъ, корокъ, корней и т. п.

394. Аптекарямъ дозволяется употреблять на вывѣскахъ аптекъ своихъ государственный гербъ по особымъ правиламъ.

362. Аптека должна быть снабжена: 1) достаточнымъ количествомъ свѣжихъ и надлежащей доброты медикаментовъ и матеріаловъ; причемъ со держатели аптекъ обязаны стараться имѣть въ запасѣ и такіе матеріалы, кои хотя въ такѣ не означены, но прописываются иногда по превосходному ихъ качеству, и, на основаніи дѣйствующаго постановленія, могутъ имѣть для отпуска, по требованіямъ врачей, и гомеопатическія лѣкарства; 2) потребною для храненія и отпуска медикаментовъ разною посудю; 3) аптекарскими всякаго рода вѣсами, инструментами и приборами для составленія лѣкарствъ и для производства фармацевтическихъ и нѣкоторыхъ главнѣйшихъ химическихъ операций; 4) аптекарскимъ уставомъ, такою лѣкарствъ, спискомъ врачей, имѣющихъ право производить врачебную практику, російскою, російско-военною и берлинскою фармакопеями и нѣкоторыми лучшими сочиненіями по части фармаціи и химіи; 5) шнуrowыми книгами: а) для ежедневной записи отпуска лѣкарствъ по рецептамъ; б) для записи ручной продажи, т. е. лѣкарствъ, не отмѣченныхъ въ аптекарской такѣ знакомъ—и отпускаемыхъ по требованію частныхъ лицъ, и в) для внесенія отпуска ядовитыхъ веществъ, и, наконецъ, 6) собраніемъ сушеныхъ лѣкарственныхъ растений, дико растущихъ въ Россіи (*Herbarium siccum pharmaceuticum*).

Константин РУСАНОВ,
краевед, г. Харьков

От редакции: Константина Викторовича Русанова не стало в 2019 году. Нам представляется необходимым познакомить читателей с исследованиями, которые написал К.В. Русанов, используя документы, хранящиеся в архиве г. Харькова. Его сердце, несмотря на то что последние годы он жил там, всегда принадлежало Новороссийску

К 85-летию знатного новоросийца

ВСЯ ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ

Немногим меньше десяти лет назад среди номинантов конкурса «Лучшие имена немцев России в области спорта им. Рудольфа Пфлюгфельдера» был назван Виктор МАХТ.

Виктор Махт (1938 г.р., Новороссийск) – мастер спорта по греко-римской борьбе, Заслуженный тренер России по греко-римской борьбе. Родился в Баку в семье Петра Ивановича Махта, немца по национальности, и армянки Варвары Сергеевны Каспаровой, которые были репрессированы и сосланы в Сибирь.

Во время учебы в Бакинском ремесленном училище Виктор Петрович посещал секцию борьбы Всесоюзного ДСО «Трудовые резервы», неоднократно становился чемпионом Азербайджана по греко-римской и вольной борьбе. В 1956 году в Риге был признан лучшим техническим борцом Советского Союза, получив награду из рук председателя Совета министров Латвии Вилиса Лациса – главы правительства республики.

В.П. Махт входил в состав сборной СССР, является пятикратным чемпионом СССР спортивного общества «Трудовые резервы». На международных соревнованиях в Тегеране был признан лучшим борцом, спортсмена лично награждал шах Ирана – Реза Пехлеви.

В 1957 году был приглашен в состав сборной команды Ленинграда и учился в педагогическом институте им. Герцена на спортивном факультете. 11 лет спустя, в 1968 году, прибыл в Новороссийск, где работал в краевой школе высшего спортивного мастерства, филиал которого был открыт в Новороссийске специально под него. За подготовку спортсменов высокого класса, входивших в состав сборной СССР и России, неоднократно награждался почетными грамотами страны. С 2007 года детско-юношеский клуб физической подготовки «Виктория» имеет статус специализированной детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва.

Еще некоторое время назад мы не были знакомы с Махтом. Теперь в это не верится. Не знать Махта – нельзя. Он входит в редакцию и заполняет собой все. Быстрый грассирующий говорок, смех, напористость, оптимизм и в случае возмущения чем или кем-нибудь – самое страшное ругательство: «Негодяй!».

Внешне он одновременно похож на Луи де Фюнеса, Ролана Быкова и Наполеона. И ростом (165 сантиметров) тоже.

В свои и 60, и 70, и позднее он ежеутренне «для разгона» отжимался 100 раз, что не всякому чемпиону под силу.

Если он определяет человека как друга, то на всю жизнь. Если что-то не принимает, то декларирует это везде, невзирая на лица. Всей своей жизнью он имеет на это право.

Махт – Каспаров

В Российской империи, а затем в Советском Союзе «чистую кровь» могли иметь, пожалуй, только ортодоксы. Смеси из национальностей порой давали весьма гремячую смесь.

В детстве Витя носил громкую фамилию Каспаров. Родственники по матери были весьма влиятельными и богатыми людьми в Баку. Замужество за немцем они ей не простили никогда.

...Приехали за ними ночью, вещей собрать не дали, погрузили и вывезли в Северный Казахстан.

Холод, голод, неустроенность, болезни, отчаяние, беспросветность – немец в военные годы, даже если он русский – враг. Подорванное здоровье – мама начала резко слепнуть. Написали письмо Сталину с просьбой разрешить вернуться. Отпустили маму и маленького Витю. Они вернулись в Баку вдвоем. В ту же подвальную, сырую разграбленную клетушку. Родственники их не заметили. Маленький, тощий, хлипкий Витя Каспаров долго был предметом насмешек, а то и поколачиваний соседских мальчишек.

Сколько путей рисовалось у пацана? Будучи везде изгоем, везде «фашистом», везде человеком третьего сорта? Легче всего было вывернуться на жизнь и людей. Можно было прилудиться к какой-нибудь шайке, в послевоенные годы недостатка в них не было. Щуплого мальчонку легко было сделать форточником.

А он начал заниматься футболом, баскетболом (!) и таскать завернутую в тряпицу 16-киллограммовую гиру. В самом было тогда 48 кг весу.

ФЗО (фабрично-заводское обучение) – гордость советской образовательной системы, прямой путь в рабочий класс. Позже его переименовали профессионально-техническим, а

ныне это завуалировано и стыдно-подхалимски называется – колледж. «Фабзаец» Витя стал ходить в «черный город», на другой край Баку, постигать премудрости работы слесаря промышленного оборудования. И уже тогда записался в секцию классической борьбы. Мама тихонько плакала, прикладывая к синякам медяшки, но не запрещала, знала, что, если сыночка что решит – не сдвинешь. Он не сдержал слово только в одном. Не стал мстить своим детским обидчикам, хотя в спорт-то пошел с мыслью «я с вами со всеми рассчитаюсь...».

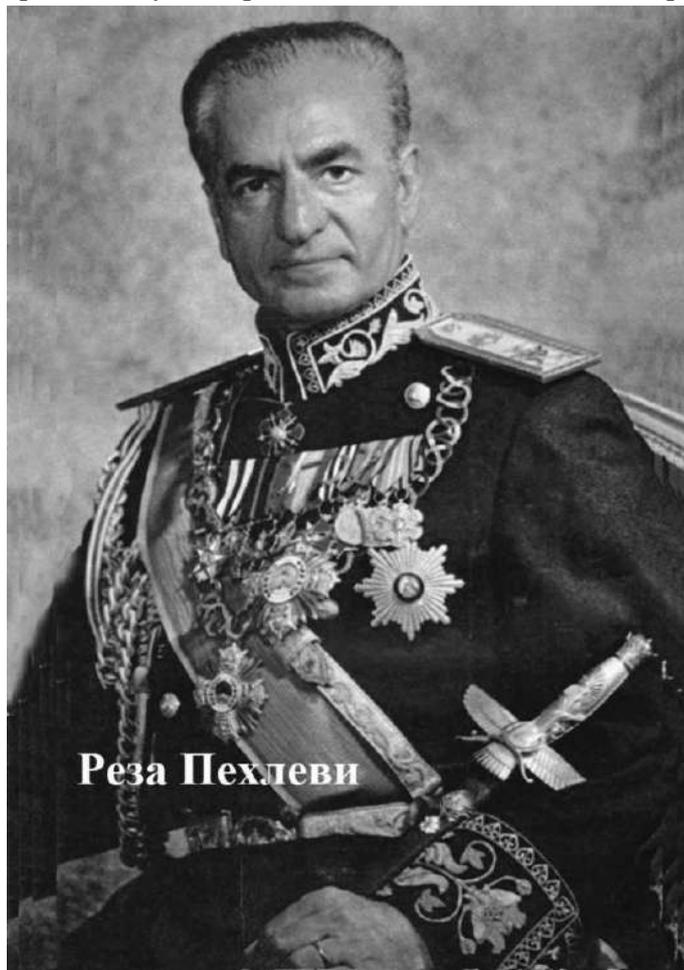
Шах и Махт

Через год он однажды заснул знаменитым. Чемпионом Азербайджана. Затем чемпионат Союза, где он тоже на пьедестале. Слава его в Баку становится непомерной. А он, получая паспорт, отказывается от звучной фамилии Каспаров и берет фамилию отца – Махт. Подозревать 16-летнего мальчишку в желании эпатировать нет оснований. Да и 1955 год – еще не время для проявления гражданской позиции. Но согласитесь, это был поступок.

Знатоки понимают, что между классической и вольной борьбой существует большая разница. Виктор осваивает вольную и в этом же году побеждает в Минске. Более того, получает приз «за высокую технику борьбы». А в подарок – патефон и 10 пластинок. Много лет потом по вечерам в небольшом бакинском дворике звучала музыка.

Еще год спустя он приезжает на спартакиаду в Ригу. До последнего дня никто из соперников не знает, в какой весовой категории (50 или 54 килограмма) он будет выступать. Спортсмены нервничают, но уже понимают, что у них остается шанс бороться только за второе место.

Во второй схватке Виктору ломают ребро. Вы пробовали хотя бы ходить или поворачиваться в кровати со сломанным ребром? Он выигрывает – вчистую. Что заставило его провести остальные схватки? Азарт? Спортивная злость? Упертость? Тренер ему предлагал сойти с дистанции. А Виктор вспомнил одного из своих кумиров, чемпиона XV Олимпийских игр Якова Пункина. Выйдя из концлагеря в Бухенвальде, Яков весил всего 32 килограмма. А уже через семь лет в Хельсинки выиграл Олимпиаду.

Реза Пехлеви

И Махт вышел на ковер. Все 12 боев он выиграл. И все «чисто». Вот тогда-то он и получил всесоюзную кличку «маленький танк». И получил, кроме медалей, награду «за высокую технику и благородство». Поздравлял его на приеме во дворце наций на тот момент председатель правительства Латвии знаменитый писатель Вилис Лацис.

Врученный тогда радиоприемник «Даугава» (по тем временам – лучший в Союзе) долгие годы сопровождал Махта в поездках. От приглашения жить в Риге и выступать за Латвию Виктор Петрович отказался.

Вообще тот год был самым урожайным на победы. В 17 лет он стал чемпионом страны. Виктор Петрович становится любимцем Баку, Азербайджана, Союза. На всех соревнованиях он непобедим.

Двумя годами позже он уезжает в Ленинград. Тренируется, выступает. Но сырой климат напомнил о подорванном в ссылке здоровье. Махт возвращается в Баку, долго лечится. А на жизнь зарабатывает грузчиком на «Азтрикотаже». Сам весом в 54 килограмма таскает полуцентнеровые мешки. И за 25 рублей в месяц поливает спортплощадки – он единственный кормилец в семье. Но к всемирному фестивалю в Москве спортсмен в форме. И вновь победа!

1958 год – знаменитый турнир всех борцов мира в Тегеране. Иран испокон веку считался меккой борьбы. На всех встречах в ложе сидел шах Реза Пехлеви. В соревнованиях принимали участие чемпионы мира, олимпиад... И мало кому известный там, чемпион всего лишь советской страны – Виктор Махт. И шах, и его супруга Фарах – самая красивая женщина мира – были покорены «русским». Виктора приглашают во дворец.

Ах, как засуетились руководители команды. Купили костюм, срочно приняли в комсомол...

Общался Виктор с царственной четой на фарси (аналог азербайджанского языка). Шах Реза Пехлеви предложил миллион (!) долларов – «выступай за нас, дарю еще и дворец, будешь на века национальным героем, объявляю тебя личным другом!..»

...Махт вернулся в свою убогую бакинскую лачугу. Правда, привез персональный подарок шаха – саблю, усыпанную бриллиантами, рубинами и изумрудами. (Когда квартиру Махта ограбили, пропала и эта уникальная сабля).

Говорят, у шаха на инкрустированном столике еще долгие годы стояла фотография русского мальчика с восточными глазами.

Махт: спортсмен – не значит организатор?

Он возвращается в Ленинград, учится в техникуме. Одновременно тренирует команды лесотехнической академии, высшего инженерно-морского училища, УВД города, сборную Ленинграда. Он никогда не спрашивал, сколько заплатят за работу. Он передавал свои знания, учил благородству своего любимого вида спорта. И все вокруг изумлялись его результатам. А он убеждал, что нет бездарных людей. А человек без спорта – это приложение к дивану, к книжкам.

Сам же выступал все реже. Хотя все еще был непобедим и неповторим: «пропал кураж».

У спортсмена, резко взлетавшего в молодые годы и уходящего из большого спорта чуть старше 20, вывернутая наизнанку биография. Пик славы прошел. Для многих – это момент морального старения. Вся жизнь потом зачастую проходит в воспоминаниях. Стремиться вроде бы уже и не к чему. Тысячи загубленных биографий...

Махт выбрал для себя другую жизнь. И не одна сотня нынешних докторов наук именно благодаря ему и сегодня имеет хорошее здоровье. Не одна тысяча тогдашних мальчишек получила понятие о благородстве, спортивной и мужской чести, уважении к своему, подаренному богом, телу. Своим ученикам он демонстрировал на кольцах уникальный «крест», за что за глаза его звали «маленький Азарян». Виктор Петрович не на словах, а на деле доказывал, что «в здоровом теле – здоровый дух». Его вновь начали приглашать всюду, но теперь уже как замечательного педагога и выдающегося тренера.

После того как он был председателем жюри на фестивале скандинавских стран в Таллине, ему вновь поступают предложения о работе. Однако в связи с болезнью сына он принимает решение переехать на жительство в Новороссийск – город «нулевой» в смысле развития как классической, так и вольной борьбы. Здесь все нужно было начинать сначала. По первости в городе не было не только приличного спортзала, не было даже гимнастических матов, борцовских ковров для тренировок. А уже через год Махт отправляет новороссийскую команду в Краснодар, где она становится краевой победительницей. Еще через полгода на чемпионате юга России в Ростове они вновь – лидеры.

Но ведь вырастить чемпионов – это еще не самое главное в жизни тренера. Виктор Петрович на своем опыте знал, что спортсмен, выходя в тираж, может выйти в тираж и в глобальном, и в жизненном смысле. Махт понимал, что должен взять ответственность за ребят тоже на свои плечи. Для решения всех этих проблем необходимо открыть свою школу, создать преемственность.

Лучшим способом заявить о своих устремлениях и взглядах всегда было – стать известным, стать необходимым. И Махт начинает в Новороссийске в 1972 году турнир имени Цезаря Куникова. В этой идее его поддерживает и ближайший друг Цезаря Львовича адмирал Холостяков. Турнир получает статус спартакиады Кубани, а затем и юга России.

Еще десять лет спустя, когда все соревнования в стране прикрываются, Виктор Петрович выдвигает еще одну идею – проводить регулярно соревнования на приз дважды героя Советского Союза Савицкого. С этим он и приезжает в Москву. Поначалу встретил сопротивление – «...ведь Савицкий еще живой!» а он убедил и самого Савицкого, и всех столичных чиновников от спорта.

В Новороссийск приезжают 500 спортсменов, что в два раза больше, чем может быть по регламенту. Но не отправлять же назад команды из Магадана или с Дальнего Востока. Махт в течение трех дней решает вопросы расселения, находит места для проведения схваток, а самое главное, убеждает Госспорткомитет в необходимости изменить правила и разрешить проведение соревнований!

Потом в спортивном мире страны долго ходили слухи, что Виктор Петрович подписывал все разрешения у самого Брежнева. Тогда же он открывает свою спортивную школу (ДЮСШ № 3), которая ныне известна всем как клуб «Виктория». И долго уламывает городское и краевое руководство, чтобы директором школы назначили его ученика, чемпиона России Владимира Холодаева. Многие еще помнили, что в детстве Володя был не самым прилежным и послушным.

Махт сделал свое дело?..

Так центром классической и вольной борьбы становится Новороссийск. Однако...

Медали к турниру на приз Я. Савицкого Махт делал в спешном порядке. А ну-ка при нашей бюрократической машине изготовь срочно в два раза больше комплектов медалей за короткий срок! А значит – неофициально.

Когда его начали таскать на допросы и дознания, он ни разу никому так и не назвал тот «кооператив», который в считанные дни отлил медали. А Савицкий помочь Махту уже не смог. И все достижения Виктора Петровича, все его организаторские подвиги, все его тренерские усилия, всю славу, принесенную в город, никто учитывать не стал. Он провел турнир с первым и единственным до сих пор в стране парадом борцов и духовых оркестров по городу – а его посадили на нары.

В первые же дни ему пришлось самоутверждаться в камере предварительного заключения. С тех пор к нему стали прибиваться слабые и обиженные. Он вставал на защиту каждого. Ни Махта, ни его подопечного потом никто не трогал. Позже ситуация прояснилась, но два года он тренировал и тех, кто сидел с ним на зоне.

Вот такое было пике из депутатов горсовета, из кресла

председателя спорткомитета, из постоянных приглашений возглавить тренерские составы Турции, Италии, Болгарии. Впрочем, Виктор Петрович до сих пор высказывает догадку, что надуманное обвинение появилось именно в связи с этими приглашениями.

А тогда, сразу после освобождения, он первым делом рванул в Баку. Армяно-азербайджанские отношения обострились. Он срочно забирал оттуда маму. Старую, почти слепую женщину, мать первого чемпиона республики.

Махт и Махмуд

В молодые годы времени хватало на все. Но чтобы выжить в столичном городе – мало быть хорошим спортсменом. В те времена у чемпионов были мизерные доходы. И Витя Махт пошел выступать в цирк. Небольшого роста, но удивительно гармонично сложенный, с орлиным взором, он выходил на арену, и все женские взоры были прикованы к его смуглому спортивному телу. В одном из рядов частенько сидел сухопарый длинный юноша. И с завистью глядел на артиста. Тогда он ходил еще без своей знаменитой папахи. Жизнь свела их. До самого последнего дня Виктор Махт и Махмуд Эсамбаев были лучшими друзьями. О многих их встречах сложены легенды. Их объединяли удивительная работоспособность, преданность своему делу, готовность все бросить и помочь нуждающемуся и потрясающее чувство жизни. Остались у него друзья и по цирку: Назарова (помните «Полосатый рейс?»), Бугримова, молодой Кио.

Виктор Петрович познакомился еще в 1958 году с легендарным Алексеем Маресьевым, и все годы в каждый свой приезд в Москву – жданный гость. А уж для спортивного мира всего мира – он человек-легенда.

Macht

Как-то в словаре Виктор Петрович прочитал, как переводится его фамилия. Во-первых, сила, мощь, могущество. Во-вторых, власть. В-третьих, держава, государство.

В спорте – он был тоже человек государственный. Безусловно, что любимому виду – борьбе – он оставался верен, но в спортклубе «Виктория» у него были созданы и секция легкой атлетики, и шахматы, и много всего иного.

Он не был сторонником «начальнических видов спорта». Сколько раз громыхал с трибуны: «Вы на футболе здоровую нацию не сделаете! Большой футбол – «Черноморец» – из кого состоит? Из чужаков, из негров! А где наши мальчишки? Что делает детский футбольный клуб, если во взрослый приходят только варяги? Что бы вы сделали, если бы я на наши борцовские турниры приглашал каких-нибудь турок? Вы бы меня спросили: Махт, а где свидетельства твоей работы, где твои спортсмены? Да и на трибунах. Если такое пьянство на матчах – это укрепление здоровья, то я уже и не знаю...» Должна разрабатываться уникальная система комплексного воспитания детей. Причем детей не только из обычных семей, но и из детских домов, из приютов. Как ищут там певчески одаренных ребят. «Нашей стране нужна здоровая нация. И не только физически, но и духовно!»

Замыслы поистине наполеоновские. Но Махт всегда добивается того, во что верит. Жаль только, если за это опять придется бороться. Хотя не привыкать. Но он бы предпочел, чтобы борьба оставалась спортом, а дело – делом.

Небольшого роста армянский немец будет и дальше делать все, чтобы Россия стала великой страной. Бороться он умеет. И никогда еще не был побежден.

Людмила БОЙКО

ФАРВАТЕР СУДЬБЫ

2023-й год для Новороссийска знаменателен юбилейными датами. Мы будем торжественно отмечать 185-летие со дня основания города на берегах Цемесской бухты и 80-ю годовщину разгрома гитлеровских войск у стен города-героя. Говорят, что у нас, жителей черноморского города, особый характер, и право называть себя новороссийцем еще нужно заслужить. Немало наших земляков это право заслужили верностью Отечеству, долгу, заслужили делами своими, всем, что сделано и достигнуто в жизни. Наш рассказ – об одном из них. Судьба определила точный курс всей его жизни – служить Отечеству под Андреевским флагом. И вполне закономерным выглядит тот факт, что важной частью этой судьбы стал наш город – морской форпост на юге России, чья история отмечена ратной славой, трудовой доблестью.

Сегодня Евгений Васильевич Орлов – в числе самых известных новороссийцев. О том, что этой чести он удостоен по праву, свидетельствуют главные вехи его большой и славной биографии. В ней нашло свое отражение едва ли не все, чем были отмечены непростые времена в судьбе государства. Как поется в известной песне: «Это было со страной – значит, было с нами!» Вице-адмирал, командир Новороссийской военно-морской базы (1995–2001 гг.), заместитель Командующего Черноморским флотом РФ (2001–2005 гг.), ведущий инспектор Южного военного округа, председатель краевой общественной организации Новороссийское морское собрание, член Общественной палаты г. Новороссийска, представитель города-героя в Общественной палате Краснодарского края, Почетный гражданин города-героя Новороссийска. Даже краткое перечисление основных этапов биографии свидетельствует о большом жизненном пути, который и принес заслуженное общественное признание, высокий авторитет.

Евгений Орлов

ЧЛЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ НОВОРОССИЙСКА, ВИЦЕ-АДМИРАЛ

С Евгением Васильевичем Орловым мы знакомы много лет, со времен его службы в Новороссийской военно-морской базе. Занимаясь подготовкой больших городских культурно-массовых мероприятий и праздников, часто приходилось с ним контактировать. Одним из совместных проектов в 1996-м году стали грандиозные торжества в Новороссийске, посвященные 300-летию Российского флота, в которых главную роль играли, конечно же, моряки НВМБ и Черноморского флота. Потом, по воле

случая, в течение шести лет, с 2015 по 2021 гг. мы были коллегами по совместной работе в Общественной палате города. Доводилось видеть его и в дни общественно-значимых событий, и в будничной рабочей обстановке, и в общении с людьми самого разного статуса. Признаюсь, меня всегда удивляло то, что, несмотря на обилие высоких и почетных титулов и званий, он был и остается человеком немногословным и весьма скромным. Он не произносит пафосных речей, потому что главное для него – конкретика и суть. Не терпит лести, а парад-

ному пустословию предпочитает дела и поступки. К этому приучили десятилетия флотской службы, когда настоящая мужская дружба проверялась в самых суровых условиях океанских и житейских штормов.

Как-то, в преддверии важного для него праздника – Дня Военно-морского флота России, – мне удалось разговорить Евгения Васильевича и услышать из первых уст о некоторых страницах его биографии, которые он сам считает для себя определяющими. А поведал мне флотский адмирал о том, что родился не в самом флотском городе – в Новочеркасске, Ростовской области. Семья была рабочей. Правда, сосед служил на флоте в Севастополе. И мальчишка завидовал его тельняшке, браво сдвинутой на затылок бескозырке. А в дни отпуска бывалого моряка с удовольствием слушал его байки. А потом как-то дядя Женьки привез из Севастополя флотскую газету. Отец, Василий Васильевич, увидев объявление о наборе в военно-морское училище, сделал вырезку и, передавая сыну, сказал: «Подумай...» Мальчишка подумал и после окончания школы подал документы в прославленное Севастопольское высшее военно-морское училище имени адмирала П.С. Нахимова.

«Мне повезло, – вспоминает сегодня, спустя многие годы, Евгений Васильевич. – Я попал в лучшее военно-морское училище, со славной историей, замечательными традициями, с великолепной школой боевого мастерства и флотской выучки, которая складывалась десятилетиями. Нахимовское училище и в те времена, и сейчас готовит для флота специалистов, отвечающих самым современным требованиям. Мы учились, по сути, по программе училища имени Баумана. Основательно изучали основы ракетостроения, передовых технологий. За время учебы я получил еще и хорошую школу в работе с личным составом, пусть на начальных, но командных должностях. Прошел путь от командира отделения до заместителя командира роты на младшем курсе. Это очень пригодилось потом, во время службы, и до сих пор помогает».

После окончания училища за 12 лет службы был пройден путь от командира батареи зенитно-управляемых ракет до командира соединения надводных кораблей.

Сразу после выпуска из училища Евгений Орлов попал в экипаж большого противолодочного корабля «Очаков». Командовал им тогда Игорь Касатонов. По тем временам «Очаков» был суперсовременным, оснащенным по последнему слову боевой техники кораблем. А Касатонов был очень требовательным командиром с четкой системой обучения и воспитания офицерского состава.

«С полной ответственностью могу сказать, что это выдающаяся личность на Военно-морском флоте, – отмечает Евгений Васильевич. – Под его командованием было более 50 офицеров, в том числе 26 лейтенантов, среди которых был и я. По сути, после Нахимовского училища я прошел еще одну замечательную школу флотского мастерства – «касатоновскую».

Это был период возрождения океанского флота, дальних морских походов. Так, еще будучи лейтенантом, Орлову довелось побывать на масштабных военных учениях в океане. Все это сформировало его особое отношение к службе, подняло личную планку. А потому никогда не переставал учиться. В 1984-м году успешно закончил Военно-морскую академию. А еще – специальные офицерские классы, на которых оттачивалась специальная и тактическая подготовка высшего командования Военно-морского флота. После этого начался, быть может, самый сложный и в то же время самый интересный период биографии Евгения Васильевича Орлова. В 1984–1988 гг. ему довелось командовать большими противолодочными кораблями Черноморского флота «Керчь» и «Очаков». Неоднократно выполнял задачи боевой службы, совершая заходы в иностранные порты на Кубе, в Стамбул, Тартус, Варну. Эти годы стали временем проверки на прочность. Это ведь очень непросто – стоя на капитанском мостике, осознавать весь груз ответственности: за корабль, за его боеспособность, за экипаж, а в конечно счете – за Военно-морской флот. Для него, как и для всех военных моряков, фраза «За нами – Россия!» имела буквальный смысл.

В 1995-м году служба, а теперь уже с полным правом можно сказать, что и судьба, приводят Евгения Васильевича Орлова в Новороссийск. И, несмотря на его неприятие «па-

фоса громких фраз», позволю себе не без оснований сказать, что его имя вошло в историю Черноморского флота и возрождающейся Новороссийской военно-морской базы как первого командира Новороссийского военно-морского района. Это было и очень ответственно, и очень почетно, ведь у базы славная история. Особенно соединение прославилось в годы Великой Отечественной войны. Имя командира НВМБ фронтового периода Героя Советского Союза вице-адмирала Г.Н. Холостякова золотыми буквами вписано в летопись героической битвы за Новороссийск. А после войны, в 1947-м году, НВМБ была расформирована.

Распад СССР и появление новых государств на берегах Черного моря – Украины и Грузии – привели к новой ситуации в Крыму, к драматическим событиям, связанным с Черноморским флотом. Роль Новороссийска вновь стала резко возрастать. И в ноябре 1994-го года, как свидетельствую архивные справки, главком ВМФ РФ утвердил состав сил Новороссийского военно-морского района, а в марте 1995-го года был утвержден штат управления. Первым командиром возрождающейся НВМБ и стал Е.В. Орлов. Это был очень и очень непростой период службы, когда все приходилось начинать заново.

«Нужно сказать, что моему назначению на должность командира вновь создаваемого в Новороссийске соединения предшествовала весьма сложная ситуация в стране, – вспоминает Евгений Васильевич. – Очень болезненно отражались на состоянии армии и флота развал СССР, попытка разделить Черноморский флот между Россией и Украиной. Судьба вновь свела меня с адмиралом Игорем Владимировичем Касатоновым. Крушение Советского Союза в 1991-м году он встретил в должности командующего Черноморским флотом. Тогда, сразу после принятия разрушительных Беловежских соглашений, Киев стал требовать, чтобы черноморцы присягнули на верность Украине. На что, как известно, адмирал И.В. Касатонов ответил: «Присягой не торгую!» Он категорически был не согласен с провокационной идеей, что Черноморский флот должен стать украинским, а Севастополь – город славы русских моряков – превратиться в украинский город. Ситуация, при которой он, офицер Российского флота в третьем поколении, должен был стать под знамена украинского гетмана, казалась ему просто абсурдной. «Я считаю, что во многом, благодаря его мужеству, государственному подходу к этому вопросу, нам удалось отстоять Черноморский флот, – так оценивает сегодня события тех поистине драматичных лет Евгений Васильевич. – А провокаций, политического прессинга, желания у некоторых «взять и разделить», а по сути – уничтожить флот, было более чем достаточно. Я горжусь тем, что в политических штормовых условиях мы выстояли, флаг не сдали, присяге не изменили и чести Андреевского флага не посрамили!»

После столь непростых испытаний Орлов, как он сам признается, даже с радостью воспринял свое назначение на должность командира НВМБ. Но при этом замечает, что даже не предполагал тогда, какой вал сложностей, проблем, которые нужно будет решать сразу же, не откладывая на завтра, обрушится на него на новом месте службы. Во-первых, не было инфраструктуры, необходимой для такого крупного военно-морского соединения, вся база осталась в Крыму. Страна бурлила. Москва тонула в политических противоречиях. Всем было ни до чего. Все сводилось к грозному окрику: «Тебя назначили, давай, решай проблемы, на то ты и командир!» Да, на перевод базы из Севастополя в Новороссийск было получено согласие городских и краевых властей. И все же одно дело политические заявления, совсем другое – реальная ситуация, реальная жизнь. Но отступать было не в правилах Орлова. И он со своими единомышленниками все возникающие проблемы решал. Быстро, четко, продуманно, ответственно. Понимая, что нужно в небывало короткие сроки надежно «вписаться» в берега Цемесской бухты, которая в новых политических условиях становилась для них родным причалом.

Преодолевая невероятные сложности с состоянием кораблей и боевой техники, принимали участие в учениях Северо-Кавказского военного округа. Один из кораблей НВМБ ходил с дружеским визитом в Грецию. Лично Е.В. Орлов в рамках совместных учений с НАТО «Партнерство ради мира» ходил на корабле в Болгарию. Удалось соединению, которые отошли из состава ЧФ к России после раздела флота с Украиной, без потерь перевести в Новороссийск. Параллельно с этим практически в ежедневном режиме ручного управления

решались вопросы размещения военнослужащих, которым пришлось уволиться из ВМФ. Строили объекты военного назначения и социальную инфраструктуру, причем не только в Новороссийске, но и в Краснодаре, Адлере и даже в Армавире, не говоря уже о черноморских городах – Анапе и Туапсе. «С чувством исполненного долга могу сказать, что мне удалось четко и эффективно выполнить начальную задачу по успешному перебазированию частей ЧФ из Севастополя в Новороссийск», – констатирует очевидный факт Евгений Васильевич. Кстати, именно период командования Е.В. Орловым Новороссийской военно-морской базой ознаменовался для нашего города еще одним поистине знаковым событием: удалось осуществить сложнейшую операцию по перебазированию в Новороссийск легендарного крейсера «Михаил Кутузов», ставшего музейной достопримечательностью и визитной карточкой города-героя. Он считал и считает это делом чести и долгом памяти. А потому так остро реагирует на периодически возникающие слухи о перебазировании крейсера назад в Севастополь. «Мое мнение остается неизменным: «Крейсер наш – и точка!» – по-флотски коротко и четко формулирует вице-адмирал свою принципиальную позицию.

Севастополь и Новороссийск – эти два черноморских города-героя в судьбе Е.В. Орлова всегда играли особую роль. Одним из самых серьезных и ответственных этапов его флотской службы стал 2001-й год, когда он получил назначение на должность заместителя командующего Черноморским флотом России. Новый «севастопольский» период службы тоже оказался весьма непростым. Но, как признается вице-адмирал, это возвращение было во многом органичным. Он флот уже хорошо знал, и на флоте его хорошо знали. С повестки дня тогда не снимался вопрос непростых взаимоотношений Украины и России, раздела Черноморского флота. «Подковерные» договоренности высшего политического руководства двух стран болезненно раздирали флот на части, то и дело порождали конфликтные взрывоопасные ситуации. Но Орлов не стал заниматься политическими играми, в которые вольно или невольно вынуждены были втягиваться его предшественники. Он сосредоточился на главном и много времени отдавал подготовке надводных сил. К жизни возвращали тогда боевые корабли, которые долгое время стояли у причалов. Так, например, рискнули снять с якоря и вывести в дальний морской поход БПК «Керчь». Заместитель командующего ЧФ РФ Е.В. Орлов был причастен к отработке системы дальних морских походов, без чего вообще нельзя говорить о боевой готовности флота. Были осуществлены походы в Сирию, боевые учения с атомным авианосцем Франции. Запомнилась фраза тогдашнего Главкома ВМФ РФ адмирала Владимира Куроедова, который, узнав об этой напряженной работе, сказал: «Ну вот, наконец-то и черноморцы зашевелились!»

«Мы достойно пережили драматические события тех лет в Ираке, когда в Индийский океан нужно было отправить наши боевые корабли, – рассказывает, вспоминая важные события того периода своей командной службы, Евгений Васильевич. – Мне было доверено возглавить объединенный отряд кораблей ВМФ, в который вошли черноморцы и тихоокеанцы. Я загорелся этим основательно, доверие воодушевляло. Это был мой рост, мой новый уровень, моя командирская планка. Тогда мы эту задачу успешно выполнили. Причем не просто демонстрировали там флаг России, а решали боевые и миротворческие задачи».

Как мила за кормой боевого корабля, пролетели годы флотской службы. А когда пришло время завершать службу на Черноморском флоте, Евгений Васильевич решил навсегда «бросить якорь» именно в Новороссийске. «Скажу откровенно, – признается он, – возможностей достойно «устроить» свою жизнь после окончания службы в ВМФ было достаточно. Можно было остаться в Москве, найти место в соответствии с рангом и былыми заслугами. Но знаете, столько сил и здоровья было потрачено за шесть лет службы в должности командира НВМБ, что я душой и сердцем прирос к этому городу! Тут многие мои товарищи, единомышленники, с кем доводилось делить все тяготы службы. Я просто не смог бросить все и уехать куда-то в поисках лучшей жизни. Судьба связала меня с Новороссийском крепким морским узлом».

Верное служение Отечеству, Андреевскому флагу не могло не стать наглядным примером для детей. А потому создание флотской династии Орловых не без оснований мож-

но считать делом естественным и закономерным. Сын, по примеру отца, отслужил в Военно-морском флоте, капитан 1-го ранга. С флотской службой связала свою судьбу дочь Татьяна, которая несла ее и на Черноморском флоте, и на Балтике, радуя отца осознанностью своего выбора и удивляя силой характера. Гордость деда – его внук, кстати, тоже Евгений Орлов.

Вот уже четверть века, как и положено боевому офицеру, вице-адмирал Евгений Васильевич Орлов по-прежнему остается на «капитанском мостике», в гуще общественных дел и событий. С 2012 года он – ведущий инспектор Группы инспекторов Объединенного стратегического командования Южного военного округа МО РФ. Это позволяет ему не терять прочных связей с армией и флотом. Е.В. Орлов – председатель Совета старейшин НВМБ и председатель Новороссийского регионального отделения Российского морского собрания. Главные цели этой организации – пропаганда морских традиций, забота о сохранении высокого статуса моряка, военно-патриотическое воспитание молодежи, помощь ветеранам ВМФ. Вице-адмирал Е.В. Орлов часто бывает в дорогом его сердцу городе-герое Севастополе. Недавно, в очередной раз побывав в городе русской военно-морской славы, он передал региональному отделению Союза журналистов России свои документальные материалы и воспоминания, которые будут включены в проект «Я – горжусь!» Президентского фонда культурных инициатив. Важной работой занят Евгений Васильевич Орлов в составе Общественной палаты г. Новороссийска. Вице-адмирал часто бывает на боевых кораблях, в школах, встречается с ветеранами и молодежью. Он считает, что интересной и важной работы всегда много и сам себе с шуточной улыбкой командует: «Полный вперед!»

Большой жизненный путь вице-адмирала Е.В. Орлова, его многолетняя флотская служба отмечены многими государственными наградами. Он кавалер орденов «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», «За военные заслуги», «За морские заслуги», «За боевые заслуги». Награжден многочисленными медалями. Общественная деятельность отмечена медалью «За выдающийся вклад в развитие Кубани», памятными медалями «Патриот России», «За вклад в развитие муниципального образования г. Новороссийск». В 2020-м году решением городской Думы Евгению Васильевичу Орлову было присвоено высокое звание Почетный гражданин города-героя Новороссийска.

Несколько лет назад в нашем городе проводилась общественная акция по закладке посланий потомкам в «Капсулу времени». Вскрыта она будет в 2067-м году. Организаторы обратились и к Евгению Васильевичу Орлову в числе других известных новороссийцев с просьбой подготовить свое напутствие. «Я даже немного растерялся, – рассказал вице-адмирал в ответ на мою просьбу приоткрыть тайну этого личного послания. – Столько событий было. Но как целую жизнь уложить в одну страничку?! Я даже собирал своих коллег по Морскому собранию – советовались, о чем писать. Мнений было много. Я несколько раз переписывал, пытаюсь найти нужные слова о главном. Я написал о том, что сейчас, к радости, нескольких поколений ветеранов флота, новую жизнь обретает Российский Военно-морской флот. Набирает силу и мощь Новороссийская военно-морская база – надежный оплот страны на южных морских рубежах. Я написал о том, какая это честь и гордость быть защитником своего Отечества. И, конечно же, пожелал потомкам продолжить наши дела. Проложив в жизни свой фарватер, вписать свои имена в новую историю великой России».

**Анатолий НИЛОВ,
заслуженный работник культуры России**

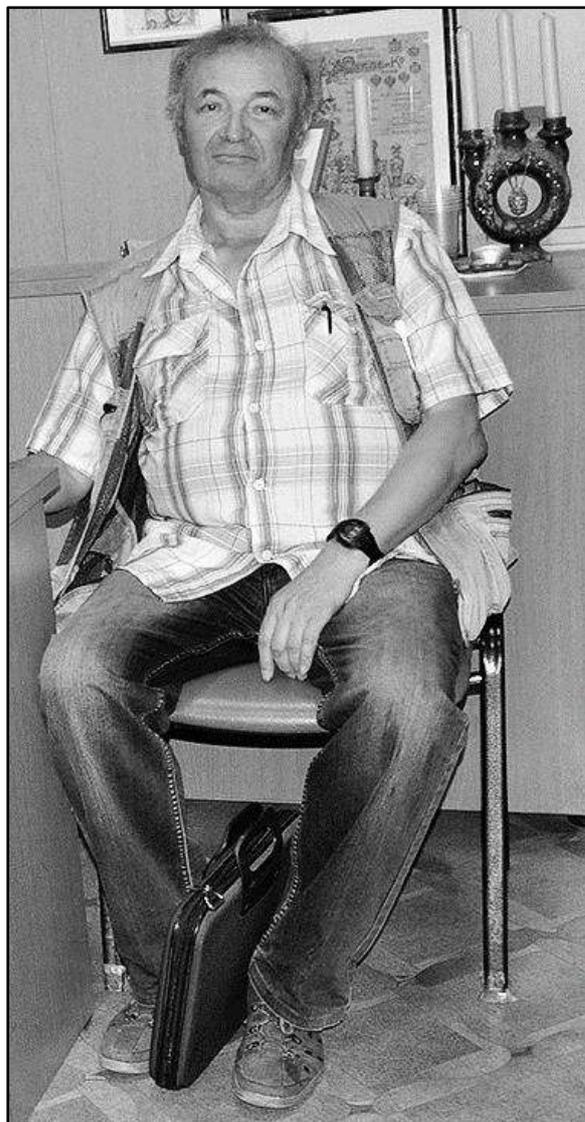
МАСТЕР. УЧИТЕЛЬ. ДРУГ

В 1988 году, в период «перестройки», я переехал с семьёй из Одессы в Новороссийск. В Одессе я довольно успешно входил в местную литературу. Одесса, которую воспел Пушкин, всегда считалась культурной метрополией, одних только членов Союза писателей СССР в конце 80-х годов в ней насчитывалось несколько десятков.

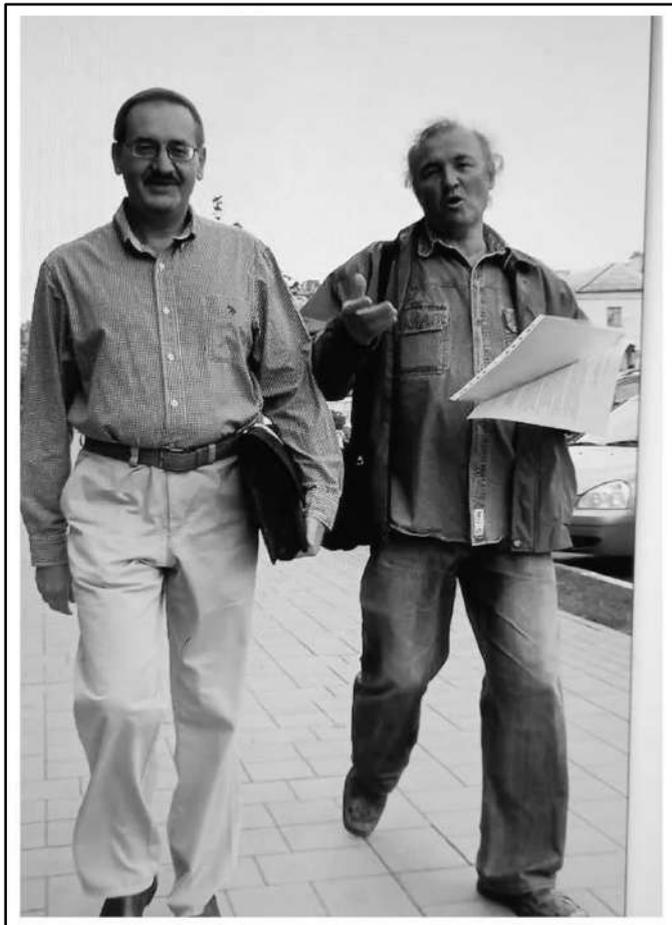
Каково же было моё удивление, когда я обнаружил, что новороссийские литераторы ничуть не уступают по уровню художественного мастерства своим одесским коллегам. Зачастив в редакцию газеты «Черноморец», я достаточно быстро разобрался, кто есть кто в литературном процессе Новороссийска. Несмотря на то что в результате непродуманных реформ вся страна вступала в период жесточайших потрясений, конец 80-х годов для новороссийских авторов был счастливым и плодотворным временем. В 1989 году был создан Новороссийский союз литераторов «Альтернатива», у истоков которого стояли авторитетные писатели М.С. Глинистов, А.Г. Иващенко, Е.П. Цыганко. В этой «могучей тройке» особой энергией и организаторскими способностями выделялся Александр Григорьевич Иващенко, который по праву и возглавил Союз. Именно ему суждено было провести творческую организацию через тяжелейшие штормы 90-х годов, когда втаптывались в грязь нравственные законы, а писательская профессия из высшего призвания превратилась в ремесло политически ангажированных подёнщиков.

В таких, прямо скажем, непростых условиях А.Г. Иващенко сумел не только сохранить Союз литераторов Новороссийска, но и наладить его активную деятельность – он издавал книги своих товарищей, выпускал газеты, альманахи, проводил различные мероприятия, создал народный театр «Лестничная клетка». При том, что финансовыми ресурсами он не располагал и от властей предрержащих, кажется, не получил ни копейки. Впрочем, в нашем отечестве не деньги играют главную роль, а энтузиазм, талант, готовность пожертвовать своими интересами, здоровьем и даже жизнью во имя некой прекрасной цели. В этом плане Александр Григорьевич был истинно русским человеком, целиком отдающим себя служению Культуре.

Можно представить, какие Иващенко испытывал душевные терзания: обладая неординарным художественным даром и создав множество замечательных произведений, он, по сути, был лишён возможности их публиковать. Александр Григорьевич свои тоненькие книжечки печатал мизерными тиражами и раздавал их на мероприятиях. А в это же самое время записные графоманы, зачастую на выделенные им городскими властями средства, из-

давали толстые тома в твёрдом переплёте. Впрочем, Александр Григорьевич, как мне кажется, никому не завидовал, а несостоятельных авторов презирал, так сказать, по эстетическим соображениям.

стовского. И это не следует считать проявлением дыни, поскольку в творчестве необходимо соноваться с великими мастерами, а не ориентирна публику, приходящую на заседания местных ратурных объединений.

К сожалению, Александр Григорьевич щенко не успел реализовать множество художественных замыслов. Вершинами его творчества ются пронзительные повести «День чёрных панов» и «Расскажи мне про корову», ёмкие по держанию и великолепно отшлифованные рас- «Осень. Птицы летят...» и «Я здесь, Господи!», «Поставьте мальчику тройку!», некоторые лири- философские миниатюры. Над эпической драмой тёмкин-Таврический» он работал несколько по- них лет, надеясь на её постановку в художе- ственном театре Симферополя. Пьеса, между чим, исключительно актуальна по своему идей- содержанию, поскольку направлена против наших западных оппонентов, во все времена ста- хихся использовать ресурсы России в собствен- интересах. Увы, завершить этот огромный труд телю не довелось, хотя текст его последнего изведения можно найти в интернете. Буквально за несколько дней до ухода в «лучший из миров» Александр Григорьевич получил первые экзemplяры своей единственной «толстой»

Вообще, он не был простым и удобным в общении человеком, категориче- ски не хотел подстраиваться под бес- честных чиновников и сильных мира сего и мог с иронической усмешкой сказать в глаза всё, что о них думает. Да и в каче- стве бессменного председателя Союза ли- тераторов Александр Григорьевич не все- гда, наверное, принимал оптимальные решения. Однако попробуйте поруководить творческой организацией более два- дцати лет подряд – и год на шатком «троне» без нерво- трёпки не усидишь!

Нет сомнения в том, что А. Иващенко являлся одной из ведущих фи- гур литературного процесса в Новорос- сийске, более того, по масштабу своего дарования он вполне соответствовал сто- личным требованиям. И вовсе не зря Александр Григорьевич в доверительной беседе однажды обмолвился, что своими настоящими коллегами и соперниками считает Чехова и Куприна, Бунина и Пау-

гор- ре- вать- ся лите-

Ива-

явля- тью- со- сказы пьеса ко- «По- след-

про- ному

рав- ных писа- про-

за несколько дней до ухода в «лучший из миров» Александр Григорьевич получил первые экзemplяры своей единственной «толстой»

книги «Осень. Птицы летят...». Я торопил своего друга с её выпуском, хотя не был удовлетворён весьма скромным объёмом и небольшим тиражом. Хотелось издать 500-страничную книгу избранных произведений А.Г. Иващенко. Но для этого, увы, как всегда, не было финансовых возможностей.

Александр Григорьевич готовился отметить свой 75-летний юбилей и, вероятно, был бы, наконец, увенчан достойными его таланта и мастерства столичными лаврами, поскольку пользовался большим уважением руководителей двух общероссийских литературных союзов. По жестокой иронии Мастер покинул этот мир в самом расцвете творческих сил, полный планов. И хоть это звучит банально, но можно с полным основанием сказать, что с ним ушла целая эпоха новороссийской литературы, а культура нашего города понесла невосполнимую потерю.

Я не строю иллюзий насчёт дальнейшей судьбы идейного и творческого наследия Александра Григорьевича Иващенко. Конечно, неплохо было бы издать полное собрание его сочинений. Однако для этого требуются значительные денежные средства и сплочённый коллектив квалифицированных специалистов, способный подготовить подобное издание на должном уровне. Кстати, сам Иващенко редактирование своих произведений никому не доверял. Как это ни прискорбно, но ни денег, ни заинтересованности со стороны власти, ни творческого потенциала для выполнения столь ответственной и сложной работы у нас в городе нет.

И всё же книги Александра Григорьевича Иващенко имеются во всех библиотеках города, они вошли в список литературы для новороссийских школьников и вызывают интерес вдумчивых и духовно развитых читателей. В произведениях Мастера поднимаются жгучие социально-нравственные вопросы современности, содержатся мучительные размышления об историческом пути России, живёт вера в высокое предназначение человека. Очерки о личности и творчестве Иващенко можно прочитать в моих книгах «Литература Новороссийска» и «Скупия на краю обрыва», а также в недавно переизданном справочнике «Литература Новороссийска. А – Я».

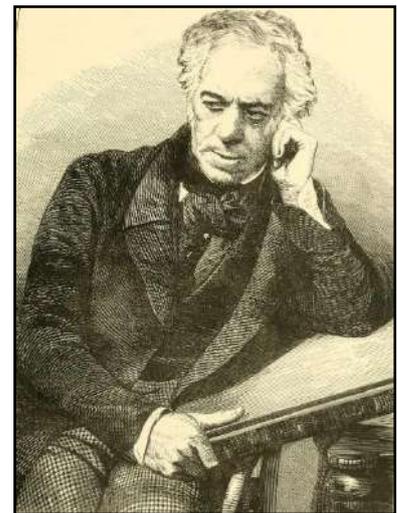
Виктор ПАХОМОВ,
председатель Новороссийской организации
Российского союза профессиональных литераторов

УИЛЬЯМ АЛЛАН О ГЕРОЕ ЭПОХИ РЫЦАРСТВА

Трудно переоценить значение творчества художников в работе по реализации одного из основных научных принципов – историзма. Их зарисовки, полотна, беглые наброски имеют бесценное значение для историков, краеведов, музейных исследователей. Полотна Ф.А. Рубо, Г.Г. Гагарина, А.А. Киселева, Ф.Ф. Горшельта, И.К. Айвазовского, У. Аллана, Ф.Д. Монпере, Я.Т. Мариньи, Д. Браже, Ш.М. Ребуле, М.М. Иванова, Л.Ф. Лагорио, Н.И. Поливанова, братьев Чернецовых, Е.И. Посполитаки и других хранителей памяти жизни Северо-западного Кавказа XIX века значительно расширяют представление о происходивших здесь бурных событиях. Тем более что в текущем году исполняется 150 лет со дня окончания Кавказской войны.

В этой статье речь пойдет о творчестве шотландского художника Уильяма Аллана, который девять лет прожил в России, оставив после себя множество этюдов и картин. Борис Пастернак писал: «Даже в незначительных штрихах своих работ художник благодаря творческим способностям и в умении находиться в соответствии с внешним миром передавал в своих полотнах окружающим то, как в XIX веке люди жили, созидали, думали, чувствовали, любили».

Уильям Аллан (William Allan), шотландский живописец, представитель Шотландской академии художеств, родился в 1782 году в городе Эдинбурге. Обучался в рисовальной школе своего города и отправился затем в Лондон, здесь он продолжал свои занятия. В 1805 году он уехал в Россию. В ходе пребывания на Украине и Северном Кавказе он сделал значительное количество зарисовок и эскизов для будущих картин. Живописец побывал в 1808 г. в Одессе, где был тепло принят генерал-губернатором Новороссии герцогом Ришелье, которому подарил работу «Вид Одессы». Здесь он познакомился с будущим нашим героем Гасламом Гиреем. В память о встрече уже в Эдинбурге в 1815 г. он написал картину «Гаслам Гирей и Альказия, переправляющиеся через реку Кубань». Вернувшись в 1814 г. в Эдинбург, Аллан написал несколько картин на сюжеты из жизни черкесов, башкир, татар, казаков – он много путешествовал по Кавказу и Прикаспийским степям, изучая быт, национальные особенности, костюмы, обычаи народов, населявших южные окраины Российской империи. Но он, к сожалению, оставался незамеченным до тех пор, пока Вальтер Скотт не повлиял на покупку его картины «Черкесские вожди со своими племенами». Аллан, до тех пор исключительно жанровый живописец, обратился к исторической живописи. В Санкт-Петербурге он написал в 1841 году по заказу императора историческую картину «Петр Великий учит своих подданных кораблестроению», которая украсила стены Зимнего дворца.

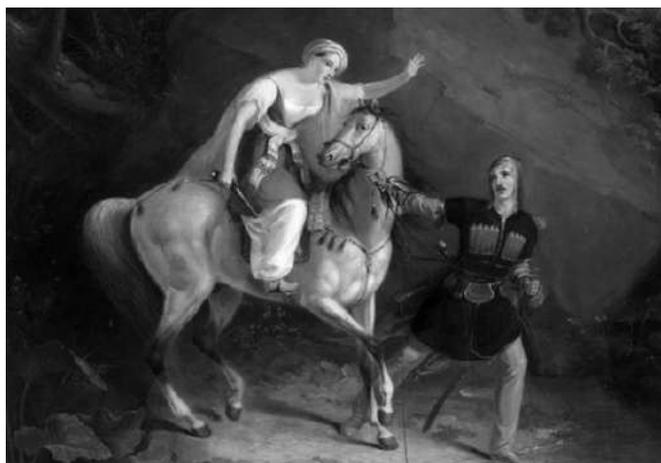
Так уж распорядилась судьба, что Уильяму Аллану выпала счастливая возможность отразить события, связанные с необычной, легендарной судьбой двух влюбленных молодых людей – Гаслама Гирея и девушки Миры. История влюбленных разворачивалась на северо-западном Кавказе на реке Кубань, в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг.

Гаслам-Гирей происходил из старинного ханского рода крымских татар. Ему исполнилось четыре года, когда его отца убил могущественный абхазский предводитель Халабат-Аглу. Убийца захватил стада и все имущество своей жертвы. Оставшись сиротой, Гаслам попал в дом дальнего родственника, воинственного Мурадин-Бея, врага Халабата. Закаленный с детства в войнах, которые Мурадин вел либо против соседних племен, либо против черноморских казаков, Гаслам скоро стал известным воином, отважным героем, из которого

мог бы выйти крупный военачальник. Самой красивой девушкой этой страны была Мира, дочь Мурадин-Бей, в нее и влюбился Гаслам.

– Подумай, – ответил Мурадин-Бей Гасламу, когда он попросил его отдать Миру в жены, – моя дочь стоит тридцати отборных кобыл и стольких же мешков соли; ты хочешь, чтобы я пожертвовал ради тебя такой выгодой?

Гаслам не мог дать ничего отцу своей возлюбленной. Его состоянием были оружие, конь, отвага, стройная фигура и благородное происхождение. Доведенные до отчаяния молодые люди решили убежать вместе. Убежище для себя и красавицы Миры Гаслам надеялся найти у казаков, с которыми Мурадин-Бей был в состоянии войны. Но для этого надо было перейти реку Кубань. Это весьма опасное предприятие было реализовано самым романтическим образом. Надев кольчугу и все своё оружие, Гаслам посадил Миру на коня, и они помчались в сторону Кубани.

Как только Мурадин, следивший за каждым движением родственника, обнаружил побег, он послал в погоню за влюбленными полтора десятка слуг, которые только на берегу Кубани смогли догнать беглецов. Гаслам, покрытый железными доспехами, бросился в реку, придерживая своего коня одной рукой, и помогая себе плыть другой. В зубах он зажал саблю, а Мира, сжав пистолет своего возлюбленного, с другой стороны, держалась рукой за гриву коня. За несколько минут они пересекли Кубань. Казаки, обеспокоенные обострением отношений с Мура-

дином, долго допрашивали молодых людей и решили держать их в заключении, пока атаман не примет решение. Через несколько дней после этого события с инспекцией к казакам прибыл герцог де Ришелье. Атаман Ф.Я. Бурсак, который уже принял решение вернуть беглецов Мурадину, рассказал герцогу о приключении Гаслама и Миры. Тронутый самоотверженной любовью молодых людей Ришелье захотел познакомиться с героями Кавказского романа. Он доброжелательно пообщался с Гасламом и предложил ему остаться в России и поступить на военную службу. Гаслам с благодарностью принял предложение генерала и стал ценным союзником русских благодаря своей храбрости, знанию местности и опыту войны в горах.

События эти происходили в 1806 году. Мулла, специально для этого случая посланный муфтием Крыма, законно соединил Гаслама брачными узами с красавицей Мирой. Вскоре семья получила разрешение поселиться в Крыму, на землях предков, где его род правил в течение многих лет. Однако Гаслам родился воином и до конца жизни остался верен своему предназначению.

Во время Анапской кампании 1807 года в благодарность за обретенную свободу он предложил свою службу герцогу де Ришелье. После взятия Анапы он последовал за генералом С.Г. Гангебловым*, участвовал в кампаниях по взятию турецких крепостей в Причерноморье Северного Кавказа. Очевидцы отзывались о нем, как о хитром и осторожном воине. Он шел впереди стрелков и вел колонны через ущелья и леса одному ему ведомыми тропами. В результате этой кампании по рапорту генерала С.Г. Гангеблова Ришелье вручил Гасламу золотую медаль Святого Георгия на ленте. Из уважения к религии Гаслама не наградили крестом, так как кресты мусульмане не носят. В 1810 году Гаслам первым пошел на штурм Сухум-Кале, за что был награжден золотой саблей с надписью: «За храбрость».

В первые дни 1811 года (в сочельник по новому стилю) войска под командованием Ришелье вошли в Цемесскую бухту и взяли крепость Суджук-Кале без всякого сопротивления со стороны турок. Герцогу это показалось странным. Многочисленное войско и флот возвращались к месту дислокации без единого выстрела. Однако обстановка в Суджукской бухте складывалась неоднозначно. Черкесы, собрав войско числом более десяти тысяч чело-

век, готовились в долине дать бой русским войскам. Группа разведчиков во главе с Гасламом Гиреем ушла вперед, чтобы разведать обстановку. Вернувшись с задания, Гаслам сообщил: «Судя по приготовлениям, которые я наблюдал в долине, войско будет атаковано. Необходимо захватить проход в долину, прежде чем черкесы расположатся там». Не сомневаясь в преданности Гаслама, герцог де Ришелье отдал приказ на вступление в бой с противником. Два батальона из 22-го егерского полка и четыре пушки следовали за казаками без соблюдения равенства. Многочисленные пушечные ядра, посыпавшиеся со стороны черкесов, не остановили наших храбрецов. Вооружившись штыками, они пошли врукопашную, которая завершилась резней. В разгаре боя черкесы не заметили, что оказались между войсками авангарда и центральной части. Чтобы завершить их разгром, Гаслам Гирей приказал обоим полкам казаков поменять направление. Вырвавшись вперед, он криками и жестами направлял их к лесу, чтобы отрезать отступление противнику. В своих записках Рошешуар (адъютанта герцога Ришелье) отмечает: «Когда пуля поразила Гаслама в бок, он позвал своего друга Султана-Али и попросил поддержать его, чтобы враги не радовались, видя, как падает Гаслам. Вторая пуля попала Гасламу в голову. Черкесы подбежали, чтобы забрать тело героя, но казаки им этого не позволили».

В ходе боя войска отряда одержали полную победу. Засада, которая была уготовлена русским войскам, дорого обошлась защитникам! Черкесы оставили на поле битвы около двух тысяч погибших. Казаки подожгли их жилища и захватили стада животных. Многие годы черкесы вспоминали об этом бое, в котором они потеряли своих знаменитых командиров».

Умирая, Гаслам успел поручить своих жену и детей заботам герцога де Ришелье, поспешившего ему на помощь. Эскорт, составленный из всех его друзей, провожал тело воина до крымской деревни, где он жил. Согласно приказу губернатора, ему оказали почести, соответствующие рангу полковника, присвоенному ему царем в предыдущем году. Спустя определенное время после смерти Гаслама Мира вышла замуж за друга мужа Султана-Али.

16 декабря 1816 года мастерскую У. Алана посетил путешествовавший по Британии Великий князь Николай Павлович (с 1825 император Николай I). Хроника тех дней сохранила описание визита: «...Великий князь долго беседовал с художником по-французски и по-русски, внимательно изучил каждую картину и выразил изумление и удовольствие по поводу правдивости изображения персонажей черкесов, казаков и т.д. Великий князь Николай проявил немалый вкус и дотошность при отборе некоторых эскизов и картин. Из трех выбранных картин была работа «Гаслам Гирей и Альказия, переправляющиеся через реку Кубань». Как отмечает профессор В.К. Надлер, персонажи были очень похожи, очень точно написан пейзаж; эта картина имела большой успех. Великий князь Николай, приобретя её, заказал выгравировать картину на доске**».

Казаки, обожавшие Гаслама, украсили его палатку гравюрой, сделанной с этой картины. Гравюру, повествующую о любви Гаслама и Мира, можно было встретить в любой казачьей хате, в каждой станице, потому что во все времена, во все эпохи, в жизни людей всегда находится место любви, подвигу и ратной славе!

P.S. Новороссийский исторический музей-заповедник выражает благодарность Салихат Расуловне Гамзатовой, директору дагестанского музея изобразительных искусств, за любезно предоставленную электронную копию работы шотландского художника У. Аллана.

Лев СТЕПКО,
кандидат культурологических наук

*Гангеблов (Гангеблишвили) Семен Георгиевич (1757–1827), с 1799 – генерал-майор, шеф егерского имени своего полка (с 1801 – 12-й егерский полк), в 1803 г. переведен с полком на Кубань, в 1804 г. – в Крым.

**Эта картина была размещена в кабинете будущего царя в его любимой резиденции в Петербурге – Аничковом дворце и находилась там до революции 1917 года.

СИНТЕЗ АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВА В РАБОТАХ АЛЕКСАНДРА КАМПЕРА

Знакомство с художником

В Новороссийске живет замечательный человек и художник Александр Теодорович Кампер. Одной из значительных и доступных творческих работ художника является памятник «Звезда» на братской могиле воинов-малоземельцев у подножия горы Колдун. Работы и стиль А. Кампера по праву можно назвать уникальными – это своеобразный синтез археологии и искусства. Свой творческий путь художник начал в 1997 году, когда вынужденно стал заниматься археологией, спасая античные амфоры от уничтожения при прокладке водопровода в селе Мысхако, где около 2000 лет назад располагалось одно из поселений Боспорского царства.

В буквальном смысле извлеченные из-под ковша экскаватора амфоры были сданы в музей, а от поврежденных сосудов городской отдел археологии отказался. Вот эти-то осколки античной керамики и стали первым материалом художника.

В 90-е художником было арендовано помещение бывшей столовой в центре поселка Мысхако, которое принадлежало винзаводу, там разместились творческая студия и

небольшой выставочный павильон, где все желающие могли познакомиться с его работами. Нередко в мастерскую приезжали на экскурсию новороссийские школьники. К огромному сожалению, мастерской и павильона в Мысхако больше нет. Несмотря на огромный интерес к работам художника, они не имеют на данный момент какой-либо общественной экспозиции и вынужденно хранятся в «домашнем музее», а многие работы лежат в сыром подвале.

Выставки

15 апреля 2022 года, в канун Всемирного дня культуры, открылась новая выставка художника в стенах художественной школы им. Эрзи.

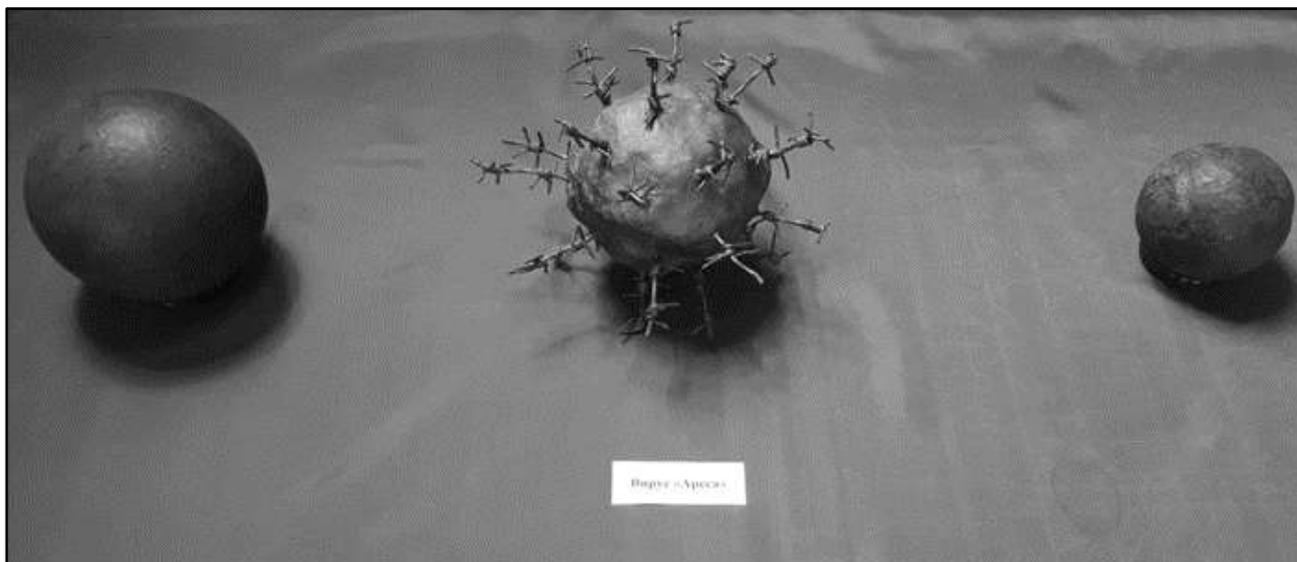
– Возможно, работы останутся в школе как пособия для юных художников, – говорит А. Кампер.

«Осколки цивилизации. История – чистые страницы» – под таким девизом открывались многие персональные выставки Александра Кампера, география которых охватывает южный регион нашей страны. За более чем 20-летний творческий путь

были проведены выставки в Новороссийске, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Сочи.

Являясь коренным новороссийцем и живя в границах Малой Земли, месте высадки героического десанта под командованием майора Ц.Л. Куникова 3-4 февраля 1943 года, в своих работах Александр со временем все больше стал использовать антивоенные сюжеты. Откапывая из земли или поднимая со дна моря осколки снарядов и мин, художник начал создавать произведения с глубоким нравственным подтекстом. А. Кампер, помимо художественных заслуг, является зам. руководителя группы оперативного реагирования «Союза поисковых отрядов России». Отношение Александра Теодоровича к искусству настолько самоотверженное и бескорыстное, что он, несомненно, способствует сохранению исторической памяти, патриотическому воспитанию и развитию культурной жизни новороссийцев и гостей города.

К сожалению, для культурной жизни нашего города выставки А. Кампера это редкость и в тоже время большая удача для тех, кто имел возможность увидеть столь уникальные произведения своими глазами. Вот слова почетных гостей выставки, организованной в апреле 2021 года. В.И. Сердюк, заслуженный работник культуры Кубани:

«Больше десятка работ А. Кампера с успехом могли бы экспонироваться в ведущих музеях мира». А. С. Куликов, генерал армии, заместитель Председателя Правительства РФ (1997–1998), с 2007 года является Президентом Клуба военачальников РФ: «Многие работы художника буквально разоружают любого человека в пользу мирной жизни. У нас в Клубе военачальников есть группа «Эльба», где пять американских генералов и столько же наших генералов армии. Мы встречаемся ежегодно на нейтральной территории и обсуждаем вопросы стратегической стабильности, новых вызовов и угроз. В прошлом году (2020), в связи с известными событиями, встреча прошла в режиме онлайн. В завершение встречи мне представилась возможность показать им работу А. Кампера «Вирус Ареса» и сказал следующее: вот мы с вами уже 12 лет общаемся, мы ищем пути, пишем рекомендации нашему политическому и военному руководству. Наша с вами задача укротить вот этот вирус (вирус Ареса), исключить его из жизни на планете. Американские генералы были потрясены, под аплодисменты прошло окончание конференции».

Произведения художника

Работы А. Кампера можно условно разделить на две части:

1. Инсталляции из античной керамики, которые являются первыми арт-объектами в более чем 20-летнем творческом пути художника. Работы с названиями «Осколки цивилизации», «Эволюция», «Химера», «Деметра» позволяют задуматься о том, что наша современная и «технологичная» цивилизация оставит после себя. Какие артефакты найдут

наши потомки через 1000 лет у себя под ногами. Глядя на эти работы, задаешься вопросом, задумывается ли современный человек о своих потомках и будущем нашей цивилизации?

2. Работы, созданные из артефактов Великой Отечественной войны.

«Хронос». По-гречески «Время», это символические часы, вмонтированные в бронзовый винт от немецкой торпеды, которой, вероятней всего, была потоплена канонерская лодка «Красная Грузия». Как сообщил художник, место обнаружения артефакта находится как раз в районе затопленной канлодки, недалеко от берега на Малой Земле.

«Коля Сотня». Объект, созданный из поднятого со дна моря в районе горпьяжа иллюминатора. Вероятно, корабль затонул в начале сентября 1943 г., в период боев за Новороссийск и высадки десанта в центральную часть города. На стекле иллюминатора нацарапано «Коля Сотня». Так один из десантников оставил о себе память потомкам, за которых, скорее всего, он отдал жизнь.

«Ладья Харона». В древнегреческой мифологии Харон – это перевозчик через реку Стикс в царство мертвых. Грустный символизм ладьи, созданной из осколков снарядов, невероятно точен.

«Вирус Ареса». Пожалуй, главный антивоенный экспонат выставки. Арес – бог

войны, который, по мнению художника, заражает человека вирусом, сеет разрушения и смерть. Арт-объект выполнен из чугунного пушечного ядра XIX века и колючей проволоки, аналогия со всем известным вирусом угадывается без труда.

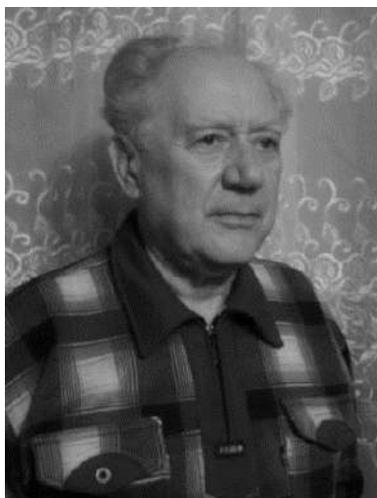
Завершающим аккордом коллекции художника является античная статуэтка богини Афродиты, и у нее тоже есть своя история. Экспонат – копия оригинальной терракотовой статуэтки, которую Александр Кампер чудесным образом спас от уничтожения и забвения. Это произошло 3 июня 1998 года, когда местные мальчишки из поселка Мысхако заметили работающий экскаватор в прибрежной полосе и позвали Александра Теодоровича к месту раскопок. Экскаватор выкапывал котлован под фундамент загородной дачи. И если бы не инициатива художника

шедевр античной культуры, пролежавший около 2000 лет в земле и отлично сохранившийся, был бы утрачен навсегда. В этой находке есть особый символизм. Ведь ровно за 100 лет до описанных событий, в 1898 году, в Широкой балке при строительстве дачи помещика Кулешевича был найден бронзовый бюст царицы Боспора Динамии, который хранится сегодня в Государственном музее Эрмитаж. Два этих объекта античной культуры по праву могут считаться наиболее значимыми в истории археологии Новороссийска.

Сергей СТЯПУХИН,
краевед

Источники фото: ВК пресс, Александр Вохмин

Гавриил Ивановиченко

Родился 3 января 1934 г. В детстве – Отечественная война: отступление, бегство, бомбёжки, оккупация.

Медицинский институт. Хирург высшей категории. Кандидат медицинских наук. Преподавал в медуниверситете хирургию. Выполнял плановые и экстренные операции. Летал по санитарной авиации 30 лет – теперь это МЧС. Окончил факультеты философии, истории, иняз. Три года оказывал хирургическую помощь народу Эфиопии. Изучил там тигринья, сомалийский и амхарский языки. Около 90 печатных научных статей по хирургии. 1-й разряд по плаванию, тяжёлой атлетике. Преподавал спортивную медицину в Университете спорта. Разработал методы повышения спортивной эффективности, опубликовал два десятка статей в Интернете, книгу «Лёд и пламя в спорте», 2004 г. Член Российского союза писателей.

У БУХТЫ ЦЕМЕССКОЙ

(Публикуется с сокращениями)

...Утром главврач Серёгин пригласил меня в свой кабинет. Там уже был хирург Кирилюк и незнакомый военный в красивой военно-морской форме. Крепко сложенный мужчина лет 35 с доброжелательным выражением лица. На погонах – два просвета и звезда.

– Это представитель командования крейсера «Киров», – Серёгин представил нам моряка. – А это наши молодые хирурги! – сообщил он о нас с Кирилюком.

– Дело в том, что моряки приглашают молодёжь города, в том числе и нашей больницы, на свой корабль на экскурсию. Завтра – 1 мая. Будет военно-морской парад, – продолжил он.

– Да, мы покажем крейсер. Потом будет культурная программа – выступит самодеятельность моряков и молодёжи города, – подтвердил офицер.

Мы с Кирилюком обменялись впечатлением от этой встречи. Ни он, ни я – никогда не были на военных кораблях. Решили поехать. Ведь это интересно!

На следующее утро мы отправились на катере в город. Сразу обратили внимание на громадные серые цвета военный корабль, стоящий на рейде. Вдоль берега грузовые корабли были расцвечены разноцветными флажками. Вот и пассажирский причал в центре города. Много молодых ребят с девушками уже стояло возле пришвартовавшихся буксиров. Офицер взмахнул рукой, приглашая на посадку. У причала пришвартованы два высоких громадных красавца-буксира, тоже расцвеченных разными флажками. Высоченный нос. Белоснежные надстройки. Мощно гудят двигатели.

– Это буксиры для работы в океане, с большими кораблями, – пояснил офицер.

Вот буксир подошёл вплотную, причалил, перебросили сходни. Борт крейсера нависал огромной серой громадой над буксиром. Не представлял я издали, насколько огромен крейсер. Моряки стали по краям причала, помогая «визитёрам» благополучно перейти на его палубу. Офицер поднялся вместе с нами:

– Я покажу вам медицинскую часть корабля. Потом не буду мешать. Идите по кораблю и смотрите – что хотите. На вопросы ответят моряки.

Увидели операционную – современное медицинское оборудование, можно выполнять операции высочайшей сложности. Перевязочные. Палаты для пациентов – тишина, идеальный порядок. Изолятор. Работать в такой медицинской части, конечно, очень удобно. Отличные условия для медиков и пациентов. В иллюминатор видны берег, море, Маркотхский хребет, трубы цементных заводов. Потом мы с Кирилюком пошли бродить по крейсеру. Но вот публика постепенно собралась на палубе в передней части крейсера. Началось выступление самодельности моряков. Сначала всё шло по программе. Но потом стали чередовать выступления моряков и молодёжи Новороссийска. Все развеселились, концерт шёл и шёл – к всеобщему удовольствию.

Но вот выступления закончились. Публика начала постепенно загружаться на буксиры. По дороге нам снова встретился знакомый морской офицер:

– Как впечатление! Понравился крейсер?

– Впечатление невероятное! Замечательное впечатление!

– А хирургом пошли бы на крейсер?

– Я сухопутный человек. А медицинская часть крейсера очень хорошая! В любой больнице это было бы замечательно.

Пассажиры буксира продолжали обмениваться впечатлениями и высадившись на причал в городе. Весело все расходились – в парк, по бульвару. Вечерело. Начался праздничный салют.

Проснулся я чуть свет. Не стал завтракать, чтобы никого не разбудить. Потихоньку оделся и ушёл, тихо закрыв дверь. Было около 5 утра. На улицах – тишина, ни пешеходов, ни машин. Город ещё спит. Прошёл через зелёный безлюдный сквер к берегу бухты.

На причале – ранние рыбаки. Спросил одного из них, когда начнутся рейсы катера через бухту, ко второй больнице. Рыбак охотно рассказал, что ходят два катера – МК-3 и МК-4 и катер «Ласточка». Они от восхода до захода солнца курсируют в бухте по кругу, причаливая у морвокзала, в центре города, у судоремонтного завода, у посёлка Шесхарис (возле больницы № 2).

Море тихое. Поверхность воды – гладкая, чуть колыхнется. Рыбаки внимательно смотрят на свои неподвижные поплавки. Клёва нет. В бухте – тишина. Ни ветерка. Над трубами цементных заводов к небу медленно поднимаются облачка сероватого дыма. Рыбак пояснил мне, что обычно над бухтой дует лёгкий ветерок – «моряк» или «норд-ост», которые уносят пыль в море или в горы, в сторону Неберджа. А сейчас полный штиль, и поэтому пыль висит в воздухе над заводом и городом, но это случается редко. Иногда ветер очень сильный, ураганной силы, и может выбросить корабль зазевавшегося капитана на мель.

Беседа наша прервалась – со стороны судоремонтного завода послышалось жужжание двигателя. Вдали показался МК-3. На причале уже собралось десятка три ранних пассажиров. Катер быстро развернулся, причалил. Из него вывалила толпа людей, отправившихся через сквер в центр и по набережной. Я занял место в носовой части. Катер направился к выходу из порта, прошёл между молами и двинулся влево, вдоль берега. Я вспомнил, что в этой части бухты у берега были свалены поднятые со дна разбитые в войну корабли. Сейчас не видно этой валки. Часть кораблей отремонтировали. Обломки других разрезали на металл и убрали.

Дымят трубы цементных заводов «Пролетария» и «Октября». На шоссе, идущем вдоль берега, появились автомобили – легковые, грузовые, автобусы. Город просыпается. Справа, далеко от берега, в море стоят на якоре грузовые корабли, ждущие своей очереди подойти к причалам в порту.

Вдали, на высоком обрывистом берегу показались белые здания, это больница № 2 – цель моей поездки. Доктор Тамара подробно рассказала мне о больнице. Вдоль берега стоит двухэтажный корпус хирургического отделения. Правее – здания терапевтического и гинекологического отделений. По краю обрыва вдоль фасада зданий – бетонный фигурный

метровой высоты заборчик. Он окружает территорию больницы со всех сторон. Правее больницы – низкий дощатый причал на металлических трубах.

Пассажиры высадились, двинулись толпой по причалу к берегу и по ложбине, рассекающей обрыв берега, вдоль гравийной дороги – вверх, в посёлок. Слева – белый бетонный забор, окружающий больницу.

Поднялся наверх. Впереди – Сухумское шоссе, уходящее вправо, затем сворачивающее вглубь берега. По нему мчатся автомобили. Через дорогу – беленькие частные домики посёлка, зелень деревьев.

Слева – открытые ворота ведут на территорию больницы. Напротив ворот, через дорогу, возле шоссе – большой павильон. Надпись «Продукты» меня обрадовала. Заглянул в окошко магазина – колбаса, сосиски, консервы, хлеб и т.д. Хороший ассортимент, за продуктами ходить недалеко!

Справа – выступ берега, мыс, на котором пара старых барачков, деревья. Возле них на верёвке сохнет бельё, ходят люди, играют дети. Свернул во двор больницы. Передо мной хирургический корпус. В левом его крыле дверь, надпись: «Приёмное отделение».

На правом крыле здания надпись «Администрация». Пошёл прямо туда. Благодаря Тамаре Такмазис ориентировался сейчас я легко, не спрашивая никого. Вот кабинет главного врача. Подошёл к двери. И тут же подошёл, как я понял, главный врач, Геннадий Яковлевич Серёгин. Среднего роста, крепко сложенный, лысоватый, седоватый мужчина.

– Вы ко мне? – спросил он меня.

– Да! Доктор Такмазис говорила, что в больницу требуется хирург. Вот я и пришёл...

Он с улыбкой взглянул на меня.

– Всё знаю. Можете не объяснять. Значит, будете начинать с нуля? – спросил он меня. – Когда решил стать хирургом?

– В институте, на втором курсе. Дежурил ночами. Ассистировал. На практике был у доктора Махова.

– Знаю Георгия Махова хорошо. Он наш сосед – рядом, в Геленджике. Как устроились? Где собираетесь жить?

– Переночевал у Тамары Такмазис. Но не хочу её стеснять. Постараюсь снять где-нибудь поблизости комнату.

– Привозите свои вещи от Тамары Александровны. Можете ночевать в моём кабинете, пока найдёте комнату. Условие – я прихожу в больницу к 8 утра. Кабинет должен быть к этому времени свободен! И что бы ваши вещи здесь не валялись где попало! Всё должно быть убрано к восьми утра! Ухожу домой обычно в 17 часов. Вот после работы и приходите к этому времени. Можете отдыхать в моём кабинете, ночевать. В общем, можете быть в кабинете с 5 вечера до 8 утра.

Горячо поблагодарил главврача. Он сразу понравился мне своей отзывчивостью, быстротой решений. Предложение Геннадия Яковлевича было отличное! Можно лишь мечтать – сразу получить комнату для ночлега, ведь теперь можно искать себе жильё без спешки и суеты. Я спросил Геннадия Яковлевича – когда мне приступать к работе.

– Вот и начинайте работать, – и предложил идти с ним в операционную. Ведь у него сегодня плановый операционный день, – Надо поторапливаться! Там всё готово! Нас ждут.

...Сегодня воскресенье. Утром после ночного дежурства сдал смену очередному дежурному хирургу. И вот я свободен до понедельника. Быстро переоделся, вышел из отделения. Над морем и у подножья хребта лёгкий туман. В тумане видны силуэты кораблей на рейде. Подошла «Ласточка». Капитан поторапливал пассажиров:

– Туман сгущается! Надо быстрее возвращаться в бухту! Можем застрять здесь, возле причала на неопределённое время.

– Куда торопитесь, доктор? – спросил капитан.

– Надо успеть на автобус! Хочу съездить домой в Краснодар.

– Туман небольшой! Должны успеть проскочить, пока туман всё закроет, – успокоили моряки. В тумане видны силуэты кораблей на рейде. Вот «Ласточка» прошла мимо мола в бухту. Неожиданно молочно-белый туман накрыл бухту и море. Белесая мгла со всех сторон окружила катер. Он снизил скорость до минимальной.

– Что же теперь будем делать? Застрянем в бухте, пока видимость улучшится? – спросил я рулевого.

– И такое может быть! – усмехнулся он.

– А я тороплюсь на автобус.

– Ну, тогда один выход – вплавь до берега, – улыбнулся капитан.

...Но вот подул лёгкий ветерок. Туман клочьями поплыл над водой. Появились прогалины, через которые стал виден берег, корабли на рейде. Туман как быстро опустился, так быстро и разошёлся. «Ласточка» уже возле причала, в центре Новороссийска. Спрыгнув, пожелал морякам счастливого пути, они ответили тем же. Через сквер – бегом на автостанцию.

После плотного обеда не спеша поднимаюсь по той же металлической лестнице обратно – на береговой обрыв, к шоссе. Решил пойти в больницу пешком. Это недалеко. Прошлую ночь я дежурил в больнице. Сейчас нужно подышать свежим воздухом, отдохнуть. Лёгкий свежий ветерок приятно охлаждает. Машин на шоссе мало. Пешеходов тоже почти нет. Вот и ворота больницы.

И тут мимо меня во двор, визжа на повороте, буквально влетела полным ходом Скорая помощь. Что-то случилось очень срочное? Сердце ёкнуло... Машина остановилась у приёмного отделения возле хирургического корпуса. Ускорив шаги, пошёл туда же. Из машины переложили на коляску мужчину, повезли в двери приёмного. Из административного блока выскочил и помчался бегом в приёмное отделение Серёгин. Я тоже невольно пробежал до двери и в смотровую комнату. Там уже Геннадий Яковлевич, зав. хирургическим отделением Егорова, хирург Нина Николаевна, сестра Нина.

На смотровом столе лежит парень лет 17. Егорова и Серёгин осматривают его. Беспомощно разводят руками:

– Ни пульса, ни дыхания... Кошачий зрачок... Признаки биологической смерти. Опоздали...

Прибежала из своего домика гинеколог:

– Может, чем-нибудь пригложусь?

– Неужели невозможно хоть что-нибудь сделать? – обратился я тихо к Егоровой, не в силах сдержать своё волнение.

– Очень жаль! Но мы в этой ситуации – бессильны. Слишком поздно привезли, – ответила Нина Владимировна. – Возьми себя в руки, – тихо добавила она мне.

Чувствую отвратительную беспомощность. Полная растерянность. В приёмном возле пострадавшего великолепные хирурги – Серёгин, Егорова... Голова кругом. Упущенные минуты – и ничего нельзя сделать! В полной мере ощутил, что хирург нередко бывает бессилён. Впервые ощутил это сам.

– Как же это случилось? – взволнованно спросил Серёгин. – Почему поздно доставили?

– Вызвали Скорую помощь не сразу. «Потеряли время», – сказала врач Скорой. – Пострадавший пришёл к своему другу, который работает на электрокаре. Был перерыв. В цехе они были вдвоём. Пострадавший стал на площадку электрокара и сказал, что покатается на нём, пока перерыв и никого нет. На пути электрокара оказался столб. Парня ударило о столб и прижало к нему. Пока товарищ сообразил, что травма очень тяжёлая, пока нашёл телефон... Пострадавший скончался в машине Скорой помощи во время транспортировки... – сообщила врач Скорой.

Я вышел в коридор. Серёгин сказал мне:

– Ещё не поздно. Сейчас же отправляйся туда, где случился несчастный случай. Узнай все обстоятельства травмы. Напиши отчёт. Завтра утром доложишь мне. Будет судеб-

но-медицинское вскрытие, следствие. Потом – суд. Обязательно пойдёшь, послушаешь и подготовишь доклад для врачебной конференции города. Такие случаи недопустимы! – подвёл итог Серёгин.

Так я начинал свой профессиональный путь...

Необычная коллекция

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Порой приходит озарение – как же я этого раньше не замечал! Такой момент случился и со мной. Летом 2002 года, 20 лет назад, мне пришлось посетить знакомого в станице Раевской. Тот приобрел старенький домик и просил проконсультировать его по поводу строительства нового. Во дворе уже кипела работа: таскали камни, готовили раствор и бутовали фундамент будущего дома. Мы с хозяином беседовали, вдруг я заметил, что один из парней несет в руках часть каменной ручной мельницы в виде жернова диаметром около 30 сантиметров. Хозяин объяснил, что это от старых хозяев осталось, пойдет в фундамент. После этих слов на меня нашло то самое озарение. Как же я раньше этого не замечал, ведь сколько подобных артефактов уже уничтожено. Спросил, где же вторая половина, а она уже была в бетоне. Забрав оставшийся еще незагубленным жернов, в придачу металлическую ручку, привез их домой.

На меня нахлынули воспоминания, когда стал размышлять о находке. Далекое детство, мы с отцом едем на мельницу молотить муку из полученного в колхозе зерна. Войдя внутрь мельницы, я окунулся в сказочный мир: все кругом белое, особенно запомнилась паутина в снежном бисере. Стоял грохот, мужики тащили по ступеням полные зерна мешки, другие стояли у желоба, принимая уже муку. Озираясь, вдруг увидел – вот откуда этот страшный грохот – огромное каменное колесо вращалось на другом таком же под ним и это превращало зерно в муку. Так мне запомнилась работа мельничных жерновов. Позднее мы часто приходили на эту мельницу, где нас угощали жареными семечками, подготовленными для отжима подсолнечного масла.

Рядом с нашим огородом находился конный двор, где было около полусотни лошадей. В памяти всплывает: лошадь ходит по кругу, топчет снопы пшеницы, а к ней привязана каменная шестерня, которой обмолачивают зерно. Где теперь все? Это и толкнуло меня на поиски каменных свидетелей жизни наших предков. Поначалу обследовал дворы родственников, раздобыл жернова ручной мельницы моего дедушки Ивана Васильевича Нагая, точильный круг из песчаника. Дальше – больше. Работая долгое время в станицах Раевской и

Натухаевской, по роду службы постоянно общаясь с населением, стал вспоминать, где могли сохраниться каменные предметы, обработанные рукой человека. За несколько лет собрал больше десятка катков (шестеренок) для обмолота зерна, разного размера точильных кругов, на которых

казаки в свое время шашки точили, ручные мельничные жернова, разных калибров и форм.

Одна из жительниц станицы Раевской подарила мне каменную кормушку для животных.

Но была мечта найти большой мельничный жернов. Хотя мельницы давно уничтожены, жернова должны ведь где-то сохраниться.

Каждое лето у нас работает археологическая экспедиция от института археологии Российской Академии наук. У меня давняя дружба с археологами, и вот в один из дней рождения они преподнесли мне подарок – указали место, где лежит огромный мельничный жернов. Он был из серого гранита – материал явно привозной, в наших краях такого нет. Моя коллекция пополнилась, но душа не успокоилась, и поиски продолжились. Наконец, новая удача – в Натухаевской в одном из дворов жерновом был накрыт колодец. Хозяева дома, баптисты-евангелисты долго не соглашались отдать его. Ссылались на то, что колодец, по преданию, закрыли для доступа, поскольку во время войны фашисты бросали в него расстрелянных людей. Через время мы нашли компромисс: я изготовил крышку на колодец и забрал находку. Это был жернов из местного песчаника, явно с нашей мельницы.

Вроде бы удача, но чувство неудовлетворенности преследовало, чего-то не хватало. Помогла бабушка Надя – как-то подошла ко мне и стала просить прощения: «Васильевич, я грешница, хожу мимо и все рассуждаю, вот человеку заняться нечем, таскает камни, нет чем-то полезным заняться. Вчера шла с внучками, они у меня спрашивают, что это за камни. Я стала им рассказывать, как раньше люди их использовали, да и самой приходилось кое-чем пользоваться. Так увлеклась своим рассказом, даже самой понравилось, а дети как довольны. Про то подумала, какое хорошее дело ты делаешь, эти вещи сохраняя. Вот и решила покаяться». Выслушав ее, я понял, о чем шла речь и что мне делать дальше.

Бесценную работу в нашем станичном музее ведет Нина Петровна Артамонникова. Я предложил ей пополнить экспозицию. В результате два больших жернова и два катка разместились у казацкого подворья моей родной станицы Натухаевской, здесь им как раз и место.

А еще добро возвращается добром. Прошло немного времени, и вдруг находка – прямо у себя на подворье – заметил странный, хоть и не очень приметный камешек, но у меня сразу проснулся инстинкт охотника, это – добыча. Взял в руки и сразу почувствовал его необычность. Это был идеально гладкий, с одного края заточенный и очень прочный

каменный инструмент. Сделав несколько фото, отправил их товарищам археологам. Их ответ подтвердил мои мысли: это был изготовленный в период позднего энеолита кремневый инструмент – тесло. Мог использоваться как топорик, скребок, нож и т. д.

Тогда же в нескольких метрах был найден еще один кремневый предмет в виде наконечника копья или стрелы. Просто мистика, как будто кто-то специально положил их для меня.

Все собранные каменные артефакты помогают изучать и сохранять историю нашего края.

Петр КОЗЬМИН,

Содержание:

ГОРОД МОЕЙ ДУШИ

Николай Турчин Улица «Новороссийских партизан». Станичка. Улица Видова. Улица Скобликова.....	3
Терентий Кокадей От деда к внуку.....	7
Марина Рыбкина Знакомой улицей пройду.....	8
Анна Зорина, Игорь Гусенин Имение «Павловка» проф. КОВАЛЕВСКОГО.....	12
Екатерина Кралина Материодоушка.....	16
Вячеслав Волков Как я стал дачником.....	18
О ЖИЗНИ, ПОДВИГАХ, ТРУДАХ...	
Антонина Мельдзер Из груды развалин и пепла пожарищ.....	20
Евгений Рожанский Дальше враг не прошел.....	23
Леонид Зелёный Семь губных гармошек.....	26
Наталья Сытник Год оккупации в станице Раевской.....	32
Василий Хонин 1943 год. Разминирование Новороссийска	37
Сергей Коняшин Поднимая знамя свободы.....	38
Анатолий Караваев Памятная доска на музыкальной школе.....	43
Лариса Дьячкова Два пожара с разницей в 30 лет.....	44
Вячеслав Губарь Нефтяные генералы.....	46
Виктор Буравкин НОВОРЭС.....	49
Мария Ананьева Кто ел древнего человека.....	55

ИЗ НИХ СОСТОИТ НОВОРОССИЙСК

Алевтина Коновалова	
Пельменная на рынке.....	57
Дарья Зарубинская	
Кулинария на Советов, 40.....	59
Александр Фомичев	
Дом на Балке.....	62
Анатолий Караваев	
Мемориальная доска.....	63
Константин Русанов	
Аптекари и провизоры Новороссийска.....	64
Людмила Бойко	
Вся жизнь в борьбе.....	68
Анатолий Нилов	
Фарватер судьбы.....	74
Виктор Пахомов	
Мастер. Учитель. Друг.....	79
Лев Степко	
Ульям Аллан о герое эпохи рыцарства.....	82
Сергей Стряпухин	
Синтез археологии и искусства в работах Александра Кампера.....	84
Гавриил Иваниченко	
У бухты Цемесской.....	88
Петр Козьмин	
Время собирать камни.....	92

Истоки

История. Культура. Краеведение

Альманах № 7

Выпускающий и технический редактор:

А.Ю. Коновалова

Редактор: Л.Б. Бойко

Если вы творческий человек и вам есть чем поделиться с читателем, ваша работа может быть размещена на страницах нашего альманаха независимо от возраста.

Редколлегия рассмотрит каждую работу индивидуально.

Контактный телефон: **8 938 865 32 79**.

Email: konovalova-ala@mail.ru

milano8@mail.ru

Идея создания альманаха А.Ю. Коноваловой и А. П. Беловой

Подписано в печать 15.12.2022. Формат 69х90/16. Усл. печ. л. 7,6. Тираж – 150.

Издательство «Одиссей». 353907, Краснодарский край, г. Новороссийск.

Отпечатано в типографии ИП Кобылинский В.Н.: 353907,

Краснодарский край,

г. Новороссийск, ул. Козлова, 47, тел: 8 (8617) 64 41 54